

СТРАНА И МИР

* das land und die welt * our country and the world * le pays et le monde * el pais y el mundo *

- ЕРЕВАН И БАКУ
- ЛАТВИЯ БЕЗ КРАСНЫХ СТРЕЛКОВ
- КОНСТИТУЦИЯ ДОБРОГО ДЯДИ
- ЛИБО ПАРТИЯ – ЛИБО ДЕМОКРАТИЯ
- ПРОТИВ ВЛАСТИ, НО ЗА ГОРБАЧЕВА
- СЛУЖИЛАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
- ОПЯТЬ ПРО ЕВРЕЕВ
- ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЛЮС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
- АФГАНИСТАН. НАЧАЛО КОНЦА
- СЧАСТЬЕ БЫТЬ СОЦИАЛИСТОМ
- ЖИЗНЬ И ВЗГЛЯДЫ СЭРА КАРЛА ПОППЕРА
- ЖИЛ КАК ЧЕЛОВЕК, УМЕР КАК ПОЭТ
- ЦЕНТРОВОЕ МЕСТЕЧКО НА НЕВСКОМ
- ПРОЩАНИЕ С ДАНИЭЛЕМ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле – 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высыпаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов. Куда идешь</i>	11
<i>Б.Шрагин. Традиция неконституционности</i>	22
<i>В.Чалидзе. На этот раз может быть всерьез</i>	24
<i>Г.Померанц. Нефронтовые мысли</i>	26
Вести из СССР	29
<i>"Мы на своей родине – в меньшинстве". Интервью с министром культуры Латвии Р.Паулсом</i>	48
<i>А.П. С весны до осени</i>	52
<i>Э.Финкельштейн. Евреи в СССР. Путь в XXI век</i>	64
<i>М.Лавинь. Одна или две экономики?</i>	71
<i>В.Чалидзе. Однопартийная демократия</i>	82
Интеллигенция и народ. Беседа с Н.Эйдельманом	87
Из журналов	98
<i>А.Гаус. Гибель республики</i>	99
<i>Карл Поппер. Еще раз об открытом обществе и его врагах</i>	111
<i>Б.Хазанов. Послесловие к Попперу</i>	118
<i>М.Новак. Социализм как "дум высокое стремленье"</i>	124
<i>Б.Парамонов. Смерть Чапека или о демократии</i>	132
<i>К.Сочнев. "Двойной-маленький" для андерграунда</i>	140
<i>Е.Гессен. И всюду страсти роковые</i>	149
Письма в редакцию	156
Памяти Юлия Даниэля	160

В номере 160 страниц

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

Шестой год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ФЕДЕРАЦИЯ ПОД УГРОЗОЙ

Социалистическая Югославия переживает кризис, которого она не знала со дня своего основания в 1945 г. Политические, экономические и этнические корни этого кризиса тесно переплетены, но на поверхность сейчас вышли региональные конфликты, распри и трения на национальной почве.

Югославия как современное государство возникла после Первой мировой войны и была буквально слеплена из осколков распавшихся Австро-Венгерской и Оттоманской империй. Королевство Югославия не пережило Второй мировой войны – на его месте возникла Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ). Хотя большинство населения страны имеет славянские корни и название "южные славяне" с исторической точки зрения правомерно, национальный состав современной 23-миллионной Югославии более чем пестр. СФРЮ состоит из шести федеративных республик – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Македонии и двух автономных областей – Воеводины и Косово, входящих в состав Сербии. В стране три главных языка – сербохорватский, словенский и македонский и два алфавита – кириллица и латиница. В Югославии официально признаны четыре главные религиозные общины (сербская право-

славная, римско-католическая, мусульманская и македонская православная) и не менее тридцати более мелких общин. Народы Югославии прошли в своем развитии разные исторические пути, ориентировались на разные религиозные и политические центры в Европе и Передней Азии, некоторые даже враждовали, а то и воевали друг с другом на протяжении веков.

В северной республике – Словении проживает 1,8 миллиона словенцев (8% населения страны). Эта область – наиболее вестернизированная и процветающая из всех республик СФРЮ. Она производит около одной пятой всего национального продукта страны и четвертую часть продукции, идущей на экспорт. Жизненный уровень здесь весьма высок (доход на душу населения составляет 5010 долларов – выше, чем в Греции с ее 4700 долларами). Политический климат в Словении в последние годы стал гораздо мягче, так что жизнь здесь мало отличается от жизни в соседней Австрии или, например, в Греции.

Хорватов в стране 4,4 миллиона, и они составляют 20% населения страны. Хорваты, как и сербы, о которых пойдет речь ниже, появились на Балканском полуострове в VII в. н.э. Они близки сербам по происхождению и языку, но исторически придерживаются иной культурно-политической ориентации. Если сербы всегда смотрели на Восток, приняли православие и пишут кириллицей, то хорваты – католики, пишут латиницей и всегда одним глазом смотрели на Запад, в сторону германоязычного мира. Это историческое расхождение вылилось в открытую вражду во время Второй мировой войны, хотя считать, что все хорваты были на стороне нацистской Германии, а все сербы поддерживали СССР

и повстанческую армию Тито, было бы неверным. Тем не менее зверства хорватских фашистов по отношению к сербскому населению республики оставили глубокий след в сознании обоих народов и по сей день являются одним из источников недоверия и подозрительности между ними.

В том же VII в. на Балканском полуострове появились и македонцы. Сегодня их 1,3 миллиона (6% населения). О происхождении этого народа до сих пор идут споры. Болгары считают македонцев своими соплеменниками и... болгарским национальным меньшинством в Югославии. И хотя основания для этого весьма сомнительны, кое-кто в Болгарии совсем не прочь раздуть проболгарские настроения в Македонии. Однако признание руководством Тито отдельной македонской православной церкви и национального языка македонцев одним из официальных языков страны способствовало росту национального самосознания македонцев. Проболгарские настроения среди них отнюдь не в моде.

В стране насчитывается 3,5 миллиона (16%) мусульман (не считая албанцев), которые сконцентрированы в Боснии, Герцеговине и Косово. В социалистической Югославии мусульмане, ставшие враги славянских народов на Балканах, получили высокую степень религиозной свободы и культурной автономии (за последние 35 лет в стране было построено 800 новых мечетей).

Черногорцев в Югославии всего 580 тысяч. В прошлые века суровая, гористая Черногория защищала их от турецкого разбоя и служила убежищем для сербов, бежавших от оттоманского ига. Часть черногорцев – так называемые “белые” – отождествляют себя с сербами и даже недовольны образованием отдельной республики, но другие – “зеленые” – предпочитают автономию, исходя из экономических и экологических соображений.

1,7 миллиона албанцев составляют 8% населения страны. Большая часть албанцев живет в Косово, автономной области Сербии. Албанцы начали переселяться сюда в давние времена, но именно в последние годы, благодаря своей высокой рождаемости (27 человек на тысячу) и продолжающейся эмиграции сербов из этого района, соотношение албанского и сербского населения достигло здесь 8:1. Сербов в Косово всего 180 тысяч. Косово – самая бедная и слаборазвитая область в Югославии. Здесь самая высокая безработица и самый низкий уровень жизни, самые плохие дороги и самый низкий уровень образования и медицинского обслуживания. Хотя какая-то часть косовских албанцев занимает жесткую проалбанскую позицию, настроение

ние большинства колеблется в зависимости от текущих обстоятельств.

Самый большой народ Югославии – сербы. Их около девяти миллионов, они составляют треть населения страны. В XI–XIV вв. на Балканах, а именно в Косово, существовало независимое Сербское королевство. Здесь, в Косово, сформировались культурные, политические и религиозные институты сербского народа. Именно здесь, на Косовом поле, в 1389 г. войска Османской империи разгромили сербскую армию, уничтожили сербское государство. С этого же времени начинается история борьбы сербов за восстановление утраченной независимости. История эта завершилась восстаниями 1804 и 1812 гг., в результате которых было восстановлено независимое Сербское королевство. В 1918 г. Сербское королевство стало ядром вновь образовавшегося Королевства сербов, хорватов и словенцев, переименованного в 1929 г. в королевство Югославия.

Сербы по праву считают, что их многовековая борьба против турецкого владычества способствовала освобождению и других славянских народов Балканского полуострова. Однако став доминирующей силой в многонациональной Югославии, сербы повели себя не лучшим образом по отношению к тем народам, которые, как они утверждают, получили независимость из их рук. Словенцы и хорваты, боснийцы и македонцы, да и другие народы страны хорошо помнят лозунг “Великой Сербии” и то, как он проводился в жизнь в королевской Югославии. И по сей день сербов продолжают подозревать в стремлении к гегемонии и политическому господству.

Основоположник социалистической Югославии Иосиф Броз Тито, создавая политические и социальные структуры нового государства, исходил из двух главных соображений: необходимости обуздать сербский гегемонизм, с одной стороны, и сепаратистские тенденции несербских народов – с другой. Именно поэтому все федеративные республики страны равно представлены в центральном правительстве, а все местные компартии – в центральном аппарате правящей партии, Союзе коммунистов Югославии. При этом национальное руководство республик имеет в их пределах весьма широкие полномочия.

Впрочем, о жизнеспособности созданной Тито федеративной структуры при его жизни судить было трудно. Угроза интервенции со стороны СССР в 40–50-х гг., неостынивший еще пафос антифашистского сопротивления и, главное, единоличное правление Тито, основанное на его репутации вождя сопротивления, отца нации и крупного международного деятеля, цементировали

единство страны. Тито, безусловно, отдавал себе в этом отчет. В 1974 г., понимая, что рано или поздно ему придется уйти со сцены, престарелый маршал провел конституционные реформы, согласно которым, в частности, на территории Сербии были образованы две автономные области – Воеводина и Косово. Расчет был на то, чтобы "физически" подрезать крылья сербскому гегемонизму.

Оправдался ли этот расчет?

В отношении автономной области Воеводина – определенно оправдался. Сербское население здесь неплохо уживается с несербским и хорошо научилось пользоваться плодами автономии (которая у автономных областей почти столь же обширна, как и у федеративных республик). Иначе сложилась ситуация в Косово. "Феномен Косово" превратился в опасную проблему, способную, как думают многие, разрушить хрупкую федеративную структуру страны.

Все началось в 1987 г., когда на страницах сербской печати, находящейся под жестким контролем местной компартии, появились передовые статьи о "заговорах" албанских националистов в Косово, будто бы стремящихся оторвать Косово от Югославии и присоединиться к Албании. Сообщения о заговорах сопровождались рассказами о терроре албанцев против сербов: нападениях, изнасилованиях, осквернении сербских кладбищ. Продолжающееся в значительных масштабах переселение сербов из Косово, казалось бы, подтверждало эти факты. Печать разжигала страсти, которые к середине прошлого года вылились в массовые митинги и демонстрации протеста. Демонстранты-сербы требовали прекратить преследования соплеменников в Косово, передать провинцию под прямой контроль Сербии. В сентябре-октябре накал страстей достиг апогея. 3 сентября 70-тысячная толпа, собравшаяся в городке Смедерево под Белградом, скандировала в течение нескольких часов: "Дайте нам оружие! Понесите армию в Косово!". Массовые протесты возымели эффект. В конце сентября центральное правительство направило в Косово тысячный отряд вооруженной милиции, с тем чтобы помочь справиться с беспорядками. По сообщениям телеграфного агентства ТАНИЮГ, милиция "окружила группу вооруженных албанских сепаратистов, арестовала 41 человека, конфисковала оружие, боеприпасы, типографское оборудование и листовки подрывного характера".

И все же кое-что в этой массовой и порой истерической кампании в защиту косовских сербов оставалось неясным. Настораживало то, что сообщения о "зверствах" албанцев и о насили-

ственном изгнании сербов из этой области не подтверждались независимыми источниками. Иностранные дипломаты, корреспонденты и туристы, побывавшие в Косово, говорили, что сообщения о преследовании сербов были сильно преувеличены. Оправдывали обвинения в преследовании сербов и власти провинции Косово. Не отрицая отдельных актов насилия, они заявляли, что преступность в области очень высока, причем большинство преступлений совершается безработной молодежью и слоняющимися без дела подростками. При этом в подавляющем большинстве случаев жертвами преступлений являются сами албанцы. Что же касается "бегства" сербского населения, то косовские власти объясняют его не преследованиями, а высокой безработицей (более 50%), низким жизненным уровнем (а он здесь в 7 раз ниже, чем в Словении) и плохими социальными условиями. Эти аргументы звучат убедительно, ибо сербские газеты ведут счет только преступлениям против сербов, не упоминая, какой процент эти преступления составляют от общего числа правонарушений в провинции. Ну, и конечно же, нетрудно понять людей, стремящихся переселиться в благополучные и спокойные области, в которых к тому же говорят на их родном языке.

Но в еще большей степени массовая кампания в защиту косовских сербов настораживала своей практической направленностью. Выступая под общим лозунгом защиты соотечественников, демонстранты требовали... персональных перемен в центральных партийных и государственных органах власти и в руководстве всех республик. В разных частях страны они осаждали правительственные здания, бросали камни и бутылки в милиционные кордоны, требовали ухода неугодных им политиков и замены их сторонниками главы сербской партийной организации Слободана Милошевича. Видимо, тут-то и была зарыта собака! Именно сербский партийный босс организовал массовую кампанию, уже получившую название "третьего сербского восстания". Организовал и умело ею дирижировал.

47-летний Слобо (так теперь называют в Сербии Милошевича), в прошлом неприметный партийный функционер, заняв в 1986 г. пост руководителя сербской партийной организации, неожиданно проявил себя как амбициозный, упорный и смотрящий далеко вперед политик. Милошевич начал с драматического жеста. Произошло это в Косово. Тысячи сербов пытались пробиться в здание, где заседало партийное руководство провинции. Милиция разгоняла собравшихся дубинками. Вдруг из здания в толпу бросился Слободан Милошевич, присланный сюда из Белгра-

да, чтобы умерить страсти. Подняв руки, Милошевич утихомирил толпу словами: "Никто ни сейчас, ни в будущем не имеет права вас бить! Вас больше никогда не будут бить!". Эти слова, столь необычные в устах партийного босса, мгновенно облетели страну и принесли Милошевичу небывалую популярность среди сербского, да и не только сербского, населения. На практике его заявление означало, что демонстрации разрешены! Ну, а как, когда и где демонстрировать и, главное, чего требовать, на это у Милошевича были свои соображения.

Формально Милошевич добивается пересмотра конституции 1974 г. и возвращения автономных провинций Косово и Воеводина под контроль Сербии. Но его требования этим не ограничиваются. Дело в том, что конституция 1974 г. наряду с новым территориальным устройством предусматривала и новую систему политической власти, которая должна была прийти на смену личной власти Тито. Наследником Тито, по его собственному замыслу, стало коллективное руководство – Центральный Комитет СКЮ из 165 человек и Политбюро ЦК из 23 человек. Президентом страны поочередно, сроком на один год, назначается руководитель одной из республиканских партийных организаций. Однако несмотря на то, что со смерти Тито прошло уже восемь лет, население страны еще не вполне свыклось со столь резким переходом власти из рук обожествляемого вождя к безликому коллективному руководству, которое в стране называют не иначе как "серые костюмы". Так что в умах многих югославов все еще сохраняется "вакуум власти". Впрочем, дело не только в психологии людей и привычке видеть у руля сильную и яркую власть. На безлиое руководство легко свалить все неурядицы, его легко обвинить в развале экономики, падении жизненного уровня, в росте безработицы и, прежде всего, в "неспособности защитить косовских сербов" и в неумении "преодолеть сепаратистские настроения в республиках".

И Слободан Милошевич не скучится на обвинения. Он обвиняет многих политических лидеров в центре и на местах в коррупции, кумовстве, некомпетентности, неспособности решать насущные проблемы страны. Но что он предлагает взамен, какова его собственная позиция? Милошевич никогда не выдвигал четкой программы, но своего политического кредо он не скрывает. Он – сторонник жесткой централизованной системы. Он призывает к укреплению дисциплины, к усилению роли центральных руководящих органов, к большему контролю над экономикой. Летом прошлого года он направил

письмо в ЦК СКЮ и в республиканские партийные организации с требованием поддержать его предложение о передаче Косова и Воеводины под прямой контроль Сербии, а также с требованием отставки скомпрометировавших себя политиков и замены их... его, Милошевича, сторонниками. Но не письма, а массовые демонстрации являют-ся главным оружием кандидата на роль нового Тито (острики в Белграде уже прозвали его Слободаном Тито). Хотя прямое обращение к народу и манипулирование массовыми манифестациями отнюдь не в обычаях политической жизни социалистической Югославии. Милошевич готов нарушить (конечно, временно!) правила игры, чтобы стать единоличным руководителем страны.

На первом этапе продвижения к этой цели необычное оружие – манифестации принесли Милошевичу внушительную победу. В середине октября 1988 г. стотысячная толпа сербов в течение двух дней осаждала здание Народной Скупщины автономной области Воеводина, где проходила чрезвычайная сессия, обсуждавшая требование демонстрантов об уходе всего руководства провинции в отставку и замене его сторонниками Милошевича. После острых дебатов руководство провинции подало в отставку, и все 15 членов Политбюро постыдно бежали из здания через черный ход. Окрыленные успехом, сторонники Милошевича решили тем же способом сместить и руководство Черногории. Но тут их ждало разочарование. Несмотря на то, что черногорское руководство раскололось по вопросу о требованиях демонстрантов, а у двух членов Политбюро не выдержали нервы и они заявили об уходе, большинством голосов было тем не менее решено не поддаваться давлению толпы. Милиция получила приказ разогнать демонстрантов. Сторонникам Милошевича так и не удалось захватить ведущие позиции в Титограде.

Однако главный бой был впереди. На 16 октября была назначена сессия ЦК СКЮ. Формально ЦК собирался для обсуждения экономических проблем страны и для поиска ответа на требование сербской партийной организации предложить ей большую власть в провинциях Косово и Воеводина. Но все в Югославии понимали, что предстоит решающая схватка Милошевича с "серыми костюмами". Миллионы югославов следили за трехдневными дебатами, ожидая, быть может, драматического поворота в жизни страны.

В своем выступлении Милошевич потребовал провести большую чистку "безликого, десентрализованного руководства партии", особо настаивая на удалении трех партийных руководителей из Косово, где, по его словам, "сербское население

ние подвергается преследованиям со стороны албанского большинства и местного правительства". Требования Милошевича звучали как ультиматум. Казалось, он ни на миг не сомневается в победе – ведь за его спиной стояли многотысячные толпы, способные по его призыву перевернуть страну. Но Слободан Милошевич просчитался. Правящие партократы приняли вызов, сумели объединиться и нанесли Милошевичу сокрушительное поражение. Правда, они не решились поднять руку на самого Слобо, но при голосовании только одному члену Политбюро было выражено недоверие. Этим человеком был... Душан Кребич, один из двух голосующих представителей Сербии в Политбюро, второй человек после Милошевича в сербской компартии и его ближайший соратник. Никто из албанских лидеров Косова, включая самого популярного из них, Азема Власи, не был выведен из состава Политбюро.

Дав отпор рвущемуся к власти Милошевичу, партийные лидеры пяти республик руководствовались, разумеется, не только страхом потерять свои кресла. Все они представляли политические силы, не заинтересованные в усилении роли Сербии и в укреплении центральной власти. Правящая партийно-бюрократическая верхушка, как видно, сочла, что положение в стране не настолько серьезно, чтобы его могло спасти только появление у руля новой сильной личности. Кандидату в новые Тито остается, как видно, ждать своего часа. Вот только наступит ли он?

Это зависит от многих факторов и, похоже, главный из них – вовсе не этнические, а экономические проблемы страны. И действительно, хотя после октябрьского поражения Милошевич умерил свой пыл, митинги и демонстрации в стране не прекратились. Ясно, что и в прошлом, и сегодня подоплекой народных волнений является острое недовольство народа экономическим положением, которое сербский политик ловко направлял в выгодное для себя русло.

Экономика страны не просто хромает на обе ноги – она постепенно разрушается. В январе этого года инфляция достигла 251%, безработица – 18%, а жизненный уровень упал по сравнению с 1984 г. на 40%. Хотя в стране принято обвинять в нынешних трудностях послетитовское руководство, в действительности эти трудности являются во многом расплатой за политику прошлых лет. Хваленые самоуправляющиеся предприятия страны в большинстве своем всегда были убыточными. Чтобы не дать погибнуть им, а также – мифу о новом, югославском пути к социализму, центральное правительство поощряло эти предприятия брать деньги взаймы

у иностранных банков. В результате сегодня национальный долг страны составляет 22 миллиарда долларов! Югославия слишком связана с Западом, чтобы пренебрегать долговыми обязательствами. В то же время страна не в состоянии выплачивать четыре с половиной миллиарда долларов в год. Так что правительство вынуждено было договориться с кредиторами об уменьшении ежегодной выплаты до одного миллиарда долларов. Но уступка со стороны кредиторов потребовала встречных уступок и со стороны Югославии: правительство обязалось усилить борьбу с инфляцией, заморозило зарплату, ввело режим строгой экономии.

Виновником экономических трудностей Югославии является отнюдь не "безлиое коллективное руководство", как утверждает Слободан Милошевич. (Кстати, в соседней Румынии и Польше, которыми правит "сильная рука", экономические проблемы еще острее и глубже.) В основе трудностей лежат причины внутреннего и внешнего характера. Прежде всего следует отметить, что рабочее самоуправление не оправдало себя с экономической точки зрения: патриархальный стиль самоуправления связан с огромными непроизводительными издержками и совсем не стимулирует рост производительности труда. В стране все чаще раздаются призывы привлечь к управлению предприятиями профессиональных менеджеров. Но как это совместить с рабочим самоуправлением?

Внешнеполитические причины связаны с генеральной линией Тито, взявшего в свое время курс на тесное сотрудничество со странами Третьего мира. Политика неприсоединения принесла стране не только немалые политические дивиденды, но и значительные экономические убытки. Страны Третьего мира оказались хорошими политическими союзниками, но плохими – в сущности, неплатежеспособными – торговыми партнерами.

Расплачиваться за ошибки прошлого и настоящего приходится населению страны, причем сербы оказались чуть ли не в самом худшем положении. Причин тому много. В период враждебных отношений с Советским Союзом Тито из военно-стратегических соображений перенес заводы, располагавшиеся вдоль восточной границы Сербии, вглубь страны, в Боснию и Хорватию. Этим сегодня и объясняется то, что безработица в Сербии выше, чем в среднем по стране. Немаловажно и то, что сюда, в Сербию не притекает иностранная валюта, так как югославские рабочие в Европе – в большинстве своем хорваты, боснийцы, македонцы и словенцы. Туда, в свои республики, они и переводят часть своих

заработков в твердой валюте. Но важнее всего другое: именно в Сербии сильнее всего ощущается рука партии, сильнее всего централизованный контроль над экономикой и другими сторонами жизни людей. А это, в свою очередь, означает отсутствие гибкости, инициативы, изобретательности, поиска новых форм организации производства. Для сравнения упомянем о положении в Словении. Руководство этой республики, возглавляемое либеральным лидером Миланом Кучаном — главным противником Милошевича и его политики жесткой руки, — упорно идет по пути развития рыночной экономики и демократизации всех сторон жизни населения. И это уже принесло свои плоды: сегодня Словения — единственная преуспевающая республика в Югославии.

Итак, главные тяготы экономического кризиса легли на плечи сербского населения, и в этом, похоже, и заключается главная причина "третьего сербского восстания". При этом события последних месяцев показали, что сербы не хотят, чтобы их бедами манипулировали. Массовые митинги и демонстрации продолжались и в ноябре, и в декабре, но носили уже чисто экономический характер. Толпы людей, достигавшие 100–120 тысяч человек, требовали в частности отставки премьер-министра Бранко Микулича, ответственного за экономику страны.

Джинн, выпущенный Слободаном Милошевичем из бутылки, сделал свое дело. Народные демонстрации вынудили второго человека в государстве подать в отставку. 30 декабря место премьер-министра стало вакантным. Борьба за ключевой пост разгорелась между Бориславом Йовицем, президентом Народной Скупщины Сербии, единомышленником и близким соратником Слободана Милошевича, и Анте Марковичем, членом Президиума Народной Скупщины Хорватии, пользующимся репутацией либерального реформатора. Несмотря на то, что формально у Йовица было больше шансов (сербские политики не занимали поста премьер-министра с 1963 года), 19 января новым премьер-министром страны стал Анте Маркович. Правящее Политбюро, уступая настроениям в стране и, разумеется, не забывая о собственных опасениях и интересах, сделало выбор в пользу реформ либерального толка. Другое дело — удастся ли новому премьеру добиться в стране того, что удалось осуществить пока в одной лишь Словении.

В конце января появились признаки того, что на политическую арену может выйти сила, в Югославии традиционно нейтральная, а именно — армия. На пленуме ЦК СКЮ, открывшемся 30 января, председатель Политбюро Стани Сувар

(срок которого на этом посту заканчивается в мае) выступил с резкой критикой Милошевича, указав на опасность роста в стране пролетарских настроений. Милошевич, однако, не выскажал никакого желания умерить свои амбиции. Тогда слово взял член Политбюро адмирал Петар Симич, глава парторганизации вооруженных сил. "Армия, — заявил Симич, — будет противодействовать всеми силами и средствами любому, кто начнет опасную игру с достижениями нашей освободительной борьбы и социалистической революции... Если кто-либо объявит битву за Югославию, ему придется иметь дело с югославской Освободительной армией и миллионами трудящихся". Это столь необычное для югославских военных предостережение было подкреплено выступлением заминистра обороны Стана Бреветом. Он подчеркнул, что армия "не позволит отойти от федеративного устройства страны, созданного президентом Тито". Имя Милошевича прямо названо не было, но все в Югославии восприняли предостережения, как направленные именно против него.

Сейчас мировая пресса заполнена сообщениями о событиях в Югославии. Но не только журналисты, политические деятели и экономисты озабочены положением в этой балканской стране. Во что выльются этнические распри, удастся ли справиться с экономическими трудностями, не воспользуется ли ситуацией очередной сторонник жесткого курса? Наконец, не станет ли Югославия новым очагом международного кризиса? Ведь каждый школьник в Европе знает, что Первая мировая война началась с выстрела в Сараево. Многие европейцы задают себе сегодня эти вопросы.

Опасения, что из-за положения в Югославии может разразиться международный кризис, преувеличены. Сегодня Югославия не находится в фокусе интересов великих держав. И Запад, и Восток стараются держаться подальше от клубка противоречий, тугу завязанного на Балканах. Что же касается тяжелого внутреннего кризиса Югославии, то он будет суровым испытанием на зрелость для ее народов, слишком долго полагавшихся на мудрость и твердость своего вождя, Иосифа Броз Тито. Теперь уже им самим придется решать свои проблемы. ●

3.9.

ИМЯ, КОТОРОЕ НЕ СЛЕДУЕТ ЗАБЫВАТЬ

22 января польское агентство новостей ПАП сообщило о кончине бывшего премьер-министра страны Юзефа Циранкевича.

Ю.Циранкевич (р. 1911 г.) принадлежал к поколению "пламенных революционеров-подпольщиков". Он начал свою политическую карьеру в довоенной Польше, участвовал в антифашистском сопротивлении, был арестован гестапо, провел четыре года в Освенциме.

Ореол борца и мученика, с одной стороны, и "идеологическая стойкость" – с другой, позволили ему после освобождения страны от немецкой оккупации подняться на верхние ступени в Польской социалистической партии (ППС). В 1946 г. он был избран генеральным секретарем ЦИК ППС. Дальнейший успех Циранкевича был связан с его беспрекословным подчинением сталинисту № 1 в ППС Болеславу Беруту, с готовностью выполнить любое указание, исходящее из Москвы. Вместе с Берутом Циранкевич возглавил разгром Народного фронта в первые послевоенные годы, организовал преследование и травлю бывших союзников по антифашистскому сопротивлению, немало способствовал укреплению диктатуры компартии (ПОРП) и превращению страны в вассала Советского Союза. В 1954 году Циранкевич занял пост председателя Совета министров и оставался на нем вплоть до 1970 года. Именно в годы его правления и завершилось строительство "новой, социалистической" Польши.

Сообщение ПАП о смерти Циранкевича было коротким и более чем сдержанным. Ни перечисления заслуг, ни даже постов, которые занимал покойный. Не сообщалось, где он умер и где будет похоронен. Это соответствует стилю, которого придерживаются руководители страны по отношению к своим предшественникам. Руководство Ярузельского-Раковского не только не хочет раздражать население упоминанием ненавистных ему имен, но предпочитает делать вид, что не имеет ничего общего с кликой Берута-Циранкевича.

Более того, новые руководители страны не прочь представить проблемы Польши как результат естественного развития страны, как следствие особо неблагоприятных внешних условий. Что касается внешних условий, в которых польское государство находилось по крайней мере в течение нынешнего столетия, то их действительно трудно назвать благоприятными. И все же польский кризис – результат неестественного, навязанного стране силой пути развития. Именно поэтому каждый, кто хочет перестроить уродливое здание социалистической Польши, не должен забывать имен его архитекторов – Берута, Циранкевича и других.

АЗИЯ

ХИРОХИТО, ИМПЕРАТОР ТРЕХ ЯПОНИЙ

Утром 7 января в императорском дворце в Токио от язвы двенадцатиперстной кишки скончался император Японии Хирохито, самый долговечный монарх на земле.

Хирохито родился в 1901 г., взошел на "трон Хризантемы" в 1926 г. и до 1945 г., как и все его 123 предшественника из династии, существующей, согласно преданиям, 2647 лет, считался лицом божественным. Несмотря на то, что в 1946 г. Хирохито отрекся от своего "божественного" статуса, император оставался фигурой, глубоко почитаемой в самых широких кругах соотечественников. Его болезнь и смерть вызвали неподдельную скорбь миллионов японцев. Вот уже полгода, как из-за болезни монарха были отменены все массовые увеселения, а после его кончины в стране объявлен двухлетний национальный траур. Редкий случай в современном, стремительно несущемся вперед мире, когда нация воздает долг памяти человеку прошлого, правившему ею в течение 63 лет! В соответствии с японской традицией императору присваивается новое имя, под которым он войдет в историю. Покойному Хирохито дано имя Шова, что означает "просвещенный мир".

Личность императора Хирохито вызывала и будет вызывать живой интерес далеко за пределами Японии. Но объясняется этот интерес не только удивительной судьбой и загадочностью личности самого императора. Несмотря на свое "небесное" происхождение, император Хирохито был японцем до мозга костей, японцем по всем критериям, по которым только мыслимо отождествлять отдельную личность с целойнацией. Хирохито стал символом Японии XX в. не только в силу своего положения, но и благодаря глубокой внутренней связи со своим народом, с его традициями и историей. Разобраться в сложных переплетениях его судьбы, разгадать тайны его противоречивой личности означает понять историю Японии уходящего столетия, осознать корни национальной трагедии и причины перелома в национальном сознании народа.

О Хирохито сказано много, но первое, что бросается в глаза, это противоречивость оценок

Хирохито во время коронации в 1926 г.

личности императора и его роли в истории Японии. Одни исследователи считают, что именно Хирохито был крестным отцом японского милитаризма, приведшего в конечном счете к национальной трагедии и гибели миллионов людей, в том числе и двух миллионов его соотечественников. Облик маленького, щедущного человека в императорских регалиях, окруженного офицерами и генералами, стал для многих символом отвратительной жестокости, национального высокомерия и имперских устремлений дооценной Японии.

Другие видят в японском императоре, облаченном во фрак и цилиндр и подписывающем акт о безоговорочной капитуляции своей страны, символ смирения нации, признания сю своей вины, обещания навеки покончить с милитаризмом и отказаться от колониальных притязаний. Наконец, третьим более всего по душе образ конституционного монарха (и ученого-океанолога!), цементирующего национальное единство и олицетворяющего нацию в то время, когда она на всех парах устремляется в XXI век, нивелирующий традиции и культуры народов, умы и души людей.

Так кем же в действительности был импера-

тор Хирохито, где его настоящее лицо и где все-гто лишь маски?

Все три лица Хирохито истинны. Он был императором трех Японий. Япония в XX в. имела трех разных императоров, и всех их звали Хирохито.

Хирохито родился в очень важный период истории Японии, получивший название реставрации Мэйдзи. Его дед, император Мэйдзи, взойдя на престол в 1868 г., сумел подчинить себе местных феодалов-сегунов и заново основать централизованное японское государство. Мэйдзи не только избавил страну от феодализма, но и вывел ее из абсолютной изоляции, в которой она пребывала в течение многих веков. Закрепив свои достижения в конституции 1889 г., Мэйдзи взял курс на ускоренную модернизацию страны и уже через короткое время добился существенных успехов: на исходе века Япония стала превращаться в одну из ведущих стран мира.

Однако прогресс молодой державы носил весьма односторонний характер и распространялся главным образом на ту область, которую в наше время принято называть военно-промышленным строительством. Модернизация не коснулась социальных устоев японского общества, не разрушила кастовых барьеров, не сместила центр власти в сторону средних слоев, не открыла японцам внешний мир и не дала миру возможность узнать страну и сблизиться с ее народом. Японцы, научившись делать хорошие винтовки и пулеметы, строить первоклассные дредноуты и бронепоезда, продолжали оставаться рабами средневековых традиций, беспрекословно подчиняясь начальникам, преклоняясь перед представителями высшей касты, обожествляя императора и продолжая бояться и ненавидеть иностранцев. Но, пожалуй, самым важным было то, что феодальная и военная аристократия, лишившись удельной власти, образовала широкую и могущественную касту военных, причем сила и влияние этой касты в значительной мере зиждились на традиционной покорности и преклонении японцев перед людьми высокого происхождения. Сегодня большинство историков считает, что именно каста военных была вдохновителем и движущей силой милитаризации страны, инициатором войн и колониальных захватов. В древних традициях японских феодалов следует также искать истоки жестокости и высокомерия японцев к захваченным и порабощенным ими народам. Японский солдат относился к китайцу или малайцу так же, как собственные аристократы относились к нему самому.

Что же касается императоров и более всего

покойного Хирохито, то, как считают многие специалисты по истории Японии, они были всего лишь игрушками в руках военной олигархии. Некоторые историки убеждены, что Хирохито сам по себе был противником милитаризма, фашизма и захватнических войн.

Вопрос о том, были ли японские императоры марионетками в руках военных или, наоборот, сами вдохновляли их, до сих пор неясен. Но как бы там ни было, с именем деда Хирохито связан захват Манчжурии, Кореи и Тайваня, с именем его отца – разгром китайской и русской армий, а с именем самого Хирохито – милитаризация, массовый военный психоз и самая страшная и отвратительная из войн, когда-либо развязанных Японией в Китае, Южной Азии и на Тихом океане.

Быть может, в 1932 г. Хирохито действительно противился назначению милитариста на пост премьер-министра, а в 1933 г. был против выхода Японии из Лиги Наций и укорял своих генералов за кровавые эксцессы в Нанкине в 1937 г. Может быть, он был против альянса с Германией и Италией. Может быть. Однако его протест никогда не был слышен за пределами его окружения. А миллионы японцев тем временем шли в бой и совершали свои "подвиги" по призыву императора и с его именем на устах. От ужаса перед воинством императора содрогались китайцы и бирманцы, филиппинцы и малайцы, трепетали индонезийцы, австралийцы и новозеландцы. Когда же Соединенные Штаты в 1941 г. решили ответить на японский экспансионизм торговым эмбарго и другими ограничительными мерами, тогдашний премьер-министр, генерал Хидеки Тодзио решил нейтрализовать "американскую угрозу", уничтожив тихоокеанский флот США. 7 декабря 1941 г. в 7 часов 55 минут утра по гавайскому времени армада японских бомбардировщиков обрушила свой смертоносный груз на главную базу тихоокеанского флота США – Пирл Харбор. А через девять часов после того, как первая бомба упала на Пирл Харбор и база превратилась в груду дымящегося металла, Япония объявила войну Соединенным Штатам. Протестовал ли тогда император Хирохито против этого шага своего правительства?

Но вот прошло три с половиной года, и уже Токио лежал в развалинах, а все новые и новые эскадрильи американских "летающих крепостей" заходили на бомбежку японской столицы и других городов страны. Только тогда, видя гибель своей страны и страдания народа, император решил взять инициативу в свои руки. Его первой попыткой остановить кровавую бойню было обращение к Советскому Союзу за посред-

ничеством в переговорах с США. Сталин игнорировал призыв Хирохито.

26 июля 1945 г. Соединенные Штаты, Великобритания и Китай – страны, чьи войска сражались с японцами на Дальнем Востоке, в Южной Азии и на Тихом океане, подписали Потсдамскую декларацию, призывающую Японию к безоговорочной капитуляции и подчеркивавшую ответственность императора и правительства Японии за дальнейшее кровопролитие в случае отказа капитулировать. Японский кабинет отверг ультиматум трех союзных держав.

6 августа над Хиросимой взорвалась атомная бомба...

Здесь уместно вспомнить, что официальная советская история считает атомную бомбардировку Японии бесполезной с военной точки зрения и приписывает этой акции чисто политическое значение. Взрыв атомной бомбы понадобился президенту Трумэну, дескать, для того, чтобы продемонстрировать миру, и прежде всего Советскому Союзу, мощь Америки и ее твердое намерение установить свое господство в послевоенном мире. Даже критически мыслящие люди в Советском Союзе чаще всего не оспаривают эту точку зрения, ибо в доказательство ее приводится неоспоримый, казалось бы, факт: к лету 1945 г. главный партнер Японии Германия уже была повержена, а добить ее сателлита – Японию не составляло большого труда. Но действительность была сложнее. Япония была не сателлитом Германии, а лишь ее geopolитическим союзником. Япония вела войну самостоятельно, без поддержки со стороны Германии и даже не всегда координировала с ней свои планы (так, Япония отказалась начать военные действия против СССР на Дальнем Востоке, несмотря на нахождение Германии). В Советском Союзе не очень ясно представляют себе характер военных действий в Азии и на островах Тихого океана. А характер этой войны был таков, что безоговорочная капитуляция, провозглашенная не кем иным, как именно императором, была совершенна необходима. Если бы военные круги Японии настояли на продолжении войны "до победного конца", фанатичные солдаты императора, засевшие в непроходимых джунглях и болотах, окопавшиеся на неприступных островах и в горных ущельях, могли бы еще многие годы оказывать эффективное сопротивление армиям союзников. Кто знает, сколько еще американских, австралийских, китайских, британских, а возможно, и советских, солдат погибло бы, если бы взрыв атомной бомбы не произвел на императора столь ошеломляющего впечатления и не вынудил его выйти за рамки своих конституционных полно-

мочий. Поздно ночью 10 августа Хирохито через голову правительства обратился к нации. В своей импровизированной речи он заявил: "Я серьезно обдумал ситуацию, сложившуюся в стране и за рубежом, и пришел к выводу, что продолжение войны означает лишь гибель нации и продолжение кровопролития и насилия в мире. Я больше не могу видеть, как страдает мой народ в чем не повинный народ. Пришло время, когда мы должны перенести непереносимое. Глотая слезы, я отдаю распоряжение принять условия ultimatum союзных сил противника".

Формальное подписание капитуляции состоялось на американском авианосце "Миссouri" в Токийском заливе 2 сентября 1945 г.

Еще до окончания войны с Японией в США, СССР, Англии, Австралии и Новой Зеландии стали раздаваться требования отдать императора Хирохито под суд как военного преступника, ответственного за вовлечение Японии в войну и гибель миллионов людей. Однако генерал Дуглас Макартур, командующий оккупационными войсками союзников в Японии, счел, что, оставшись на престоле, Хирохито поможет сохранить единство страны и стабильность ее политической системы перед лицом постсоветской разрухи и хаоса. Новая антиимпериалистская конституция страны, утвержденная оккупационным командованием и принятая парламентом страны 3 ноября 1946 г., отвела императору роль "символа страны и единства ее народа".

Чрезвычайно важен и второй исторический шаг Хирохито. 1 января 1946 г. он обратился по радио к нации и объявил, что отказывается от своего "божественного" статуса, заявив при этом, что "ложная концепция божественного происхождения императора базируется на сплошных легендах и мифах". И здесь тоже историки расходятся во мнениях: одни считают, что Хирохито отрекся по собственной инициативе, другие полагают, что он сделал это под давлением американских властей.

Как бы там ни было, с этого момента начинается новая, "человеческая" роль Хирохито, а для его страны начинается новый, весьма болезненный этап развенчания мифов и легенд, перестройки национальной психологии, переориентации на новые национальные цели. И, конечно же, тяжелейшая работа по восстановлению разрушенной страны, созданию качественно новой экономики, новых социальных и политических институтов. И если этот этап истории Японии завершился успешно, если благодаря тяжкому низкооплачиваемому труду двух поколений японцев удалось создать в сущности новую страну, если за все это время Япония не знала

отчаяния или реваншистских устремлений, то какая-то заслуга в этом принадлежит и ее императору. Генерал Макартур не ошибся — само присутствие Хирохито на троне предостерегало горячие головы, подбадривало опустивших было руки, но главное — символизировало непрерывность национальной истории, помогало людям переносить лишения и невзгоды.

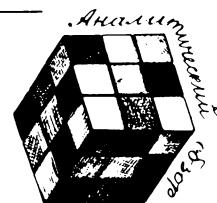
Невозможно с точностью сказать, когда начался следующий этап в истории страны, когда произошло то, что за пределами страны Восходящего Солнца называют "японским чудом". Восстав из руин, страна добилась невероятных успехов во всех сферах жизни и, опираясь на эти успехи, устремилась в будущее, обгоняя на своем пути Европу, Америку, Россию и Китай. Впрочем, о японском чуде написаны целые тома. Остается лишь упомянуть о роли престарелого императора, волей судьбы ставшего главой самого современного в мире государства. Роль эта была скромной. Молодые японцы, говорящие на европейских языках, путешествующие по всему миру, делающие компьютеры и автомобили, играющие в теннис, говорят, что они не замечали присутствия в их жизни императора. Верно, не замечали. Как не замечают порой дети присутствия в доме старого дедушки. Не замечают и не ценят до тех пор, пока не станут взрослыми и, оглянувшись назад, вдруг не обнаружат, какую важную роль в формировании их личности сыграло само присутствие носителя семейной истории, олицетворявшего тот простой факт, что у них есть прошлое, а значит, и будущее.

Итак, прах Хирохито будет вечно покойиться в императорском пантеоне. Его жизнь и судьба всегда будут вызывать споры. Но они же будут являть собой урок истории — истории личности, народа, страны.

Станет ли его преемник, 55-летний Акихито, таким же безусловным символом нации? Человек в черном европейском костюме получил все регалии императорской власти — зеркало, меч и ювелирное украшение в форме полумесяца, принадлежавшее по легенде, еще солнечной богине Аматерасу. Правительство выбрало для него имя — Хэйсэй, что значит "абсолютный мир на земле и на небесах".

Считается, что у японцев нужно учиться ходить на землю. Наверное, это так. Но, может быть, еще важнее (во всяком случае для советских граждан) учиться у них понимать и оценивать свою историю, свои символы, самих себя.

КУДА ИДЕШЬ

Специалисты по советскому государственному праву получили теперь богатейший материал для анализа. Для анализа внутреннего, в рамках системы: проект Закона об изменениях и дополнениях Конституции СССР, поправки к проекту (числом более 300 тысяч), закон в его окончательном варианте. И для анализа внешнего – сравнение трансформированной конституции с соответствующими основными законами других стран: США, Франции, Голландии, Израиля...

Теоретическое значение такого анализа бесспорно. Сомнения вызывает его практический смысл. Разумно ли сравнивать живое существо с тенью, предмет – с его словесной оболочкой? Конституция СССР и в ее прежнем виде гарантировала гражданам все мыслимые права и свободы. Материализации этих прав и свобод мешали иные, совсем не конституционные обстоятельства: кульп личности, период застоя, уголовный кодекс, недостатки в жилищном строительстве, бюрократизм, неправильное сочетание централизованного планирования с товарно-денежными отношениями. Есть ли уверенность, что замена хороших слов, записанных в конституции, на еще лучшие, прямо-таки превосходные, устранит это злосчастное противоречие, существенно повлияет на нашу жизнь? Скажем прямо: такой уверенности нет. А без этого самый глубокий и тонкий анализ грозит стать игрой в блестящие слова-камушки. Ну, специалистам эти игры нужны – из них рождаются диссертации, ученые труды, степени, звания. Но нам-то они зачем?

С другой стороны, проект изменений и дополнений вызвал в стране необычайно бурную реакцию. Если допустить, что большая часть из трехсот тысяч писем была организована, все равно останется меньшая – тоже достаточно весомая. И уже в любом случае не властями были организованы многолюдные демонстрации в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении. Демонстрации, участники которых требовали совсем иных перемен в конституции, были готовы даже сохранить в конституции все как есть – только бы не вносить в нее изменений, содержащихся в проекте. Уже одной этой реакции достаточно, чтобы остеречь нас от небрежного пожатия плечами, от самодовольной уверенности, что в Советском Союзе ничего не меняется, ибо меняться не может.

Пусть перемены – иллюзия. Но, наверное, и в этом случае не грех разобраться в происходящем, постараться понять, почему видимость перемен всколыхнула население огромной страны, вызвала горячее одобрение одних и резкие возражения других (в их числе граждане пяти республик!), кому и зачем понадобились эти изменения, да еще настолько срочно, что на обсуждение проекта был отведен лишь месяц.

1

ДЕДКА ЗА РЕПКУ. ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПУТЬ К НАРОДОВЛАСТИЮ.

Предельно краткая характеристика того периода жизни страны, который вошел в историю под именем перестройки, дана в рефрене популярной сказки: "Дедка за репку...". Правда, в нашем случае цепочка пока короче. Сначала нас уверяли, что из тупика страну вытянет экономическая реформа: самоокупаемость, самофинансирование, хозрасчет. Затем, когда обнаружилось, что тупик слишком глубок, к первой ступени добавили вторую, гласность. Поскольку и после этого репка не шелохнулась, в действие решено было ввести третью ступень – реформу политическую, или, чтобы быть вполне точным, перераспределить власть. "Во-

прос о власти, — сказал М.С.Горбачев на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, — в любом обществе является главным. Но особое значение он приобретает в революционные периоды, когда происходит ломка старой и становление новой политической системы”.

Разумеется, мы не обязаны принимать эту официальную схему безоговорочно. К примеру, совсем не так ясно, почему не сработала экономическая реформа: потому ли, что на первом этапе она не была подкреплена гласностью или в силу ее собственных пороков — ограниченности, непоследовательности, половинчатости. Аналогичные рассуждения приложимы и к гласности. Гласность открыла много запретных тем, но немало тем оставила закрытыми — по чистой случайности как раз те, что могли бы поставить под сомнение фундаментальные конструкции системы...

Однако спор этот виснет в воздухе. Если верить Горбачеву, главная беда как раз и состояла в том, что до сих пор он не располагал полнотой власти и вынужден был идти на компромиссы с могучими силами, тормозящими перестройку. За действие (противодействие) этих сил мы и расплачиваемся половинчатостью экономической реформы, ограничениями гласности, преобладанием командно-административных методов управления, произволом в обращении с людьми и целыми нациями, сохранением влияния КГБ.

Нам говорят — не то чтобы вполне прямо, но достаточно откровенно, — “что дальнейшее наше развитие все больше упирается в несовершенство политических институтов”. А для тех, кому и этого недостаточно, разъясняют, что необходимо действовать так, чтобы процесс перестройки набирал силу, “чтобы никакое стечание обстоятельств, никакие частные проблемы и неясности не могли его затормозить, а тем более поставить под угрозу”.

Реальная ли это угроза? Безусловно. Вряд ли кто-то решится всерьез утверждать, что Горбачев и К° разыграют нехитрую пьесу с распределением ролей, дабы ввести в заблуждение легковерный Запад. Нет, противоречия между Генеральным секретарем и его противниками действительно существуют, и противоречия достаточно острые. Я рискнул бы даже сказать, что в своей программе перестройки Горбачев дошел до известного предела. Это относится и к экономике, и к гласности, и к сокращению вооруженных сил. Конечно, речь идет о пределе не естественном, диктуемом интересами страны, а о пределе искусственном, который подсказывает *благоразумие*. Сам Горбачев обозначил этот предел точно: власть. Тысячи и тысячи подлинных хозяев страны готовы терпеть любые реформы при условии, что они не затрагивают главного — их власти. Нетрудно видеть, что в любой сфере — экономики, гласности, сокращения вооруженных сил — Генеральный секретарь остановился именно на этой границе. Чтобы идти дальше, ему надо обезопасить себя (и, будем объективны, перестройку) от такого “стечения обстоятельств”, от таких “частных проблем и неясностей”, которые могут “затормозить” процесс перестройки, а тем более поставить его под угрозу”. Без учета этого *важнейшего* обстоятельства анализ закона об изменениях и дополнениях к конституции теряет смысл.

При обсуждении проекта специалисты высказали деликатное недоумение по поводу целого ряда положений закона, которые не имеют precedентов в мировой юридической практике, или, проще говоря, не лезут ни в какие юридические ворота. Это касается и учреждения двух высших органов власти (Верховный Совет и Съезд народных депутатов), и методики формирования Верховного Совета (через Съезд), и системы выборов, когда треть депутатов Съезда почему-то избирается от “общественных организаций”, и, наконец, загадочной фигуры “высшего должностного лица Советского государства” — главы то ли исполнительной, то ли законодательной, то ли уже забытой человечеством нерасчлененной власти, какой обладали восточные деспоты и средневековые абсолютные монархи.

Вряд ли стоит повторять здесь доводы "за" и "против" каждого из этих нововведений, высказанные в ходе обсуждения. Защитники идеи двухступенчатого парламента ссылались и на опыт первых послереволюционных лет (съезд Советов), и на то, что "надпарламент" будет способствовать укреплению народовластия. Этой же цели — загадочным образом — призвана помочь и система выборов от общественных организаций, причем даже не от самих организаций, а от их съездов, конференций, пленумов...

Понятно, никому не возбраняется думать, что эта громоздкая и хитроумная структура для того и придумана, чтобы облегчить партии передачу всей полноты ее власти народу, переход от тоталитарной системы к демократической. Но в таком случае на ум приходят слова, сказанные по сходному поводу Генри Киссинджером: "Эта идея основана на целом ряде допущений, из которых ни одно не доказано, зато все они противоречат историческому опыту".

Скажут, да, так было, но теперь обстановка меняется. Послушаем, что думает на сей счет такой специалист, как заведующий сектором Института государства и права АН СССР профессор Б.Лазарев: "Кадровые вопросы, — писал он в "Известиях", — как и раньше, подлежат предварительному рассмотрению в ЦК КПСС". Воистину, партия открыла оригинальный путь к народовластию...

Вообще анализировать новый закон с юридической точки зрения, по-моему, бессмысленно, ибо ясно, что перед нами документ *не юридический*, а *политический*, призванный решить главный вопрос — вопрос о власти. При таком подходе многие (если не все) положения закона, с юридической точки зрения сомнительные и просто необъяснимые, обретают реальное содержание.

Кому при нынешней системе принадлежит в СССР высшая власть? Думаю, спорить тут не о чем. Генеральному секретарю и Политбюро. Только в случае конфликта между ними (и в самом Политбюро) — Центральному Комитету КПСС. При такой структуре власти Генеральный секретарь находится в зависимости от узкого круга людей, чьи интересы далеко не всегда совпадают с интересами страны и ее населения, ибо положение этих людей на вершине иерархической лестницы никак не зависит от народа. Это несовпадение интересов, существовавшее *всегда*, особенно отчетливо выявилось *сейчас*, в период перестройки окостеневшей политической системы.

В этих обстоятельствах у Горбачева есть две возможности. Либо прямая ломка системы, либо ее видоизменение, приспособление к новым жизненным реальностям. Не станем удивляться, что из двух вариантов он выбрал второй. Дело не только в том, что первый — невероятно сложен и сулит мало шансов на успех. Дело еще и в том, что сам Горбачев — продукт именно этой системы и его собственная власть, по крайней мере пока что, опирается лишь на такой порядок вещей.

Изменить систему распределения власти в самой партии вряд ли возможно. Об этом с необычной для партийного деятеля откровенностью сказал недавно секретарь ЦК А.Н.Яковлев. Отвечая на наивный вопрос, не приведет ли совмещение должностей первых секретарей парткомов и председателей Советов к сосредоточению власти в одних руках, Яковлев сказал: "Не будет ли еще хуже, чем теперь? Я бы пошел от обратного: а вообще хуже может быть? — И добавил: Если мы и оставим первого секретаря не избранным председателем Совета, он все равно власть не отдаст. Единственный способ, возможно, переходный, это четко разделить функции между государственным аппаратом и партийным, то есть создать мощные деятельные исполкомы, не входящие в законодательные органы. Но над исполкомами поставить не райком, сейчас секретарь райкома является членом исполкома, а его из исполкома вывести, чтобы он не нес ответственности за исполнительные решения, а сделать его председателем парламента, который и должен быть верховной властью в этом регионе."

Здесь мы подходим к сути. Цель реформы не в том, чтобы отобрать власть у первых секретарей ("он все равно власть не отдаст"), а в том, чтобы эту

власть трансформировать, перевести ее с партийного уровня на советский. Пришло бы это к изменению ситуации? Несомненно. Для смещения Генерального секретаря достаточно решения Политбюро, в крайнем случае – ЦК. Сместить Председателя Верховного Совета не вправе ни Президиум Верховного Совета, ни даже сам Верховный Совет, а только Съезд народных депутатов. Собрать этих депутатов (2250 человек!) с разных концов страны, сделать их "ручными", вынудив (при тайном голосовании) высказаться за отстранение Председателя, – задача не простая. И уж во всяком случае сделать это несравненно сложнее, чем на уютном междусобойчике в Политбюро.

Конечно, у партийных вождей и тут есть свои козыри. Многолетняя практика штамповки готовых решений взмахом рук, опыт управления массами. Однако Генеральный секретарь тоже неплохо разбирается в этой механике. Вполне допускаю, что новые в мировой практике выборы от гильдий понадобились ему для того, чтобы гарантировать попадание в число депутатов тех представителей "общественных организаций" (прежде всего так называемых творческих союзов), которые связали свою судьбу с перестройкой, а следовательно, и с Горбачевым. Пусть в составе Съезда этих людей будет немного. Но если в конфликтной ситуации они выступят в поддержку Председателя, заговор молчания сорвется. А это значит, что результат голосования станет непредсказуемым. Обстоятельство, которое заставит противников Горбачева не раз и не два подумать, прежде чем решиться на авантюру.

2 ОТ МОСКВЫ ДО ТУМАННОСТИ АНДРОМЕДЫ. ТАИНСТВО ПРЕВРАЩЕНИЯ.

Итак, первая и главная цель поправок к конституции – изменить статус "высшего должностного лица", превратить его из фигуры партийной в фигуру государственную и потому зависящую не от Политбюро, а от кого-то другого. В идеале – от народа. Нетрудно, однако, видеть, что до этого идеала пока так же далеко, как от Москвы до туманности Андромеды.

Может показаться, что это утверждение устарело, что оно относится к прошлому и настоящему, но не к будущему. Раньше у граждан просто не было выбора. Теперь они смогут выбирать: число кандидатов в депутаты не ограничивается, человек вправе и сам выдвигать свою кандидатуру. Раньше Верховный Совет собирался лишь на несколько дней в году, при такой системе у него не было времени разбираться в законопроектах; теперь Верховный Совет становится постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти СССР. Соответственно меняются и функции Советов любого уровня: отныне именно они будут руководить всеми отраслями государственного, хозяйственного, социально-культурного строительства, принимать решения, обеспечивать их исполнение, осуществлять контроль за их проведением в жизнь. Для осуществления полного народовластия и верховенства закона создается Комитет конституционного надзора, в ведение Верховного Совета переходит Комитет народного контроля, заметно расширяются права депутатов...

Характерно, однако, что эти по видимости столь смелые, столь радикальные реформы были встречены в самом Советском Союзе весьма сдержанно. И дело не только в том, что здесь хорошо знают цену словам. Любой мало-мальски внимательный читатель обнаружит в новом законе массу лазеек, лишающих его реально-го содержания.

Начнем с самого начала – с выдвижения кандидата в депутаты. Формально процедура вполне демократическая: кандидата может выдвинуть и собрание трудового коллектива предприятия, и собрание по месту жительства, и, наконец, он сам. Но попробуем представить себе это практически. Может ли рядовой гражданин (хоть бы и работающий на заводе) созвать собрание? А организовать собрание по

месту жительства, в котором участвовало бы не меньше пятисот человек? Статья профессора МГУ Гавриила Попова, опубликованная 27 ноября в "Московских новостях", дает некоторое представление об этой механике. Например, кто и по какому признаку из десятков цехов и заводов, расположенных в данном округе, выберет один – на роль "выдвигающего"? И как пройдет на это собрание через вахтеров тот человек, который захочет выдвинуть свою кандидатуру? И как он вообще узнает о том, где и когда состоится собрание? И где гарантии, что даже в случае успеха на первой стадии независимому от властей кандидату будет обеспечено равенство в последующей кампании, если все – залы, газеты, телевидение, типографии – находятся в руках тех же властей?

Допустим, однако, что система действует идеально. Кандидат получил на первичном собрании свыше половины голосов, окружное предвыборное собрание (еще одно "сито" для отсеивания неблагонадежных) его пропустило, а власти, проявив поразительную терпимость, предоставили нежелательному или просто чужому кандидату и средства, и залы, и газетную площадь. Уж в этих-то обстоятельствах у населения появится возможность выбора? Нет.

Сейчас никто не отрицает, что до сих пор выборов в стране не было, была инсценировка, комедия, фарс. Зато теперь, говорят нам, все изменится. Почему? Потому, что в избирательный бюллетень будут внесены несколько кандидатов и, значит, у человека появится право выбора. Тонкость, однако, в том, что всякое право надо еще суметь реализовать.

Наивно думать, что таинство превращения человека в избирателя совершается в тот момент, когда его включают в список или дают ему в руки бюллетень. Чтобы выбирать, надо, очевидно, знать, кого и что ты выбираешь. Причем таким знанием должны обладать не пять и не десять человек, а десятки и сотни тысяч, входящие в данный избирательный округ.

Задача эта в любом случае трудная. Трудная даже в условиях свободного общества, где существуют разные партии со своей программой, репутацией, сложившейся за годы пребывания у власти и в оппозиции, где каждый кандидат на выборную должность проходит многократные испытания на "прочность" во встречах с избирателями, ответах на вопросы журналистов, диспутах с другими кандидатами, а его жизнь, начиная буквально с детства, просвечивается жестким рентгеном газет, обсуждается по радио и телевидению. Человеку, не проявившему себя в общественной жизни, в государственной деятельности, практически нет смысла баллотироваться: за кандидата, которого избиратель не знает, он голосовать не будет.

От нас же хотят, чтобы мы выбирали кандидатов, которых не знаем. То есть по известному анекдоту, у каждого своя компания: родные, друзья, знакомые, сослуживцы. Десятки, пусть сотни людей. Может быть, для выдвижения кандидата на предприятии или на собрании в микрорайоне этого достаточно. Но по какому признаку отдадут ему предпочтение десятки или сотни тысяч людей, входящих в избирательный округ?

Даже человек, не слишком интересующийся политической жизнью в Соединенных Штатах, может без особых усилий составить представление о Рейгане, Буше, Дукакисе, Шульце, Бжезинском. Но что нам известно о высшем советском руководстве? Чем, например, Г.П.Разумовский отличается от Н.Н.Слюнькова, а последний от В.П.Никонова или В.А.Медведева? Уверен, что ни один рядовой избиратель на этот вопрос не ответит. И это не случайный провал в информации. Такова система: страной правит корпорация "неизвестных отцов", людей, не имеющих ни программы, ни биографии, ни взглядов, ни индивидуальности.

Но если вожди известны массовому избирателю хотя бы по имени, то о тех слесарях, токарях, доярках, секретарях райкома, председателях колхоза, которых ему предстоит избрать в высокие органы государственной власти, он не знает вообще ничего. Положим, в ходе кампании выяснится, что токарь А. регу-

лярно перевыполняет нормы, а доярка Б. получает от каждой коровы больше литров молока, чем доярка В. Означает ли это, что они так же хорошо подготовлены для роли законодателей, обладают нужными знаниями и опытом, способны проявить принципиальность, противостоять демагогии, давлению властей, рекомендациям "экспертов", облаченных званиями докторов наук, профессоров, академиков?..

Я вовсе не хочу сказать, что любой слесарь и всякая доярка не в состоянии полноценно выполнять функции депутата — так сказать, по условию. Но и обратное утверждение столь же сомнительно. Видимо, истина в том, что одни (немногие) в состоянии, другие (большинство) — нет. Как же избирателю отличить этих немногих?

Мне скажут, именно для этой цели и проводится избирательная кампания: агитаторы, программы кандидатов, их встречи с избирателями, выступления в печати, по радио и телевидению. Заранее ясно, однако, что программы всех кандидатов будут точно соответствовать программе КПСС и отличаться разве тем, что один сделает больший упор на экологию, другой — на строительство жилья. А выступления? Слова, слова... Известно, что в таких случаях плохих слов не говорит никто. Вряд ли, например, найдется хоть один кандидат, который выскажется за реабилитацию Сталина, за повторное вторжение в Афганистан, за учреждение нового Особого совещания, за немедленное использование атомного оружия или высылку из страны всех "инородцев".

Слова проверяются делами. Однако беда в том, что таких дел ни за одним из кандидатов не числится или мы их не знаем. И это относится, увы, не только к людям новым, лишь начинающим свой путь в политике. Среди тех, кого предстоит выбирать, наверняка, окажутся нынешние (и бывшие) депутаты Верховного Совета, крупные партийные работники, известные ученые, писатели, журналисты. Хотелось бы знать, *кто из них* публично критиковал политику в период застоя, выступал против войны в Афганистане, боролся с нарушениями прав человека?

Скажете, то были иные времена? Ладно, возьмем наше время. "Лишь в 1986 году, — жалуются "Известия", — впервые сказали о наличии в стране инфляции, тщательно скрываемой прежде. Лишь в 1987 году — о том, что ассигнования на оборону, выделяемые в составе расходов Государственного бюджета СССР, — лишь часть оборонных расходов". Помилуйте, как же так? Либо депутаты Верховного Совета, утверждавшие бюджет, знали эти факты и скрывали их от народа — и тогда их надо судить; либо их самих обманывали — и тогда надо судить тех, кто обманывал: главу правительства, министров, руководителей Госплана. Но и в этом, последнем случае позволительно спросить: а куда смотрели депутаты и чего стоят народные избранники, которые, утверждая явную липу, не посмели задать "слуге народа" по ведомству финансов вопросы, которые буквально напрашивались?

В стране с почти 300-миллионным населением едва ли наберется два десятка людей, которые известны гражданам *по их делам*. Андрей Дмитриевич Сахаров. Михаил Сергеевич Горбачев. Десяток писателей и журналистов, чьи книги и статьи и есть их дела. Ясно, что в атмосфере всеобщего незнания исход выборов будет определяться законами теории вероятностей. И это в лучшем случае, потому что в худшем (и куда более вероятном) власти сделают все, чтобы склонить равновесие шансов в сторону своих или хотя бы заведомо безгласных депутатов.

И все-таки будем оптимистами: предположим, что в число избирателей попадет несколько человек, достаточно принципиальных, эрудированных, искренне озабоченных судьбами страны и народа. При благоприятных обстоятельствах они могли бы сыграть роль центров кристаллизации, превратив массу депутатов в нечто оформленное, в парламент.

Однако выборы приведут их не в парламент, а в *предпарламент* (по аналогии с предбанником), в странное учреждение, именуемое Съездом народных депутатов, где они и растворятся среди 2250 избранников народа. В этом собрании, сформи-

рованном по трем разным принципам, если кто-то кого-то и будет знать, то разве функционеры: партийные, профсоюзные, комсомольские. Конечно, и при прохождении через это – еще более частое сито – у человека принципиального останутся какие-то шансы попасть в Верховный Совет. Но, во-первых, шансы эти ничтожно малы. Во-вторых, там он тоже вряд ли попадет в ту, по выражению Горбачева, "определенную часть", которая "полностью сосредоточится на работе в органах власти". А если все-таки попадет (теория вероятностей допускает чудеса!), то долго ли продержится? Ведь при ротации по неизвестному признаку строптивого депутата можно всего через год – и притом на вполне законных основаниях – спровадить из Верховного Совета обратно, на почетную роль одного из 2250 участников Съезда...

Не следует думать, что многослойное сито попало в закон по недоразумению как побочный продукт творчества законодателей, слишком озабоченных восстановлением демократии, чтобы обращать внимание на "мелочи". Нет. Есть множество признаков того, что творцы закона отлично знали, чего хотят, и последовательно проводили в жизнь определенные принципы. Та же идея ежегодной (и никак не упорядоченной) ротации вызывала в ходе обсуждения острую и обоснованную критику. Так, два видных юриста – А.Мицкевич и А.Пиголкин писали в "Известиях": "Избранный в Верховный Совет депутат только-только наберет опыт законодательной работы, как уже будет заменяться следующим, пока еще не имеющим такого опыта и навыков. А кроме того, такой порядок создаст явно не отвечающую интересам дела возможность удаления "строптивых" депутатов". Еще четче высказались аспиранты юридического факультета МГУ В.Бакатин и И.Попов: "Из-за неконкретности формулировки этой части с. 111 неясно, **кто** будет определять ту часть депутатов в составе Верховного Совета СССР, которая должна быть заменена; **какие критерии** будут лежать в основе этой процедуры и, наконец, **сколько** депутатов Совета Союза и Совета Национальностей будет ежегодно заменяться".

Сравнение проекта с законом свидетельствует, что эти разумные замечания остались незамеченными. Вообще законодатели "не заметили" всех поправок, которые по тем или иным причинам их не устраивали. Вот лишь несколько примеров. "Из проектов законов не вполне ясно, **каковы** функции Председателя Верховного Совета СССР. Как понимать "высшее должностное лицо" – это глава законодательной власти или исполнительной? Или и той, и другой? А если это так и если эта должность сочетается еще с постом Генерального секретаря, то о **каком разделении власти идет речь?**" (Н.Попов, доктор исторических наук). "Соотношение между Съездом народных депутатов и Верховным Советом будет примерно таким же, как между райкомом и бюро райкома. Да еще положение осложнится тем, что избрать предстоит большие палаты, общей численностью человек в пятьсот – не могут же депутаты съезда знать этих пятьсот человек. Значит, отбор неминуемо окажется в руках неких штатных организаторов, функционеров. А в результате местный народный трибун, которого избиратели после трудной борьбы проведут в депутаты Съезда, будет легко отодвинут в сторону, в Верховный же Совет посадят более угодных и послушных" (М.Чулаки, писатель). "– Сможет Конституционный комитет отменять постановления правительства? – Очевидно, такое право он может иметь. – А право отменять в силу неконституционности закон Верховного Совета? – Нет. – Тогда что это за надзор? Во всем мире сходный орган имеет такое право" (из диалога за "Круглым столом" ученых-юристов). "Решение об использовании контингентов Вооруженных Сил СССР в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств принимает Верховный Совет СССР. При всем уважении и полном доверии к нашим избранникам хочу все-таки заметить: подобное решение должно учитывать волю всего народа, потому что ему (в целом, не каким-то отдельным категориям) расплачиваться, если это решение было недостаточно взвешенным или вовсе ошибочным. Наверное, еще не у одного поколения будет на памяти Афганистан" (Л.Попова, учительница).

Примеры можно продолжить. Характерно, что во всех таких случаях соответствующие инстанции либо просто игнорировали критические замечания, либо вносили в проект поправки сугубо косметического толка. Единственное, пожалуй, исключение – выборы народных судей. Согласно проекту, судьи районных (городских) судов должны были избираться соответствующими районными или городскими Советами. Это был явный, подчеркнутый шаг назад по сравнению и с существующим порядком, и с тем, что говорилось на XIX партконференции.

Тут возможны два объяснения. Первое: законодатели специально *подставились*, сформулировали этот пункт так, чтобы сосредоточить на нем огонь критики, а затем продемонстрировать уважение к "воле народа", приведя закон в соответствие с решением партконференции. Однако не менее вероятно и второе объяснение. Законодатели стремились последовательно выдержать в законе *советский принцип разделения властей* – разделения власти между районными, областными, республиканскими и союзными партийными органами. Ясно, что при *последовательном* соблюдении этого принципа все должностные лица районной номенклатуры (в том числе, разумеется, и судьи) должны выбираться (и смещаться) первым секретарем райкома, а не какими-то "вышестоящими" инстанциями. Собственно, так оно и было раньше. Однако теперь порядок упрощается и конкретизируется, ибо первый секретарь становится по должности председателем того самого Совета депутатов, который и должен избирать народных судей!

Мы знаем, что как раз эту идею реализовать не удалось. Тут власти без особого сопротивления "отступили", согласившись на то, чтобы районных судей выбирал (в амплуа председателя облсовета) секретарь не райкома, а обкома партии. Конечно, делать это он будет, руководствуясь рекомендациями того же секретаря райкома, но зато отечественная законность переместится на новую ступень: с районного уровня на областной.

Вопрос о суде только кажется частным. Мировая юридическая практика доказала, что правовое государство начинается с разделения властей. Но прежде всего с возникновения сильной судебной власти – совершенно независимой от исполнительных органов. Нелепо думать, что советским руководителям это не известно. Однако сама мысль о разделении собственной власти с кем бы то ни было, о появлении в стране инстанции, стоящей хотя бы не над этой властью, а *на одном с ней уровне* – сама эта мысль для них абсолютно нестерпима. Естественно, что в ходе обсуждения столь крамольные идеи даже и не высказывались. Но и вовсе обойти эту тему серьезные специалисты не могли. Ведь ситуация в общем ясна. Истинная причина массового террора – не ошибочные идеи Ленина и не дурной характер Сталина, а *неразделенность* власти, отсутствие в стране *независимого суда*. Оставить суд в его нынешнем виде – значит сохранить на вечные времена опасность, висящую над головами миллионов людей, мину замедленного действия, которая в любой момент (благоприятный или неблагоприятный) может взорваться.

Грустно было наблюдать, как при обсуждении закона специалисты пытались решить неразрешимую задачу: не посягая на "священную корову" абсолютной власти, обеспечить гражданам какую-то правовую защиту, какие-то гарантии от произвола властей – если не центральных, то хотя бы местных. Выборы судей на областном уровне – одна из таких "гарантий". Предлагались и другие: увеличить число народных заседателей ("присяжных"), передать решение вопроса о виновности коллегии присяжных, заседающей отдельно от судьи-профессионала, избирать судей прямым голосованием, сделать эту должность пожизненной и т.д.

Ясно, что какой-то эффект эти меры дали бы. Столь же ясно, однако, что все это – *полумеры*, ибо защитить гражданина от произвола государства способна лишь инстанция, от государства *независимая*, обладающая *собственной* властью – в некоторых отношениях даже более высокой, чем исполнительная. Иначе говоря, речь идет все о том же разделении властей.

Понятно, что провозглашение этого принципа в конституции само по себе еще не решит задачу. Но замечательно, что в новом законе нет даже намека на такую возможность. Если нынешнее руководство и согласно рассматривать вопрос о разделении властей, то лишь в специфически советском смысле: о разделении власти между партийными органами разного уровня — районного, областного, республиканского, союзного. Тут действительно возможны колебания в обоих направлениях. Скажем, расширение экономической власти секретаря республиканского ЦК и сужение правовой власти секретаря райкома. Вряд ли нужно доказывать, что при этих эволюциях народу отводится привычная роль — благодарной публики.

3

ЧТО ХУЖЕ: НЕПОДВИЖНОСТЬ ИЛИ ИЛЛЮЗИЯ ДВИЖЕНИЯ? МЕТОД БЛАГИХ ПОЖЕЛАНИЙ.

Велик соблазн свести функции нового закона к укреплению режима личной власти да еще к косметическому ремонту, призванному обмануть легковерных: и в стране, и в мире. Но сотни тысяч поправок, внесенных гражданами? Но массовые демонстрации протesta в Прибалтике, Армении и Грузии? Наконец, зачем Горбачеву косметика? Неужто он настолько наивен, что верит, будто вывести страну из тупика удастся с помощью иностранных кредитов, чужой технологий и прimitивного обновления фасада? Похоже все-таки, что мы имеем дело с явлением куда более сложным и противоречивым.

Возьмем вопрос, вызвавший наибольший накал страстей — суверенитет республик. Накал этот можно трактовать однозначно, сведя все к взрыву национальных чувств. Подавляемые десятилетиями, чувства вырвались теперь на поверхность. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, известная либерализация режима. Во-вторых, некоторые поправки и дополнения к конституции, которые могли быть истолкованы как намерение усилить централизацию, ограничить и без того куцые права республик. Можно спорить о том, верна ли такая трактовка. Факт, однако, что расширения самостоятельности республик (и прежде всего самостоятельности экономической) проект не предусматривал. Уже одного этого было достаточно, чтобы в Прибалтике к проекту поправок отнеслись негативно: откровенное стояние на месте лучше, чем иллюзия движения.

Подобная трактовка событий правильна, но не исчерпывает проблемы. Вспомним, что движения в Прибалтике, как правило, выступали под флагом перестройки. Маскировка? Факт, однако, что и центральная печать, и сам Горбачев на первом этапе одобряли и поддерживали эти движения ("Перестройка в действии", — сказал генсек). Видимо, в них было нечто такое, что поначалу совпадало с планами самого Горбачева. Что же именно?

Я подозреваю, что все мы (включая "отрицателей") недооцениваем глубины тупика, в который завели страну адепты "единственно правильного учения". До предела деформирована не только экономика, но основа всего — само *сознание* народа: отношение к труду и к собственности, психология, мораль, этика. В этих условиях одни лишь экономические реформы вряд ли способны радикально изменить положение, ибо перемены встречают противодействие на всех уровнях: и управляющих, и управляемых. Люди, воспитанные на "ценностях социализма", плохо подготовлены к восприятию ценностей иного мира. Тем более, что "новая" (хорошо забытая) шкала ценностей сулит блага в отдаленном будущем, а издержки такого перехода — интенсификация труда, безработица, социальное расслоение — ощущаются уже сейчас.

Правда, существуют прецеденты: послелейбористская Англия, Венгрия, Китай. Но это чужой опыт, а чужой значит — *абстрактный*. Для того же, чтобы изменить психологический климат в стране, нужен опыт собственный, пример близкий, наглядный, который можно пощупать руками. Короче, нужен *собственный маяк*. Но маяк не выдуманный, не искусственно сконструированный в интересах пропаганды

(сколько таких "маяков" уже было), а подлинный. Стоит ли объяснять, почему лучше всего подходят для этой цели республики Прибалтики? Вступившие на путь социализма позже других, они сохранили и кое-какие идеалы, и память о тех отдаленных временах, когда в магазинах были товары, деньги выполняли роль денег, а труд ценился выше безделья.

Население этих республик увидело в перестройке возможность вернуться к прежнему порядку вещей. Пусть даже в рамках чужого государственного образования. Очевидно, что прибалтийские республики добивались не столько национального, сколько экономического суверенитета: права распоряжаться своими природными богатствами и предприятиями, права эквивалентного обмена *своих* товаров, права иметь *свои* деньги. Суть тут, повторяю, не в национальном, а в экономическом самоопределении, в желании создать зону, где живут по нормальным экономическим законам.

Но откуда это стремление к обособленности? Конечно же, от понимания того, что иначе положения не изменить. И виной тому не столько российская государственность, сколько советская экономическая система.

Увы, с момента, когда прибалтийские движения конкретизировали свою программу, отношение к ним в Москве коренным образом изменилось. Такие (в самом деле неординарные) меры, как введение собственных денег или ограничение миграции, были восприняты центральной властью однозначно: в них усмотрели подготовку к выходу из состава СССР.

В этих опасениях есть своя логика. Как иначе расценить действия, противоречащие основным тенденциям в мире: стиранию границ, упразднению таможенных пошлин, свободной миграции граждан из страны в страну, введению единой валюты? Однако иной возможности не было. Речь шла не о границах между провинциями или даже государствами (ими как раз можно было бы поступиться), а о границах между *экономическими системами*. Без этих границ ничем не защищенный республиканский оазис был бы мгновенно затоплен мигрантами; массой бумажек, почему-то называемых деньгами; союзными планами, законами и инструкциями, сводящими на нет самую возможность разумной хозяйственной деятельности.

Не сомневаюсь, что Горбачев правильно оценил смысл прибалтийской программы. Это была программа не отделения, а перестройки. Но перестройки куда более радикальной и последовательной, чем его собственная. И защитные меры были необходимы как раз по той причине, что разрыв между Прибалтикой и остальной частью страны стал бы нестерпимым. В некотором смысле это был вызов (непреднамеренный, конечно). Чтобы устраниТЬ (или хотя бы сократить) разрыв, пришлось бы провести аналогичные реформы на территории всей страны.

Генеральный секретарь вызов не принял, наглядно продемонстрировав исходную ограниченность своей программы. В выступлении Горбачева на заседании Президиума Верховного Совета СССР 26 ноября есть немало вполне справедливых утверждений. Верно, что "полный хозрасчет может быть только в основном звене – предприятии"; верно, что "ведущими объективными тенденциями в мире стали интеграция, разделение труда, кооперация". Беда лишь в том, что в советской экономике ничего подобного нет: ни хозрасчета, ни разделения труда, кооперации, интеграции. Собственно, в том и состоит главная особенность нынешнего этапа, что советские руководители оперируют благими пожеланиями, предлагая публике воспринять эти фикции как реальность. "Особую озабоченность, – сказал Горбачев, – вызывает то, что в обсуждаемых сегодня документах допускается наряду с другими видами собственности и частная".

Что же тут вызывает озабоченность? Оказывается, "частная собственность – это, как известно, основа эксплуатации человека человеком, а наша революция совершилась именно для того, чтобы ее ликвидировать, передать все в собственность народа".

Такие фразы, наверное, неплохо звучали в ноябре семнадцатого года. Но в ноябре восемьдесят восьмого они безнадежно устарели. За прошедшие годы мы имели много возможностей убедиться, что "собственность народа" – фикция, что "эксплуатация человека человеком" превосходно осуществляется и при отсутствии частной собственности, что сама эта собственность (например, фермерская) вовсе не обязательно означает не только что эксплуатацию, но даже и простое использование наемного труда. И наконец – обстоятельство тоже немаловажное! – фикция "народной собственности" влечет за собой отнюдь не фиктивные последствия: экономический застой, растранижирование природных богатств, падение производительности труда и качества продукции, всеобщий дефицит.

Таковы факты. Что может противопоставить им Генеральный секретарь? "Плюрализм собственности", – вещает он, – мы понимаем как многообразие социалистических форм, позволяющих в полной мере развивать инициативу каждого работника... Перестройка экономических отношений как раз призвана раскрыть потенциал, заложенный в нашей системе, в разных формах социалистической собственности".

Какие формы? Какой потенциал? Почему на протяжении семидесяти с лишним лет этот потенциал "удалось раскрыть" лишь однажды, в эпоху нэпа, то есть в условиях частной собственности? Да и сейчас очевидно, что из всего "многообразия социалистических форм" эффективны лишь те, которые содержат в себе *хоть какие-то элементы частной собственности*.

Разумеется, Генеральному секретарю все это известно. И если он уныло перевивает лозунги семидесятилетней давности, то одним экономическим догматизмом этого не объяснишь. Для советских руководителей экономика – дело десятое. Их волнует политика, все та же проблема власти. Бог его знает, рождает ли мелкое частное хозяйство капитализм – ежедневно, ежечасно и так далее, – но зато точно известно, что оно рождает *разные интересы*, которые находят свое выражение в *разных партиях, разных программах* – в демократии, выборах, разделении властей. Во всем том, что, собственно, и составляет фундамент свободного мира.

Конфликт вокруг требований прибалтийских республик четко обозначил *границы* горбачевской программы перестройки. Допустимы любые экономические реформы, кроме тех, которые ставят под сомнение существующую политическую систему, непререкаемую власть партии. Людям, далеким от политики, остается лишь сожалеть, что политика и экономика связаны слишком тесно, что *диапазон реформ в сфере "чистой" экономики до предела ограничен*.

В свое время Лассаль заметил, что конституцию определяет соотношение реальных сил в стране. В борьбе Генерального секретаря с его оппонентами в партийном руководстве это соотношение пока в его пользу. Эта расстановка сил и позволила Горбачеву внести в конституцию изменения и дополнения, сделавшие его *главой всех властей*. Что касается народа, то он получил право выбирать своих все так же безгласных представителей не из одного, а из нескольких кандидатов. Это все. Итог печальный, но, увы, закономерный. Таково сегодня *соотношение реальных сил*.

Однако ситуация меняется. Обостряющийся экономический кризис может вынудить Горбачева пойти в своих реформах дальше, чем он предполагал. Ответную реакцию "консервативных" кругов предсказать нетрудно. Чтобы выстоять в борьбе, Генеральному секретарю потребуется поддержка широких кругов населения. Но сама эта поддержка будет чего-то стоить лишь в том случае, если население страны станет фактором, влияющим на соотношение сил.

Еще вчера такая возможность казалась сугубо теоретической. События в Прибалтике и Закавказье заставляют пересмотреть устоявшиеся представления. Дело не только в том, что сотни тысяч людей вышли на улицу. Еще важнее, пожалуй, что неформальные руководители движений за подлинную перестройку сумели

повести за собой массы. В этих условиях у местных партийных вождей не осталось иного выхода, как поддержать достаточно радикальные требования народа — в противном случае они рисковали потерять остатки влияния, оказаться на обочине.

Таким образом, на советской политической арене появилась новая сила. Пусть сегодняшнее ее значение не настолько велико, чтобы вынудить власти радикально изменить конституцию. Похоже, однако, что цепная реакция распада сталинской системы уже началась. И остановить ее не удастся ни консерваторам, ни либералам.

ТРАДИЦИЯ НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ

До захвата власти Ленин и большевики обвиняли Временное правительство в том, что оно откладывает выборы в Учредительное собрание, которое, как тогда предполагалось, призвано было разработать демократическую конституцию страны. Правительство, составленное Лениным, тоже на первых порах считало себя временным. Правосознание русского общества, включая большевиков, было достаточно цивилизованным, чтобы не становиться на какой-либо иной путь формирования новой государственности. Революция должна была завершиться нормальным конституционным процессом. Народ через своих законно выбранных представителей должен был определить нормы своей дальнейшей политической жизни. Если Ленин предпочел назвать свой кабинет "Советом народных комиссаров", а не Временным правительством, то поначалу это воспринималось всего лишь как лингвистическая тонкость: не хотелось, чтобы новая власть хоть как-то ассоциировалась в восприятии народа с Керенским.

Однако выборы в Учредительное собрание большевики проиграли. Всего было подано около 41700 тысяч голосов. Из них за социалистов-революционеров проголосовало 17100 миллионов избирателей, за большевиков — 9 800, за кадетов — 2000, за меньшевиков — 1 360. Когда Учредительное собрание открылось, депутатские мандаты в нем распределились так: из 703 депутатов социалистов-революционеров было 380, левых социалистов-революционеров — 39, большевиков — 168, меньшевиков — 18, кадетов — 17, народных социалистов — 4 и представителей национальных меньшинств — 77. Даже в коалиции с левыми эсерами, которые поддерживали тогда большевиков, Ленин не мог рассчитывать на возможность составить правительство при поддержке большинства депутатов. Пришлось маневрировать. Попытка нажать на Советы, чтобы они объявили нежелательных Ленину депутатов отозванными, успеха не принесла. Аресты некоторых депутатов, как и некоторых членов избирательных комиссий, тоже не помогли. И вот 19 января 1918 г., в день созыва Учредительного собрания, Ленин приказал матросам разогнать его силой.

В тот день с "конституционностью" в России было покончено на долгие десятилетия. Вместо демократии получилась диктатура.

Правда, сравнительно скоро, уже 10 июля 1918 г. была принята "Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики". Но к тому моменту была ликвидирована независимая печать, запрещены все другие, кроме большевистской, партии, воцарился террор ВЧК. Большевики гарантировали себя от политической оппозиции. Избирательное право, согласно первой советской конституции, не было всеобщим. Его лишались, в частности, как говорилось в статье 65, "лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.". Это "и т.п." выглядело особенно дико для юридического документа. Среди прочих лишались избирательного права "монахи и служители церквей и религиозных культов". Для местных большевистских функционеров открывалась возможность решать, кому предоставлять избира-

тельное право, а кому — нет. О всеобщем "согласии" народа с установленной формой правления тут не могло быть и речи. Напротив, было узаконено насилие одних слоев населения над другими.

Ленин этого не скрывал. "Сущность конституции, — по его словам, — в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения и пр., выражают действительное соотношение классовых сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся". Первая конституция узаконила большевистское понимание государства как "аппарата насилия" одних классов над другими. Ленину представлялось, что это — единственно честная позиция. "Наша Конституция, — говорил он, — не отличается краснобайством". Известны бесконечные ленинские филиппики по поводу "лицемерия" "буржуазного права" и "буржуазной демократии". Ну вот хотя бы — из его брошюры "Пролетарская революция и ренегат Каутский":

"Каутского интересует исключительно формально-юридическая сторона дела, так, читая его рассуждения о Советской конституции, невольно вспоминаешь слова Бабеля: юристы — это насквозь реакционные люди... Капиталист, видите ли, неопределенное юридическое понятие, и Каутский на нескольких страницах громит "произвол" Советской конституции... От нас он требует до булавочки разработанной конституции в несколько месяцев... "Произвол"! Подумайте только, какая бездна самого грязного лакейства перед буржуазией, самого тупого педантства обнаруживается та к и м упреком".

В первом конституционном документе советского государства явственны следы торопливости. Конституционная комиссия ВЦИК была образована 1 апреля 1918 г. В ходе ее работы из ее состава была изгнана "антиленинская группа". Кроме того, комиссия успела отвергнуть проекты, предложенные левыми эсерами и так называемыми "максималистами". И все-таки не прошло и четырех месяцев, как конституция получила силу закона. Принята она была в тот момент, когда только еще формировалась политика "военного коммунизма", и послужила средством закрепления этой политики. Но даже тогда, когда под давлением реальности пришлось отказаться от безответственных утопических проектов и объявить нэп, первая советская конституция своей силы отнюдь не утратила. Правда, в 1924 г. был принят новый "основной закон" — Конституция СССР. Но там, например, в отношении избирательного права каких-либо новых элементов не содержалось. Нэп узаконил определенные формы частной экономической инициативы. Однако образовавшиеся в результате новые социальные слои остались конституционно бесправными.

В советском государстве сложилась традиция "неконституционных конституций".

Последствия этого — общеизвестны.

Но горький опыт, видимо, все еще не учтен. Если "ленинская" конституция была составлена и принята меньше чем за четыре месяца, то недавние поправки к конституции, предложенные безымянными авторами под руководством Михаила Горбачева, обсуждались всего месяц. За это время было высказано множество обоснованных критических замечаний. Не обошлось без массовых демонстраций протеста и даже резких возражений целых союзных республик. Неконституционность всей процедуры была прикрыта так называемыми "всенародными обсуждениями". Народу фактически предоставили лишь право "совещательного голоса". Какие из высказанных критических замечаний признать, а какие отвергнуть, решал не народ, а некие опять же безымянные чиновники. Стоит, кстати, напомнить, что практика "всенародных обсуждений" была впервые введена Сталиным, когда принималась конституция 1936 г.

Что же в итоге? Бесспорно следующее: новыми поправками нарушен демократический принцип "один человек — один голос", без которого нельзя говорить о представительном волеизъявлении избирателей; исполнительная и законодательная

власть не только не разделены, но, напротив, так взаимно переплетены, что и концов не сыскать; никак не обеспечена независимость судебной власти; в поправках то и дело попадаются выражения "как правило", открывающие простор для произвольных исключений.

"Поправки" не столько устранили, сколько усугубили врожденные пороки всех других советских вроде бы "конституционных" установлений. Ими не обеспечены четкие законодательные ограничения прерогатив власти; за ними не стоит авторитет одобрения народом.

Не так это просто — неконституционной диктатуре выбраться на дорогу конституционности. ●

Борис Шрагин (Нью-Йорк)

НА ЭТОТ РАЗ МОЖЕТ БЫТЬ ВСЕРЬЕЗ

В Советском Союзе с 1936 г. существовали прямые выборы в Верховный Совет. О двухступенчатых выборах любого рода пропагандисты писали гневно как о буржуазном методе обмана народа. Между тем именно Верховный Совет, а не народ формировал Совет Министров, то есть получалось, что исполнительная власть избрана народом с помощью двухступенчатых выборов. Я говорю здесь о формальной стороне дела. Известно, что и выборы в Верховный Совет, и формирование Совета Министров были фактически чем-то театральным, ибо без свободы информации и дискуссий, без свободы выдвижения кандидатов не по указке начальства выборы не могут быть действительным волеизъявлением народа.

И вот теперь пропагандисты, ругавшие двухступенчатые выборы, получили сюрприз. Принятые недавно изменения Конституции СССР предусматривают довольно громоздкую систему выборов высших государственных органов. По этой системе треть Съезда народных депутатов будет избираться непрямыми выборами, ибо это депутаты от общественных организаций, и они будут избираться организациями, а не прямо избирателями. Остальные две трети народных депутатов будут избраны прямыми выборами. Следующая ступень — выборы Верховного Совета и Председателя Верховного Совета Съезда народных депутатов. И еще одна ступень — это формирование Совета Министров. Итак, органы верховной власти будут избраны народом посредством многоступенчатых выборов.

Хорошо это или плохо? Сразу после опубликования проекта я слышал резкую критику этой многоступенчатости. Людям кажется, что чем прямее выборы, тем больше демократии. Но это не так. Многоступенчатость выборов сама по себе не препятствие демократии, вопрос в том, располагают ли избиратели свободой информации и дискуссий, и есть ли свобода выдвижения кандидатов. Я думаю, что многоступенчатость выборов в теперешней советской ситуации, напротив, дает надежду, что избранные таким образом органы государственной власти получат больше действительной власти от теперешнего ее держателя — Коммунистической партии.

Эта мысль пришла мне еще летом, когда я прочел резолюции XIX партконференции. Разговоры о демократии были и раньше, но когда я увидел план многоступенчатых выборов, то понял, что на этот раз это может быть всерьез. Ибо многоступенчатость выборов — это метод охладить страсти публики, гарантия стабильности поведения государственных органов, способ охранить страну от слишком резких поворотов.

Подобные гарантии особенно нужны теперь, когда страна находится в глубоком кризисе, связанном с пересмотром всей системы ценностей, когда падают и разбиваются привычные идолы, когда провозглашен возврат к общечеловеческим ценностям. Кризис этот связан и с накопившимися социальными и национальными противоречиями.

Есть и другой аспект проблемы. Правящая элита в СССР крепко держит власть, настолько крепко, что, как можно видеть, она успешно сопротивляется некоторым шагам перестройки. Просто отодвинуть эту элиту от управления государством нельзя —

опытная в управлении элита нужна обществу. Значит, нужно создать условия для постепенной и осторожной передачи власти избранникам народа, такие условия, при которых элита сохраняла бы свое влияние и не боялась резких рискованных скачков.

Будь в Советском Союзе стабильная ситуация и многолетний опыт демократического правления, как, скажем, в Соединенных Штатах, я бы согласился с критиками проекта изменений Конституции и сказал бы, что планируемая система выборов слишком громоздка. Однако в состоянии кризиса и при отсутствии опыта демократической жизни многоступенчатость выборов вполне уместна.

Можно ожидать, что многоступенчатость выборов еще раз будет подвергнута критике со стороны тех, кто хочет как можно больше демократии и как можно скорее. Я понимаю благие мотивы критиков, но думаю, что они исходят из ошибочных посылок, а именно из сравнения со стабильными демократиями Запада. Но можно ли становящуюся демократию строить по образцу демократий стабилизировавшихся? Можно ли забывать о состоянии глубокого кризиса, в котором теперь находится Советский Союз? Думаю, что нельзя.

Новый порядок выборов в целом производит впечатление громоздкости и органов власти, и самих выборов. Анализ помогает понять, что громоздкость эта оправданна и, быть может, временна. Это вообще, по-видимому, — временные установления. Конституцию в целом придется менять — слишком многое в ней от старых времен. Теперь же, на переходный период, администрации Горбачева важно обеспечить удобный инструмент изменений правовой системы, тех изменений, которые будут призваны заложить основы будущей демократии.

Можно спросить, зачем понадобилось это промежуточное, временное изменение конституции? Одна из причин может быть чисто символической: важно прервать преемственность, связь со сталинскими временами. Если бы новая конституция, призванная служить будущей демократии, была принята теперешним Верховным Советом, не было бы символического разрыва со сталинскими временами, ибо теперешний Верховный Совет берет свое начало от конституции сталинской. Созыв Съезда народных депутатов — это как бы созыв нового Учредительного собрания, как бы извинение перед историей за разгон Учредительного собрания большевиками в 1918 г. Быть может, прагматики из администрации Горбачева посмеются надо мной за эти рассуждения о символизме, но мне кажется, что такой разрыв преемственности со сталинским временем — важен для духовного самосознания народа.

Есть еще одно соображение, которое убеждает меня во временном характере теперешних изменений конституции. Это та легкость, с которой конституция может быть изменена в соответствии с принятыми поправками. В будущем стране нужна стабильная демократическая конституция, а не дневник настроений власти имущих, как это было прежде. Было бы поэтому разумным, если бы в будущей конституции был закреплен весьма сложный порядок изменения ее, быть может, — даже посредством референдума.

Интересны принципы формирования Съезда народных депутатов. К привычным для современных федераций пропорциональному и территориальному принципу добавлен старинный, я бы сказал, средневековый сословный принцип — именно так можно характеризовать включение депутатов от общественных организаций. Среди них представители рабочих организаций — профсоюзов и крестьянских организаций, названных кооперативными, а также Коммунистической партии, то есть элиты общества, аналога средневекового дворянства. Само применение этого сословного принципа очень интересно с точки зрения теории демократии. Оно как бы символизирует связь со средневековыми временами, когда в странах Европы закладывались основы современных демократических принципов, и как бы подчеркивает зачаточный характер теперешних усилий демократизации Советского Союза.

Одновременно применение сословного принципа — это очень хитрый прием с целью обеспечить большую представленность активных людей. Кроме того, на Съезд избираются депутаты от творческих союзов в заметном количестве, что повышает процент образованных людей среди депутатов. Это особенно важно, учитывая живучесть старого советского тезиса о том, что рабочих должны представлять рабочие, а крестьян — крестьяне. Исторически в этом было одно из отличий системы Советов от парламентской

системы Запада, где адвокаты и профессиональные политики могут представлять любое сословие. Отход от этого традиционного принципа наметился раньше, но исключения делались в основном для бюрократов, претендовавших на то, что они выходцы из рабочих и крестьян. Увеличение процента интеллигентии в представительных органах необычайно важно. Есть и дополнительная польза от частичного сословного представительства — возможность более удобного регулирования национального состава Съезда народных депутатов, но это — отдельная тема.

В поправках к конституции есть важные нововведения принципиального характера. Отмечу ограничение срока полномочий Председателя Верховного Совета и полномочий должностных лиц, назначаемых Советами, право гражданина выдвигать самого себя, включение в избирательные бюллетени, как правило, больше одного кандидата. Весьма важным нововведением является учреждение Комитета конституционного контроля, цель которого — проверять соответствие законов Конституции СССР.

Проект поправок явно создавался наспех, так что любитель изящной законодательной техники может отметить много недочетов, которые, конечно, не столь существенны, если все равно в недалеком будущем будет создана новая конституция. Есть, однако, и недостатки концептуальные.

Отмечу как недостаток ту легкость, с которой можно отзывать депутата или переизбрать Председателя Верховного Совета. Здесь отразился традиционный советский подход, но думаю, что он неприемлем для будущей демократии. И депутат, и Председатель должны быть защищены гораздо больше, и их разжалование должно проводиться в соответствии с серьезно организованной процедурой, которая должна предусматривать право на защиту от обвинений, свободу от бремени доказательства своей невиновности и прочие гарантии, подобные гарантиям, предусмотренным судебными процедурами. Депутат нуждается в независимости и в свободе от капризов избирателей или тех, кто захочет этими избирателями манипулировать. Председатель Верховного Совета тоже должен быть независим в суждениях и защищен от внезапного разжалования. Думаю, в этой области может быть полезным изучение опыта, накопленного в демократических странах, в частности в США.

Многие беспокоятся, помогут ли эти изменения демократизации. Это, конечно, важный вопрос, от правового регулирования зависит многое при формировании демократии. Но не удержусь, чтобы не отметить два элемента демократии, даже более важные, чем правовые нормы. Это — воля народа к народоправию и ответственность народа в пользовании своей властью. Без этих элементов и лучшие правовые нормы не помогут. Но если эти элементы налицо, то принятые изменения конституции дают приемлемый рабочий инструмент для постепенного перехода к демократии.

В. Чалидзе (Вермонт)

Григорий ПОМЕРАНЦ

НЕФРОНТОВЫЕ МЫСЛИ

Три года тому назад можно было сказать, что мы живем на полке у сытого людоеда. Сейчас мы живем на вулкане. Свобода устного слова неслыханная — вплоть до открытых призывов к насилию. Богу было угодно, чтобы эти призывы вызывали грозу в Алма-Ате и потом в Азербайджане, а не в Москве. Но я убежден, что события наподобие тех, какие произошли в Закавказье, неизбежны: другого выхода нет. Переход от империи к федерации идет через взрывы национальных страстей. Если же не переходить, то надо зажимать и зажимать до удушения. Недавно я оказался в компании востоковедов-социологов. Все они согласились со мной, что нужна федерализация, децентрализация, что другое решение — военная

диктатура — означало бы смерть России. Но, кажется, не все способны представить себе, сколько пожаров вспыхнет на пути децентрализации, и, значит, многие будут шарахаться от каждой вспышки в разные стороны. Один из видных деятелей современной демократической оппозиции убеждал меня, что необходим некий народный фронт, который отобьет часть приверженцев — прежде всего интеллигенцию — у "Памяти". Я сомневаюсь в этом. Существование "Памяти" — совершившийся факт. И это превращает задачу демократической альтернативы в задачу антипогромной альтернативы (или инициативы). Никакого единого фронта не может быть.

Возможны два фронта, каждый из которых будет пытаться привлечь к себе симпатии власти, перетащить власть на свою сторону, практически — связывая себя с той или иной группировкой наверху. При любом повороте власть оказывается арбитром. Есть два понимания русской задачи: 1) давить "чучмеков" (и, самой собой, "жидомасонов") или 2) найти новое место России в федеративной — или конфедеративной — Евразии. Наши прорабы перестройки убеждены, что главное — экономика, хозяйственные проблемы, и повторяют ошибку иранского шаха, который, как заметил Мирский (на конференции "Ислам и современность" в декабре минувшего года), оказался материалистом и проиграл: он думал, что главное — накормить, и накормил, а о мусульманской душе не подумал.

Сегодня в любой серьезной заварухе национальные и этноконфессиональные проблемы и амбиции полезут вперед. Без национального достоинства нет человеческого достоинства, а без достоинства личности нет достойного отношения к труду. Стало быть, и экономики путевой нет.

Но все этого пока что еще абстракции. Разве Белов или Астафьев националисты? Скорее рустицисты (от латинского *rus* — деревня). Для них москвич — чужак, почти иностранец; женщина, которая увлекается аэробикой, — шлюха. Бред, но он отвечает сознанию нескольких десятков миллионов, выданных из деревни и распиханных по крупноблочным и крупнопанельным сооружениям. Миф о жидомасонах идеально соответствует их ущербному сознанию, их чувству беспочвенности, их раздражению и ненависти к чужакам. Тут не национальным настроением пахнет, а борьбою мировой деревни с мировым городом; ближе к Мао или Пол Поту, чем к классическому славянофильству и почвенничеству. Почвы нет, а есть движение новых варваров, внутренних "грядущих гуннов", грозящих сместью цивилизацию и сослать всех жидомасонов в деревни на истребление (по примеру Пол Пота). С этой опасностью нельзя бороться одними словами. Нужно изменить условия жизни оторванных от корней масс, сделать их жизнь духовно устойчивой. Задача явно не на один день, а до тех пор, пока она не решена, во всех пригородах сидят и ждут своего часа застрельщики Сумгайта.

Чтобы сделать рагу из зайца, нужен заяц. Чтобы образовался народный фронт — то есть единение народа, — нужна общая идея. Такая, которая связала бы Василия Белова с Андреем Битовым, Николая Шмелева с Игорем Сычевым (одним из главарей "Памяти"). Допустим, однако, что такая идея нашлась (экологическая защита). Куда деть раздраженную агрессивность "памятников"? Общая идея неизбежно примет характер ярлыка, на манер "перестройки", которую каждый толкует по-своему и раздражается оттого, что другие понимают неправильно.

Мы в приготовительном классе демократии, нам надо учиться терпимо выслушивать неприятные мнения, осваивать умение уживаться с неприятными людьми. "Память" немедленно потребует, чтобы фронт был *judenfrei*. Значит, без "Памяти"? Но кто не с нами, тот против нас. И сразу же оба фронта открывают военные действия.

Не говоря уже о том, что основная масса адептов общества "Памяти" — люди полуобразованные; они охотно откликаются на призывы вроде "наших бьют", но сложные идеи им недоступны. Мои идеи для них не годятся по самой своей структуре. Нужно дополнение к глаголу "бей" (буржуев, жидов, гяуров). А я рас-

суждаю. Никогда рассуждения не овладеют массами и не станут материальной силой. Тут не то что с полуобразованностью, — с Аллой Латыниной не договоришься.

Ее статьи ("Новый мир", 1988, 8; "Московские новости", 1989, 1) понравились многим своей простотой и ясностью. Позволю себе заметить, что эта ясность мнимая. Она говорит: дело не в Сталине; поставим рядом Сталина, Мао, Пола Пота — и увидим: решает идея. Читатели в восторге. Но давайте немножко дополним список: плюс Гитлер. Плюс имам Хомейни... Выходит, что идеи могут быть разными. Пожалуй, даже не в идеях движущее начало. Оно — в состоянии народа, когда он готов маршировать за любым бараном, как панургово стадо. Попробуйте толкать свои идеи в Гайд-парке; ничего не выйдет. Никакой Троцкий и никакой Геббельс не расшевелят. Похлопают и разойдутся. Вместо простой мысли Латыниной (виновата идея) у меня выстраивается ряд предпосылок: а) растерянность народа, либо вовсе не приученного к современности, в которую его вовлек "рок событий", либо сбитого с толку особым и несчастным стечением обстоятельств, пример — немцы в 1933 г.; б) одна из идей, способных разжечь фанатизм: воинствующий социализм, национализм, религиозный фундаментализм...

Быть может, в эту "группу риска" идей (как выразился один кинокритик) войдет и экология. Так или иначе, группа риска принципиально открыта. Можно говорить даже о двух группах риска: об идеях в собственном смысле и об общественных состояниях. Идея должна сойтись с состоянием общества, и притом определенным образом: в харизматическом лидере, народном вожде, в человеке, который "знает, как надо" и убежден, что ему и его соратникам все позволено. Вот тут-то и начинается потеха. Между тем совсем рядом, в соседней стране — и социализм, и национализм, и религия (хоть бы и мусульманская), а безобразия нет. Практически есть две группы стран, не поддающихся соблазну тоталитаризма. Это северо-запад Европы и кастовая Южная Азия (во втором случае возможна — и была — резня, но не морально-политическое единство, которое хуже резни. Брахманы и гандалы не объединяются даже в любви к величайшему гению всех времен и народов).

Я еще не все сказал, а уже выходит путаница, и неясно, кто виноват (и что делать). Хотелось бы повторить: коммунизм Сталина был уничтожением деревни, коммунизм Пола Пота — уничтожением города; Пол Потшел не от Маркса, а от Мао Цзедуна, так что общее — лишь этикетка, а не сколько-нибудь конкретная идея. Прибавьте щепотку православия к лозунгу "мировая деревня против всемирного города" — и Белов раскроет вам объятья. В конце концов возможна и такая перестройка, и такая метаморфоза нашего пол-пот-почвенничества, почему бы и нет? Может быть, и Мао, и Пол Пот тоже своего рода "памятники"? В своей любви к деревне, в ненависти к Западу? Да, Белов портрета Маркса у себя не повесит, но в остальном, если от слов перейти к делу... Кажется, Волошин назвал Аракчеева "земли российской первым коммунистом". В этом был резон, но ведь идеи-то не было и в помине, ни о каком коммунизме "преданный без лести" слыхом не слыхал. Только национальные традиции административного восторга... Тут я вступаю на тонкий лед и, пожалуй, опять буду назван русофобом.

Нет, где уж нам, дуракам, чай пить, да еще с вареньем. Без доброго волка (был и такой у Щедрина) никуда не двинуться. Но любви к волку у меня все-таки нет. Остается идти стороной и понемногу развивать свои несвоевременные и нефронтовые мысли. Авось кому-нибудь пригодится.

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПОСЛЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

У нас нет никаких оснований думать, что кто-либо из членов высшего советского руководства был обрадован трагедией, обрушившейся на армянский народ 7 декабря. Их чисто человеческое сочувствие и скорбь несомненны. Но как реально мыслящие политики они не могли не понимать, что судьба преподнесла им подарок, и они сумели им воспользоваться наилучшим образом.

По свежим следам Чернобыля, в № 5 за 1986 г., наш журнал писал: "М.Горбачев мог бы превратить Чернобыль в свою победу, победу государственного руководителя... Он мог лично приехать в Чернобыль и возглавить спасательные работы... Мог объявить траур... Мог широко открыть двери для иностранных наблюдателей, призвать иностранных специалистов-добровольцев, принять предложенную помощь и запросить еще (и он бы ее получил!). Популярность и уважение, которые бы он снискдал, работали бы на него еще многие годы."

Все это и было — к счастью — сделано после армянской катастрофы. И если потом значительная часть помочи не дошла до тех, кто в ней нуждался, то винить в этом нужно не М.Горбачева, а систему, которую он явно хочет, но пока не может преодолеть.

Вторая политическая победа, которой добился М.Горбачев, достигнута отнюдь не по рецептам нашего журнала. Правда, победа эта — пиррова и едва ли она окажется долговечной. Речь идет о разгроме карабахского движения. В тени трагедии, когда внимание всего мира — да и самой Армении — было отвлечено на спасательные работы в Спитаке и Ленинакане, в условиях военного положения, когда танки и БТРы прекратили

любые попытки выражения народного мнения, власти обезглавили карабахское движение, арестовав всех его руководителей — комитет "Карабах" и других активистов движения.

Уже во время своего пребывания в Армении М.Горбачев обрушился на "бородачей", смеющихся "в такое время" думать и говорить о проблеме НКАО. В его голосе звучал и металл, и неприкрытые угрозы. А затем угрозы воплотились в действия: по приказу коменданта Еревана генерал-лейтенанта А.Макашова в помещении Союза писателей Армении были задержаны собравшиеся на заседание члены комитета "Карабах": Левон Тер-Петросян, Вазген Манукян, Алексан Акопян, Самвел Геворкян и Бабкен Аракян. Вместе с ними был арестован и член комитета Ашот Манучарян, но после того, как выяснилось, что А.Манучарян обладает депутатской неприкосновенностью (он — член Верховного Совета республики), его отпустили. Все задержанные в соответствии с указом о военном положении были арестованы на 30 суток.

А затем началась настоящая охота на остальных членов комитета "Карабах" и других активистов движения. 12 декабря взяли Хачика Стамболяцяна, руководителя фонда "Милосердие", тесно связанного с комитетом, и, как и А.Манучарян, — депутата Верховного Совета. К тому времени Президиум Верховного Совета республики уже дал "добр" на арест своих депутатов.

26 декабря арестовали "комитетчиков" Ваника Сирадегяна и Самсона Казаряна. 7 января разыскали последних: Ашота Манучаряна (на сей раз уже окончательно), Амбарцума Галстяна, Рафаэля Казаряна и Давида Варданяна. А когда 9 января, по истечении 30 суток административного ареста, род-

ственники тех, кого взяли еще в декабре, явились за своими близкими, выяснилось, что освобождены они не будут. Всему составу "Карабаха" и Хачику Стамболцяну предъявлены три обвинения: в "организации массовых действий, нарушающих общественный порядок", в нарушении указа о порядке проведения митингов и демонстраций, в "разжигании национальной розни".

На следующий день тюрьму в ереванском районе Советашен, где содержались арестованные, окружили танки и БТРы, дороги, ведущие к тюрьме, были перекрыты войсками. С этими предосторожностями комитет "Карабах" был вывезен из тюрьмы в аэропорт и доставлен в Москву. Там арестованных поделили между "Бутырками" и "Матросской тишиной". Следствие по их делу ведет объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР.

В освещении арестов руководителей народного движения гласность дала сбой. Газеты лишь продолжают шуметь о какой-то "коррумпированной мафии", разжегшей карабахский конфликт, намекая, что члены комитета "Карабах" и есть эта мафия, источник всех зол. Есть поэтому смысл подробнее познакомить читателей нашего журнала с этими людьми.

Ваник Сирадегян, 42-х лет, член Союза писателей, автор нескольких сборников рассказов. В 1982 г. получил премию журнала "Дружба народов" за лучший рассказ. Его произведения переведены, кроме языков народов СССР, также на испанский, болгарский и чешский.

Рафаэль Казарян, 65 лет, член-корреспондент АН Арм.ССР, заведующий отделом Института квантовой физики. Ветеран Отечественной войны. Под его руководством была создана одна из первых в мире лазерных многоканальных телефонных линий: линия Ереван-Бюракан.

Левон Тер-Петросян, 43-х лет, доктор филологических наук. Научный сотрудник, а затем учений секретарь всемирно известного Матенадарана — хранилища древних рукописей, ответственный секретарь альманаха "Вестник Матенадарана". Автор четырех монографий и 60 литературно-филологических статей.

Самвел Геворкян, 39 лет, член Союза журналистов. Работал зав.отделом в газете "Аштарак", а затем 15 лет — в должностях

зав.отделом Гостелерадио Армении, популярный радиокомментатор.

Вазген Манукиян, 42-х лет, кандидат физико-математических наук. Сотрудник кафедры численных методов анализа механико-математического факультета Ереванского университета.

Давид Варданян, 38 лет, кандидат физико-математических наук, научный сотрудник лаборатории кафедры физики твердого тела Ереванского университета.

Амбарцум Галстян, 32-х лет, кандидат исторических наук, зам.директора по научной части музея этнографии Армении.

Бабкен Аракян, 44-х лет, кандидат физико-математических наук, доцент. Работал в АН Армении. Заведующий кафедрой Ереванского университета.

Алексан Акопян, 33-х лет, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных работ, сотрудник Института востоковедения АН Армянской ССР.

Самсон Казарян, 35 лет, преподаватель истории средней школы. Сотрудничал в газете "Авангард".

Следующие два человека — еще один член комитета "Карабах" и руководитель фонда "Милосердие" — всего за несколько недель до своего ареста были избраны депутатами Верховного Совета Арм.ССР (думается, избрали их за то же, за что и арестовали, только избрал народ, а арестовали власти). Это:

Ашот Манучарян, 34-х лет, выпускник физического факультета Ереванского университета. Был секретарем комсомольской организации университета. Завуч средней школы.

Хачик Стамболцян, 48 лет, научный сотрудник Института экспериментальной биологии АН Арм.ССР.

Такие вот "мафиози", воротилы "коррумпированных кланов". Обвиняемые в преступлениях, по самой природе которых необходимы допросы тысяч свидетелей, они содержатся под следствием в тысячах километров от места их совершения. Интересно, — почему, с какой целью?

С какой целью содержится в московских Бутырках, а не дома — в Степанакерте — еще один "коррумпированный воротил" — председатель Совета директоров Нагорного Карабаха Аркадий Манучаров?

Инженер-строитель А.Манучаров, 57 лет,

участвует в карабахском движении с начала 60-х годов. В 1965 г. его вынудили покинуть Степанакерт, куда он вернулся только в 1977 г. А.Манучаров — директор Степанакертского комбината стройматериалов, с февраля прошлого года возглавил комитет "Крунк" ("Журавль", символ тоски по родине), местный аналог армянского комитета "Карабах". Когда "Крунк" был запрещен, руководители местных предприятий Степанакерта объединились в Совет, избрав А.Манучарова своим председателем.

Приехавшая из Баку комиссия по проверке деятельности А.Манучарова начала с... обмеров могильных плит на степанакертском кладбище (можно себе представить, каково было отношение армян-христиан к подобной деятельности мусульман — членов комиссии). Работа даром не прошла: обнаружено "недовложение" камня в могильные плиты, а значит — хищение. Именно это и продолжает повторять (когда вспоминает о нем) советская пресса: А.Манучаров арестован не "за политику", а "за воровство".

Трудно, конечно, судить, что конкретно стоит за подобными обвинениями. Однако кто же в Советском Союзе не знает, что при советском способе хозяйствования завтра же можно посадить буквально любого руководителя хозяйственного предприятия. Нужно только желание. Но вот что приходит на ум: можно представить себе, каким промышленным гигантом является местный комбинат стройматериалов в захолустном Степанакерте! Не зря же этим делом союзного масштаба занимается в Москве объединенная следственная группа КГБ и Прокуратуры СССР! Конечно, политика тут ни при чем!

Вглядываясь в армянскую ситуацию, трудно не заметить поразительных аналогий с другими событиями — 20-летней давности: ввод войск и танков в Прагу для сокрушения "антисоциалистических тенденций", арест народных руководителей и их доставка в Москву, дабы обработать и сломать их! Удастся ли теперь повторить опыт предшественника, не потеряв "перестроенного" лица? Маловероятно. Нельзя перестраивать страну, сидя на штыках. От чего-то придется отступить. Хочется думать — не от перестройки.

Но не только на армянский котел пытаются положить тяжелую крышку. Большую тревогу вызывает и соседний Азербайджан. Ка-

залось бы, народное движение в Азербайджане идет в русле, благоприятном для московского руководства: на митингах в Баку на площади Ленина выступали в поддержку решений Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. Но дело в том, что одно дело — организованная поддержка и совсем другое — стихийное народное движение, самостоятельность, неважно, под какими лозунгами она осуществляется. Вновь возрождается эта "многоголовая гидра" — национальное самосознание, с которой власть совладать не может, а понять не хочет (или тоже — не может?).

Вот почему в тех же Бутырках в Москве рядом с членами комитета "Карабах" находится слесарь бакинского завода им.лейтенанта Шмидта Неймат Ахат оглы Панаев и старший научный сотрудник музея литературы АН Азербайджана Магомед Фарзулла оглы Гатами. Гатами — лицо без гражданства, политический беженец из Ирана.

Когда же наконец история научит, что национальные проблемы силой решить нельзя! Силой их можно только загнать внутрь.

Итак, скоро мы должны стать свидетелями многочисленных политических процессов. На одном из них — процессе комитета "Карабах" — на скамье подсудимых будут сидеть 12 человек. Такого массового политического процесса в Советском Союзе не бывало с конца 30-х годов.

* * *

Ниже мы публикуем два обзорных материала о событиях в Закавказье, полученные нами из Еревана и из Баку.

Любые оценки, высказанные в публикуемых статьях (особенно это касается оценки деятельности конкретных лиц), являются выражением только личных взглядов авторов.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В АРМЕНИИ...

Судя по ряду признаков, катастрофе в Армении готовилась участь остаться полускрытой, наподобие чернобыльской. Армяне, несомненно, должны быть обязаны самому М.Горбачеву, который извлек урок из предыдущей трагедии и предал широкой гласности случившееся стихийное бедствие, благодаря чему удалось спасти больше людей в районах бедствия и обеспечить широкую международную помощь Армении. Не в малой степени этому помогло прекращение зарубежной поездки и срочное возвращение Горбачева.

За все это Горбачев удостоился международной признательности. Мир усмотрел в этих акциях доказательство серьезности "нового мышления", перестроечных замыслов Горбачева. Заслуженно покорив мировое общественное мнение, М.Горбачев приехал на два дня (10–11 декабря) в Армению, и вот тут началось нечто странное, но кажется, весьма важное для понимания того феномена, который называется *перестройкой*.

В такое время, когда ужас и горе объяли Армению, Горбачев санкционирует в Ереване ужесточение уже до того введенного комендантского часа с запретом митингов, где сотни тысяч людей худо-бедно, но могли обсуждать мучившие их вопросы и делиться информацией, отсутствующей или тенденциозно подаваемой официальными средствами массовой информации. Объявив членов комитета "Карабах" бородачи и авантюристами, рвущимися к власти, Горбачев санкционировал их аресты и аресты других активистов движения "Карабах".

Из каких бы соображений это ни делалось – это шаг назад, так как является фактическим признанием своего бессилия разрешить кризис перестроичными средствами. Это – недвусмысленное возвращение к привычным репрессиям – то, чего давно добивались антиперестроичные силы партийно-административной бюрократической верхушки совместно с КГБ, военными и правоохранительными органами – *Комплексом*, интенсивно участвовавшим в инспирировании волнений и межнациональной розни в Закавказье.

Таким образом, все явственней становится разрыв – разумеется, всегда относительный – между внешней и внутренней политикой Горбачева, разрыв, которого он по мере сил пытался избежать, понимая, по-видимому, что такая двойственность создает неустойчивость, выгодную консервативным силам. Дело в том, что эти силы могут пойти на уступки в лучшем случае в области внешней политики, но никогда – в области внутренней, поскольку именно эта последняя является их почвой и питательной средой.

Тот, кто имеет представление о внутренних механизмах работы парторганов и КГБ, тот знает, что разница между ними несущественна, что эти органы подпирают друг друга и обмениваются как методами, так и кадрами. Стать излишними они никогда не согласятся, но пока пытаются укротить Главного перестройщика, указав ему приемлемый для них путь движения перестройки. Возможно, путь ими вырабатывается ощущено, стихийно, но принцип вполне осознан. Для КГБ он заключается в самосохранении в качестве мощного репрессивного органа и истинного негласного хозяина страны, разделяю-

щего власть только с партийным аппаратом как своим идеологическим представительством. Большая часть партаппарата с этим согласна, и сегодня – больше чем когда-либо, так как она не знает – и никогда не знала – другого средства удержания власти, кроме насилия.

И если вышеуказанный Комплекс медленно, понемногу и с трудом отступает, то только в области внешней политики, вынужденный согласиться с мерами искоренения катастрофических последствий: экономической и технологической отсталости страны, которая может быть ликвидирована лишь с помощью Запада.

Взамен Комплекс требует уступок во внутренней политике, фактами вразумляя Горбачева в необходимости сохранения своих функций в полном объеме и значимости, подталкивая тем самым перестройку на путь соединения модернизированной экономики с тоталитарностью. Одним словом, Комплекс желает доказать свою необходимость и не допустить процесса демократизации. И пока в громадном Советском Союзе созревают перестроичные силы и формы их выражения, в Армении – на окраине социалистической ойкумены – происходят драмы, которые выводят на поверхность глубинные конфликты, дают возможность наблюдателю заглянуть в кипящую стихию самосозидания истории.

Удручающие несоразмерные последствия землетрясения ложатся тяжкой виной на партийно-бюрократическое руководство республики. В любой стране немедленно началось бы следствие с возбуждением обвинений против виновных. Но не в СССР, несмотря на обещания Рыжкова. Ибо когда виновные будут обнаружены, среди них окажется так много ответственных партдeятелей и выявится так много "объективных" причин, свидетельствующих о порочности системы в целом, что Политбюро вынуждено будет во избежание скандала в лучшем случае отправить некоторых из виновных на "заслуженную" персональную пенсию, как это было сделано с Демирчяном и др. Местное руководство это прекрасно знает. Знает и то, что только безгласность и бесправность народа есть условие их безнаказанности и дальнейшего благополучного существования. И теперь в условиях гласности – подцензурной, односторонней, обращенной по преимуществу в прошлое, перестроичной гласности – перед преступниками маячит только угроза снятия кое-кого из них с насиженных высоких постов. И потому заткнуть рот народу, не допустить, чтобы он обрел дар речи, сейчас, как и в течение всех семидесяти лет советской власти, – единственная цель этого руководства.

Эту необходимость руководство ощущало еще раньше, чем произошло землетрясение, ког-

да убедилось, что карабахское движение с его несанкционированными митингами, группами действия и акциями развязало народу языки. И уже тогда, именно по его, местного руководства, настоянию были введены танки и войска, чтобы продолжать все по-старому – поскольку клика Демирчяна, а до него – Кочиняна, скрепленная круговой порукой с союзной, преимущественно московской, партийно-бюрократической элитой (попросту с Комплексом) ничему другому, кроме лжи, воровства и подхалимства не обучена и на том держится. Как известно, Горбачев уже заменил погрязшего в уголовных и политических преступлениях давно и целеустремленно предававшего свой народ Демирчяна безликим, послушным властующим кланам С.Г.Арутюняном, гарантировав тем самым безнаказанность этих кланов и их уверенность в своем положении. В Ереване Горбачев взял руководство Арутюняна под свое покровительство как "перестроенческое" (хотя оно только "перестановочное"), противопоставив его оклеветанным этим же руководством будто бы "коррумпированным", "рвущимся к власти" "авантюристам" из комитета "Карабах".

Благородный гнев Горбачева, как он сам объяснил, был вызван тем, что люди из встреченных им толп рвались задавать ему нежелательные вопросы "в такое время..." – о проблеме Карабаха и неформальных объединениях. Но, во-первых, причем тут комитет "Карабах"? А во-вторых, разве у тех, кто спрашивал, было другое время или они могли надеяться встретиться с главой государства и инициатором перестройки еще где-нибудь и когда-нибудь? Разве за 10 месяцев беспрерывных массовых волнений он хоть раз посетил Армению? А ведь каждый армянин горел вопросами, каким образом три дня сумгайтских погромов превратились у него в "три часа" и как геноцид армян (массовое организованное с ведома и с участием властей избиение народа по принципу национальности) – в простое "хулиганство".

Клеветническая, оскорбительная и неумная кампания, развернутая в печати ничего не забывшими и ничего не понявшими журналистами против комитета "Карабах", заставляет думать, что руководящая клика лихорадочно воспользовалась нелюбезным приемом, оказанным Горбачеву усталыми и измученными душевно и физически, не только вследствие землетрясения, но и всех предшествовавших 10-месячных событий людьми, чтобы расправиться с его благословениями с единственным демократическим движением, которое возникло в Армении, и с его руководителями.

Похоже, Горбачев ожидал встретить народ,

который будет стонать и кланяться, кланяться и плакать. Он может не беспокоиться: после его санкций навязанное им руководство позаботится о том, чтобы так оно и было. Причем кланяться по преимуществу будет оно само вместе с послушными средствами массовой информации, предоставив народу стенания и плач. И все будет, как надо: восхищение дружбой народов СССР, особенно народа азербайджанского, заботой родной коммунистической партии в лице властующей элиты, без которой, как было доказано землетрясением, народу оставалось гибнуть в завалах без помощи и средств. Армянский народ "забудет" о сумгайтских погромах, о массах беженцев из Азербайджана, о бесконечных преследованиях армян, о сожженных домах, о перекрытых дорогах в Карабах, об отчаянии армянского населения НКАО. Беженцев насильно приказом Политбюро водворят по прежним местам жительства, строго велев азербайджанцам терпеть их, Карабах усмирят, как и раньше, не забывая о 500 миллионах рублей, выписанных ему и расходуемых по усмотрению азербайджанского правительства. Остальное будут глушить передовицами газеты "Правда" о "вечной и нерушимой дружбе народов СССР". Преступное руководство будет гнать покорный, опустошенный народ на производство, докладывать о липовых успехах с дозой самокритичности в духе времени, благополучно разворовывая, разбазаривая, спекулируя всем, чем можно, в том числе прислаными пострадавшим средствами, – бесконтрольно и бессмысленно.

С этим и связана актуальность вопроса о неформальных объединениях. Армянский народ будет залечивать свои бесконечные раны, с благодарностью принимая помощь народов Советского Союза и всего мира, но он не желает строить свои дома и жизнь на фундаменте старых отношений и порядков. Гарантий альтернативы может быть только демократическое движение, которому пытаются положить конец антиперестроенческое руководство Армении вкупе с Комплексом. Оно давно добиралось до комитета "Карабах" – с тех пор, как убедилось, что не сможет дольше оправдывать свою недееспособность к перестройке дестабилизированностью и отвлекать массы проблемой Карабаха от насущных социальных вопросов. Но главное – оно с ужасом убедилось, что при мало-мальски демократических выборах его ставленники не будут избраны. А выборы между тем на носу. Конечно, ничто не мешало руководству перехватить инициативу у комитета "Карабах". Оно попыталось это сделать, но не смогло. Ему нечего сказать народу, нечего предложить, кроме прежних методов и стереотипных обещаний, запрелен-

ных в перестроечную фразеологию. Народ ему все равно давно не верит, но теперь, благодаря митингам и комитету "Карабах", можно открыто об этом заявить. И когда комитет решительно повернулся к непосредственно перестроечным вопросам — гласности, демократии, законности и др. — клика завопила о "карьеризме", "стремлении к власти", ввела танки и войска.

Народ точно знает цену правящей клике и на митингах открыто выражает свое отношение к ее представителям — смеется над ними, освистывает. Пусть на этих митингах не все идеально, пусть там бывают и сомнительные лозунги, и идеологические перехлесты. А разве все, что делалось и делается на официальном уровне и "формальными" объединениями, — все это идеально, безусловно и невредно? За 70 лет советской власти накоплено, наворочено столько грязи во всех областях, что трудно, разворачивая ее пласти, не загрязниться и не споткнуться. Митинги — это сегодня единственное реальное средство политики гласности пробудить самосознание масс, поскольку все другие средства — прежде всего массовой информации — фактически находятся под строгим и неусыпным контролем той самой партийно-бюрократической верхушки, силу которой и призвана сломить перестройка. Следовательно, массы сами и должны изживать свои предрассудки, свои ошибочные понятия, представления — для чего же гласность и демократия, если не для этого?

То, что навязанное Горбачевым руководство не может влиять на народ и не пользуется никаким авторитетом у него, является лучшим свидетельством его немощности, ничтожества, чуждости народу. Оно угрожает народу, надежно оградив себя танками и дубинками — народ платит ему ненавистью. И никакие танки здесь не помогут, если, конечно, перестройка будет продолжаться и не станут вновь загонять народ в сталинские стойла с помощью военных и КГБ, объявив перестройку пройденным этапом ("необратимой"), как в свое время Сталин отменил нэп, ссылаясь на слова Ленина, что "отступление кончилось".

Стихийное бедствие не отвлекло руководящую клику от ее основной задачи — обеспечить свое переизбрание в предстоящей выборной кампании и еще больше укрепило в решимости избавиться от потенциальных народных избранников, поскольку в дни бедствий резко обнаружился контраст между оперативностью действий комитета "Карабах", авторитетом его в массах, с одной стороны, и дезорганизованностью, неумелостью, неразберихой официальных организаций и ведомств — с другой. Клика испугалась и вовлекла Горбачева в искоренение

самодеятельности масс, не брезгя при этом самой низкопробной клеветой. Но она не смогла бы этого добиться, если бы Горбачев пожелал встретиться с комитетом "Карабах", чтобы самому во всем разобраться, воспользовавшись пребыванием в Армении.

Именно комитет "Карабах" немедленно и решительно включился в спасательные работы в районах бедствия, одновременно организовывая отряды, помочь, срочную информацию, стал развертывать работы по координации и эффективному контролю за порядком распределения помощи. Не это ли взбесило местных воров и мошенников всех рангов и мастей? В немалой степени именно благодаря последним десяти месяцам активности и сплоченности в национальном движении, связанными с проблемой НКАО, люди как один откликнулись на беду и делали все что могли, несмотря на отсутствие техники и организованности. И еще больше бы сделали, если бы комитет мог продолжить свою работу. Но перспектива использовать энергию комитета на благо потерпевшим не привлекала местную власть: она искала возможности избавиться от тех, в ком подозревала соперников.

Наставая на том, что проблема Карабаха не должна решаться в "ущерб другой нации", Горбачев и вслед за ним другие парлдевтели фактически возвращают ее в русло той имперской политики и идеологии, в которых первенствовали соображения территориальных приобретений и которые восторжествовали в СССР при Сталине, став сущим несчастьем как для русского, так, тем более, и для других народов Союза. Имперская политика, между прочим, программировала экспансивное развитие русской культуры за счет подавления и ассимиляции малых и слабых народов и культур. В результате этого произошло резкое снижение уровня самой русской культуры и что еще важнее — обесценение человеческого фактора в ней.

Горбачев сетует: армяне утверждают, что умрут, но не отступятся от Карабаха, а азербайджанцы — что умрут, но не допустят этого... Но Горбачев обошел вопрос: а чего требует большинство населения самого Карабаха? И никто не смеет — теоретики, идеологи, пропагандисты, юристы, журналисты — вспомнить об альфе и омеге ленинской национальной политики — праве нации на самоопределение. Для Армении вопрос НКАО — это не вопрос территории, а вопрос самоопределения: избавление народа от постоянной угрозы геноцида, физического вытеснения, дискриминации национальной культуры и человеческого достоинства. Вместе с тем самоопределение не обязательно есть присоединение.

но обязательно *отделение*. Пусть Карабах будет самоуправляемой областью со своим армяно-азербайджано-курдско-русским населением, пока определится его окончательный статус, и пусть сам этот статус будет прецедентом для новых национальных образований внутри Союза. И в конце концов, если это не должно быть в "ушерб" азербайджанцам, то, по-видимому, не должно быть в "ушерб" и армянам?

Надо ли возмущаться тем, что комитет "Карабах" протестовал против усыновления сирот землетрясения вне пределов республики? Ведь каждая национальная культура имеет свои механизмы самозащиты. То, что может совершенно не беспокоить большую нацию с ее мощными механизмами влияния и самоутверждения, то может стать предметом серьезной озабоченности для небольшой нации, в культуре которой отсутствуют эти механизмы, и поэтому ей небезразлично количество людей, составляющих ее, да в условиях стихийных катастроф и массовых эмиграций. Кроме того, свои требования комитет выдвинул под давлением масс. Не случайно, что и Арутюняну, и Рыжкову пришлось заверять население в том, что дети едут в другие республики со своими родителями и воспитателями лишь на временное жительство.

Центральная печать лицемерно возмущается будоражущими население Армении слухами о том, будто бы причиной землетрясения было подземное ядерное испытание. Надо понять условия и причины рождения таких слухов. Разве вся история СССР не свидетельствует о возможностях жестоких и коварных расправ над большими массами населения для их усмирения и укрепления власти, для отвлечения их от непосредственных социальных кризисов: голод 30-х годов на Украине, переселение миллионов, выселение целых народов, массовые аресты и убийства? Почему же КГБ вместе с заинтересованными верхами не мог вызвать землетрясение подземным взрывом, поскольку в принципе это возможно? С точки зрения обыкновенного советского здравого смысла, КГБ еще не то может! И пока мощь этого учреждения не сломлена и низы не верят руководству, слухи подобного рода, сколь бы они ни были нелепы, никого не должны удивлять и возмущать. Комитет "Карабах" как раз пытался опровергнуть эти слухи обоснованными мнениями специалистов, и не только советских, поскольку народ не верит не только своему руководству, но и его ученым, — не верит ни в их компетентность, ни в их бескорыстие и независимость. В конце концов, разве не с их одобрения в сейсмоопасной зоне, какой является, в сущности, вся Армения, была построена Армянская АЭС?

Комитет "Карабах" поставил вопрос о немедленном закрытии АЭС и химобъединения "Наирит". Тов. Рыжков обещал, что это будет сделано. В условиях, когда руководство не только не берет на себя инициативы закрытия этих вредных и опасных объектов, а, напротив, доказывает, не гнущаясь ложью (зам. пред. Совмина Ю.Ходжамириян), что никакой опасности нет и не может быть, разве не благо, что появилась сила, способная противостоять такому руководству и стоять на страже общенациональных интересов?

Все эти вопросы, поднимаемые комитетом "Карабах", отличаются актуальностью, так как по сути дела выдвигаются народом. С большинством из них нашему бездарному руководству приходится считаться только потому, что их подхватывает, оформляет и ставит комитет. И если комитет пытается поставить вопрос о контроле за расходованием средств помощи обездоленным жертвам землетрясения — разве это преступление? Может быть, стыдно, позорно контролировать, но ведь без этого — разворуют, испортят, на ветер бросят.

Если же Горбачев санкционирует арест избранников народа и запрещает митинги, а выборную кампанию оформляет танками и войсками, на кого и на что он возлагает свои надежды в перестройке?

Почему именно Армения была выбрана комплексом могущественных антиперестроечных сил для своих опасных игр против перестройки и что из этого получается?

На первую часть вопроса ответить нетрудно, добавив к окраинному положению Армении, малой численности населения и географическому окружению острую проблему НКАО, которая весьма чувствительна для армян не только сама по себе — в связи с положением армянского населения в НКАО, — но и потому, что в ней как в капле воды отражены все несправедливости, обрушившиеся на армянский народ в течение последнего столетия. Проблема НКАО существовала давно, и армяне, прежде всего — жившие в Карабахе, не раз поднимали ее после XX съезда. Естественно, что армяне НКАО всегда обращались за помощью к руководству Армении. Но далеко не всегда оно соглашалось им помочь. Больше того, всякие попытки как-то поставить и обсуждать эту проблему в республике после Хрущева встречали резкий отпор со стороны парлаководства и цензуры. В застойные годы о проблеме НКАО нельзя было даже упоминать. И вдруг...

Оживление проблемы Карабаха в период перестройки было естественно, но что произошло это сразу слишком бурно и по сути дела слишком рано, — было ясно даже самому не-

опытному политику. Перестройка еще не набрала необходимой скорости, и сама позиция Горбачева в Политбюро и в ЦК КПСС не была достаточно твердой. В происходившем было что-то странное, неестественное.

Хотя первые признаки оживления проблемы Карабаха относятся еще к весне 1987 г., когда по инициативе ЦК КП Армении в некоторых научно-образовательных учреждениях (например, в университете и АН) были проведены партсобрания с резолюциями о воссоединении Карабаха с Арменией, они остались незамеченными, и массовые митинги в середине февраля для большинства армян оказались громом среди ясного неба. Выбор времени, указывающий на их действительных инициаторов, был обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, настойчивой критикой Горбачевым парламентства Армении во главе с Демирчяном, что означало неизбежное смещение последнего. Весной 1987 г. Демирчян был Горбачевым не просто раскритикован, а высмеян. Второе обстоятельство заключалось в неустойчивом положении самого Горбачева. Таким образом, время для выступлений с требованием воссоединения Карабаха с Арменией было выбрано кликой Демирчяна (конечно, с согласия соответствующих антиперестроечных верхов в Москве) вовсе не для успеха дела НКАО, а для успеха собственного дела.

Организацией выступлений руководил КГБ, непосредственно – армянский КГБ. Он собирал людей на митинги, выдвигал руководителей, снабжал их нужной информацией, лозунгами и всем необходимым – местом, зданиями, охраной и т.п. План состоял в резкой дестабилизации обстановки в регионе, с последующим введением войск, массовыми арестами, запретом всякой гласности вкупе, по-видимому, с переворотом в Политбюро. Карабах был бы усмирен уже потому, что все должно было вернуться в до-перестроечное русло. Вознаграждение клики было бы в обретении ею устойчивости и прежней уверенности. Исподтишка, осторожно, по мере возможности сохраняя свое алиби, партаппарат содействовал обострению обстановки. Вот почему первая подозрительная реакция перестроечных сил – либеральных кругов, понявших это движение как реакционное, имела вполне реальное основание. Однако, являясь угрожающим вызовом Горбачеву, это движение одновременно давало ему великолепный шанс для решительных действий, которые могли бы укрепить перестройку сразу, фундаментально. Правда, это было связано и с риском резкой поляризации сил, которой Горбачев пока избегает.

Далее, однако, случилось нечто непредвиденное и незапрограммированное инициаторами дестабилизации.

Организовался комитет движения "Карабах", руководимый сначала близким КГБ Игорем Мурадяном и подкрепленный – для пущей важности, но главное, для маскировки КГБ – рядом представительных фигур из интеллигенции, такими, как Сильва Капутикян, Сас Саркисян, Виктор Амбарцумян и др. Комитет стал постепенно укреплять свое постоянно действующее ядро, избавляясь как от чисто "представительных" членов, так и от откровенных агентов КГБ, недвусмысленно толкавших движение к экстремизму. С течением времени комитет не стал ограничивать себя только проблемой Карабаха, а перешел к общенациональной проблематике. Вынуждаемый остротой этой проблематики, а также левыми настроениями некоторых своих членов, комитет стал все в более и более острой форме критиковать повсеместное взяточничество и коррумпированность бюрократии, неспособность верхов к управлению, их соглашательство и предательство интересов Карабаха, их негодную кадровую политику, то есть занялся насущными социальными вопросами республики. Все это никак не входило в намерения руководящей клики и сращенной с ней, орудующей во всех областях жизни мафии.

К комитету подбирались и сверху – на должностном партийно-правительственном уровне, и снизу – с "черного хода", причем иногда это были одни и те же лица.

Как комитет "Карабах" ни разочаровывал своих "крестных отцов", последние считали движение своим детищем и, возлагая на него надежды самого разнообразного свойства, вплоть до провоцирования путча в нужный момент, продолжали тайно покровительствовать ему, осторожно и умело ведя свою игру. С одной стороны, они не допускали отклонений от проблемы Карабаха, неизменно пресекая с помощью своих многочисленных агентов все попытки поднять социальные вопросы, как якобы второстепенные, препятствующие единению народа в борьбе за воссоединение Карабаха; с другой стороны – оказывали разные услуги, вроде помощи в организации митингов, защиты со стороны правоохранительных органов и даже более того. Так, было разоблачено мошенничество с бюллетенями во время выборов в депутаты Верховного Совета Армянской ССР Хачика Стамболцяна. Одной из крупных услуг было выступление на заседании Президиума Верховного Совета СССР 18 июля 1988 г. ректора ереванского университета Сергея Амбарцумяна, близкайшего сподвижника Демирчяна, утвердившего в университете

систематическое взяточничество, протекционизм, пластины, нетерпимость к любой критике руководства, независимости, честности. Своим выступлением он снискал уважение, благодарность и симпатии не только многих армян, а чуть ли не всего мира. Но тайными мотивами его поведения и выступления на сессии была ненависть к перестройке и Горбачеву и необходимость покинуть свой пост согласно новым возрастным квотам. При этом он надеялся на ответных ход – организацию комитетом забастовки студентов против его ухода: услуга за услугу. Комитет не согласился. И то, что С.Амбарцумян все еще остается ректором, – лучшее свидетельство власти мафии. Намерение использовать движение в своих далеко идущих целях вынуждало мафию даже допускать критику в свой адрес, терпеть все учащающиеся враждебные выпады со стороны комитета, гарантирующие ее алиби. Впрочем, она была уверена в том, что всегда сумеет избавиться от комитета "Карабах", или убрав или предав его, когда сама найдет это необходимым.

После неудачи с воссоединением Карабаха в июле комитет стал более настоятельно обращаться к отечественным социальным вопросам, указывая на них, как на источник национальных неудач. Конфликт между руководящей мафией и комитетом как представителем широких слоев населения стал нарастать, а явное тяготение некоторых комитетчиков к прибалтийским демократическим формам и программам движения вовсе внушило опасение.

Может быть, в этой ситуации самой большой ошибкой комитета "Карабах" было то, что он не решился на резкое отмежевание от мафии, не смог четко отделить борьбу за решение проблемы Карабаха от инспирированных форм движения на начальном его этапе. Но комитету приходилось считаться с необходимостью сплочения всех сил нации вокруг проблемы Карабаха, не говоря уже о том, что среди его членов были крайние сторонники чисто национального движения.

Иллюзия о возможности в современной советской действительности чисто национального движения без примеси социальной проблематики, боязнь отпадения многих (целых групп населения), повинных в беззакониях, взяточничестве, разгильдяйстве и т.п., приводят к отпадению других групп, которые прежде всего возмущены социальной несправедливостью. Движение рисковало оставить неиспользованной социальную энергию протеста, накопленную в массах. Надо признать, что в карабахском движении в целом проявлялась неудовлетворенность социальной действительностью – общественными порядками, системой правления в их конкрет-

ных проявлениях. И все же процесс консолидации сил и настроений шел, но по преимуществу на основе национальных лозунгов и требований.

Вероятно также, что комитет не решался поведать всей правды о роли мафии и КГБ в движении по той же причине, по какой не решается обвинить КГБ в тайных заговорах против перестройки Главный перестройщик и самый первый в партийной иерархии – сам Горбачев, что, между прочим, является лучшим доказательством того, что перестройка обратима.

Подобная ошибка была допущена и армянами Карабаха, возложившими свои надежды на преступное руководство Демирчяна, связавшимися с ним и невольно сделавшими свое движение щитом для кучки подлецов. Конечно, им не из чего было выбирать, но какая несчастная мысль: думать, что КГБ можно использовать для благородной цели – достижения национальной независимости. Это КГБ может использовать любую благородную цель для своих низких замыслов.

Другой ошибкой комитета, возможно, было демонстративное следование за массами, но не впереди их. Потому он ждал, когда массы сами поймут всю правду. Зато комитет пользовался большой популярностью и потому мог сдерживать экстремистские призывы, которые старалась подогреть мафия, провоцируя такие ситуации, как столкновения с войсками в аэропорту Звартноц или отравления на Масисской швейной фабрике. Комитет "Карабах" старался направить ужас и возмущение народа, его надежды и отчаяние в русло национального самосознания, не допустить взрыва ответных действий, что не могло не злить мафию.

Итак, комитет становился реальной общественной силой в Армении, набирая опыт руководства и влияния на массы. И сами народные массы становились все решительнее и разностороннее в своих требованиях и в отношениях с руководством. Снятие с постов секретарей Эчмиадзинского, Абовянского, Аллавердского райкомов партии, укрепление групп действия "Карабах" на предприятиях, избрание в депутаты Верховного Совета Арм.ССР Ашота Манучаряна и Хачика Стамболцяна, а также события на сессии Верховного Совета в ноябре, когда снова был поднят вопрос о безопасности армянского населения в Азербайджане в связи с событиями в Кировабаде и Баку, угрожали потерей всякого контроля над ситуацией со стороны правящей верхушки. С другой стороны, над "новым" руководством С.Г.Арутюяна висела необходимость найти все же хоть каких-нибудь представителей "коррумпированных кланов", о которых объявил Горбачев и упорно твердила

центральная печать. О том же приходилось говорить и местной верхушке, явно не знавшей, что со всем этим делать. Правда, были сняты со своих постов прокурор республики Осипян и председатель КГБ Юзбашян – два инициатора и тайных покровителя движения "Карабах", принадлежавшие к правящей мафии, но снятие это было произведено без всяких разоблачений, без намеков на их принадлежность к "коррумпированным кланам". Кстати, бывший прокурор стал зав.кафедрой на юридическом факультете университета, деканом которого он был до своего назначения прокурором республики. На его пост был назначен другой зав.кафедрой – человек, близкий Осипяну и вполне приемлемый для мафии. Число беженцев из Азербайджана между тем растет, в Карабахе нарастают волнения, напряжение между двумя республиками – тоже.

Действия против комитета – это было ясно каждому – могли повлечь за собой грандиозные демонстрации и забастовки. Поэтому сначала запретили митинги, введя предварительно комендантский час и танки.

Затем произошло землетрясение. В Армению приехал Горбачев. Начинаются аресты членов комитета "Карабах". Для Горбачева они – представители "коррумпированных кланов", для местного руководства – потенциальные соперники и потрясатели их должностных кресел. Мафия убивает, как всегда, сразу двух зайцев: подставляет комитет вместо себя и заодно вразумляет непокорных комитетчиков. Если, конечно, не учитывать еще одного "зайца" – роста недоверия к Горбачеву среди широких слоев населения Армении и ненависти ко всей системе. Странно только одно: за дело взялись военные, а не КГБ. Означает ли это, что Горбачев действительно способен решить судьбу армянской мафии и вместе с ней и армянской партийно-бюрократической верхушки? Или это значит, что Комплекс выполнил поставленную задачу по замораживанию перестройки? Может быть, это просто очередная уступка консервативным силам? Последнее предположение подкрепляется известиями о преследованиях неформалов Ленинграда и Свердловска.

Понимание событий в Армении было бы неполным без учета психологии народа. Как это ни покажется странным, геноцид армянского населения в Турции в конце XIX – начале XX века, унесший около двух миллионов жизней, не только не вызвал в народе чувства покорности судьбе, а напротив, усилил его решимость добиться независимости. Если в XVIII – первой трети XIX века борьба за освобождение армян от турецкого и персидского ига была связана с надеждами на помощь России, то более 150 лет тесной свя-

зи с Россией привели, мягко говоря, к разочарованию в эффективности и надежности этой помощи: она свелась к колонизации Армении Российской империей. Что касается советской России, то, конечно, Армения получила относительную независимость и единство в рамках Союза. Янычарская Турция убивала армян и присваивала армянские земли. Советская власть убийства прекратила, но продолжала грабеж. Легко отдав часть территории Армении, входившую в Российскую империю (Карс-Ардаган). Турции, она под давлением Турции и по воле Сталина санкционировала переход исконно армянских земель – Нахичевани, опустошенной турками, и Карабаха – к Азербайджану.

После победы над фашизмом Сталин для наказания союзницы Германии Турции собирался сначала отобрать у нее область Карс-Ардаган, но поразмыслив, чтобы не раздражать союзников, не сделал этого. По-видимому, позже у него возникла идея переселить армян в Сибирь для освоения обширных сибирских просторов, разделив армянскую территорию между Грузией и Азербайджаном (тогда имел бы смысл отобрать у Турции две армянские, точнее, бывшие российские области). О переселении армян был разговор с католикосом Черекчяном, который резко этому воспротивился. То ли дело грозило осложнениями, имея в виду большую армянскую диаспору, распространенную по всему миру, то ли Сталин отложил эту идею на другое время, то ли сам почувствовал, что это было бы уже слишком, но эта беда армян миновала.

Оскорбление чувства национального достоинства геноцидом 1915 г. и беззастенчивым отнятием территорий под трескотню об интернационализме, дружбе народов и освободительной миссии русских дополнялось недовольством советской действительностью, понемногу приводившей к разложению, обесмысливанию традиционных ценностей древней культуры. Все это рождало вместе с комплексом собственной неполноценности, вызванным неспособностью защитить и сохранить свое национальное достояние, также и ответный, компенсирующий комплекс, иронически выраженный в формуле: "Нас мало, но мы – армяне". Комплекс этот всегда был присущ армянской культуре. Иначе и не могло быть – на этом зиждется армянский индивидуализм и выживаемость. Индивидуальность в условиях превратностей судьбы вынуждена полагаться только на себя – на свои способности, трудолюбие и мастерство. Первый "культ" армянина – трудолюбие, второй – семья, семейные привязанности как единственное пристанище и неотчуждаемая ценность и далее другие, с ними связанные. И вот эти устои, принципы

стали рушиться или, еще хуже, извращаться всеобщим воровством, взяточничеством. Утеря трудовых навыков и уважения к труду, халтура, дармоедство, недобросовестность повсеместно брали верх. Семейные привязанности вырождались в протекционизм и клановость. Все это коснулось всех слоев населения, но особенно отвратительно выглядит в среде интеллигенции. Как ответ на все это в недрах национальной психологии возникло чувство национальной исключительности, сконцентрированной в отдельных представителях народа. Неважно, в ком проявлялся талант – в музыканте, бизнесмене или политическом деятеле. Первое, что делала армянская мысль при обнаружении крупной личности, – пытаясь выяснить генеалогическую ее связь с армянами. Дело доходило до анекдотов в желании найти армянское происхождение у грека Онассиса или Иосифа Джугашвили, отцом которого был, оказывается, вовсе не жалкий сапожник Виссарион, а богатый покровитель его матери, конечно, армянского происхождения, за что Сталин ненавидел армян и мстил им.

Отсюда же бегство армян за рубеж в поисках “подходящих условий” для проявления своих способностей. Однако при всей своей привлекательности эмиграция не могла стать общенациональной надеждой и спасением, поскольку означала бегство из земли обетованной...

Вспыхнувшее движение за воссоединение Карабаха с Арменией переменило все. Митинги своей массовостью, единством воли и настроения почти сразу сняли состояние бессилия, бесперспективности, чувство национальной ущербности. Митинги несли в себе чувство соборности – они были впечатльными и вдохновенными. На них ощущалось вырабатывалось общественное мнение, которого никогда не было. Люди собирались задолго до начала митингов и расходились только к полуночи, невзирая на расстояния, усталость и погоду. Они стояли, молчали, встречались друг с другом, вступали в разговор – свой и чужой, обменивались информацией и мнениями, потом слушали ораторов, реагировали на их речи – одобрительно или неодобрительно; на следующий день все это обсуждалось на работе, в доме, с соседями, с родственниками. А затем люди снова шли на митинг. Там, на Театральной площади, они дышали не только или не столько воздухом свободы и независимости после десятилетий гнета тоталитаризма: гораздо больше они наслаждались именно чувством единства нации, народа, чувством совместности. Они обретали вместе с общенациональной идеей и ту силу, которая должна была вскоре превратиться в решительные действия протesta против всего того, что десятилетиями убивало их души.

Проблема Карабаха стала не только проблемой армянского населения НКАО, она стала символом национального обновления. И дело было уже не в том, кто были зачинщики движения и какую цель они преследовали. Движение разбудило весь народ, всю нацию – армян в Карабахе, Армении, диаспоре – и несло в себе идеи, которые ничего общего не имели ни с целями армянской мафии, ни Комплекса в целом.

Поэтому объяснять движение за воссоединение Карабаха с Арменией инспирированностью его “коррумпированными кланами” свято-таттвенно, это просто неправда. Движение оказалось сильнее, крупнее, глубже в своей значимости. Несмотря на попытки мафиозного руководства республики использовать его, движение следовало своей внутренней логике. Именно это все явственнее сказывалось в действиях комитета “Карабах”.

Вот почему землетрясение не может ни подавить своей непомерной тяжестью и болью проблему Карабаха, ни отвлечь от нее. И даже наоборот: только дальнейшее развитие движения с охватом всех социальных вопросов, всех слоев населения, – что непосильно для номенклатурного руководства, да и не входит в его намерения, – может стать источником жизнестойкости народа, поможет ему залечить раны и не пасть духом.

Продолжение оккупации “в такое время” – преступление, так же как и аресты членов комитета и позорная кампания клеветы против них, ведущаяся в “лучших традициях” прежних времен, предусмотрительно подкрепляемая танками и командантским часом.

В истории армян действительно всегда присутствовал фактор рока – не мистический, а реальный, связанный с географическим положением страны. Историческая Армения лежала на путях всех нашествий, была объектом многих имперских притязаний – от Древнего Рима до недревней России, яблоком раздора между Византией и Персией, Персией и Турцией. Помимо того, она варилась в этническом кotle народов, называемом Закавказьем.

Опытным полигоном против перестройки Армения была выбрана в большой мере и из-за этого (не считая ее собственных проблем), ввиду непосредственной близости враждебной Турции и поглощенных собственными, далеко не мирными проблемами, мусульманских стран Переднего Востока. Проблема Карабаха должна была спровоцировать “традиционную татаро-армянскую” междуусобицу, маскирующую истинные замыслы политических интриганов, пытавшихся превратить Армению в Вандею перестройки. Конечно, на это должно было быть прежде

всего согласие ее руководства. *И оно было*. Демирчян не впервые предавал свой народ. Еще раньше, когда он снабжал оружием маленькую ливансскую армянскую общину, вовлекая ее в смертельную расплю между христианским и мусульманским населением этой страны, он безжалостно ставил ее под удар и тех, и других в угоду своим московским хозяевам – ради успеха их преступных авантюр.

Демирчян вовлек в последнюю авантюру против народа весь партаппарат, душой которой является мафия. Судя по Сумгаиту, в заговор было вовлечено и азербайджанское руководство. Кампания, ведущаяся против комитета "Карабах", является средством отвлечь внимание от истинных "коррумпированных кланов". Это свидетельствует о том, что мафия сохранила свои позиции и силу.

Драма в Армении еще далеко не кончилась. Она не кончилась ни для Армении, ни для всего Советского Союза. Она – драма перестройки. ●

Лилия Григорян,
канд. филологических наук (Ереван)

18 ДНЕЙ ГНЕВА, НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ (ноябрь–декабрь 1988 г. в Баку)

В течение 18 дней сотни тысяч людей приходили на главную площадь столицы Азербайджана – площадь им. Ленина, а десятки тысяч оставались здесь и на ночь. Что толкнуло их на это, почему больше двух недель на площади круглосуточно шел митинг? К сожалению, советские люди практически не знают правды о происходивших в регионе событиях.

Я пишу здесь не политический анализ происшедших событий, поскольку для этого необходимо время и дополнительная информация. Но и молчать более нельзя. Настоящая статья – это описание событий, сделанное очевидцем.

Решение Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1988 г. о сохранении Нагорного Карабаха в составе Азерб.ССР было с пониманием принято азербайджанским народом. Люди поверили, что теперь руководство республики на законных основаниях восстановит нарушенный суверенитет Азерб.ССР: В НКАО вновь будет развиваться флаг Азербайджана; изгнанные из Степанакерта азербайджанцы будут возвращены в свои вновь отстроенные дома, в Степанакертский пединститут вернутся студенты-азербайджанцы, будут созданы нормальные

условия для жизни азербайджанцев в Армении, со временем все беженцы из Армении смогут вернуться к своим очагам, а виновные в разжигании национальной розни, вне зависимости от национальной принадлежности, будут выявлены и гласно осуждены.

Шло время, наступили холода, однако азербайджанцы, изгнанные из Степанакерта, по-прежнему жили в палатах в районе Шуши, из Армении продолжали прибывать все новые семьи беженцев, предприятия НКАО в одностороннем порядке прервали экономические связи с Азербайджаном, депутаты Верховного Совета Азерб.ССР из НКАО не прибыли на сессию Верховного Совета республики. Руководство НКАО игнорировало решение Президиума Верховного Совета ССР от 18 июля, а республиканское руководство было не в состоянии обеспечить его претворение в жизнь. Подобное положение дел нельзя было скрыть от общественности. Взрыв народного возмущения был неминуем. И он последовал.

23 октября 1988 г. исполком Совета народных депутатов Аскеранского района принял решение "Об отводе земельного участка площадью 6 га, находящегося в пользовании колхоза им. Энгельса под г. Шуша, именуемого "Топхана", под строительство пансионата Канакерского алюминиевого завода Агр.ССР" ("Бакинский рабочий" от 30 ноября); 1 ноября исполком Совета народных депутатов НКАО утвердил это решение. За этими невинными на первый взгляд строками не только вопиющее нарушение статей 18 и 48 Земельного кодекса Азерб.ССР, по которым изъятие и представление земель сельскохозяйственного назначения осуществляется только на основании постановления Совета Министров Азерб.ССР (позже, 29 ноября, под давлением народного гнева Совмин Азерб.ССР "вспомнит" о своих правах и отменит вышеуказанные решения). За этими строками нечто большее, а именно посягательство на живую память азербайджанского народа. Ведь Топхана – это не только уникальный природный комплекс, где обитают и произрастают редкие и исчезающие виды животных и растений, занесенные в Красную книгу СССР и Азерб.ССР. Топхана – это исторический памятник народа, о котором еще в Средние века слагали стихи поэты и с которым связано немало славных страниц в

истории Азербайджана. В Топхане карабахский хан Ибрагим в 1795–1797 гг. хранил свой арсенал, предназначенный для отражения нашествия иранских захватчиков (отсюда и название – "Топхана" – "хранилище орудий"). В настоящее время это курортная зона со своим особым микроклиматом.

Приняв решение, экстремисты из Степанакерта приступили к вырубке лесного массива, после чего начали строительство. Как только об этом сообщила республиканская печать, 16 ноября в Баку в сквере им. Сабира прошел митинг, осудивший незаконное строительство в Топхане. А 17 ноября на улицы вышли студенты. Милиция, а затем отряды спецназначения попытались их остановить, нещадно избивая. Но подоспели новые группы студентов. Они опрокинули вооруженный кордон (в газетах все это чуть позже назовут "периодом длительных переговоров") и направились к площади им. Ленина. Здесь они заявили, что не уйдут с площади до тех пор, пока не будут удовлетворены следующие требования:

1. Остановить строительство в Топхане.
2. Восстановить суверенитет Азерб.ССР в НКАО и снять с поста секретаря обкома НКАО Г.Погосяна как выразителя идей армянских экстремистов.

3. Предоставить азербайджанскому населению, компактно проживающему на территории Армении, автономию. В противном случае – ликвидировать статус автономии Нагорного Карабаха.

4. Судить преступников из Сумгайита только в Азербайджане, а не за его пределами.

Эта демонстрация отличалась от весенне-летних выступлений трудящихся тем, что люди перестали верить в обещания. Кризис доверия к руководству, которое на протяжении десятилетий занималось демагогией, достиг апогея. Люди заявили, что не разойдутся, пока их требования не будут выполнены. Это обращение народа к своему правительству впоследствии в прессе будет названо "антиармянским митингом". Между тем студенты и присоединившиеся к ним представители всех остальных слоев общества не собирались идти в районы города со смешанным населением и выяснить счеты с армянами. Наоборот, люди пришли на площадь к своему правительству, они желали иметь дело с ним и получить полный ответ от него

и только от него. Очень важное обстоятельство, о котором впоследствии постараются "забыть".

Это был переломный момент. Судьба предоставила вначале инициативу руководству республики, которое могло бы уже на второй день митингов запретить строительные работы в Топхане, объявить официально об этом своему народу и тем самым резко разрядить еще не успевшую наэлектризоваться обстановку. В отношении других требований оно могло заявить о невозможности немедленного их удовлетворения, но указать разумное время выполнения. Однако ЦК КП Азербайджана практически самоустранился от контактов с народом, что резко подорвало его авторитет. Не помогло и кратковременное выступление по телевидению первого секретаря ЦК КП Азербайджана А.Везирова, в котором он попытался с помощью традиционных деклараций о дружбе народов успокоить общественность. Лишь 21 ноября, то есть на четвертый день митингов, было официально заявлено, что строительные работы в Топхане с помощью армии (!) прекращены. Но время было уже упущенено. К тому же правительство ничего не сказало о выполнении других требований.

Теперь инициатива перешла в руки демонстрантов. Площадь стала второй, но более реальной силой, она уже диктовала дальнейший ход событий, она и выдвинула на третий день митингов своего лидера. Им стал 26-летний токарь цеха № 12 машиностроительного завода им. лейтенанта Шмидта Неймат Панахов. О нем еще в ходе событий говорили немало и разное, но после прекращения движения официальная пресса сразу же вынесла (еще до следствия и суда, как это у нас принято) свой уверенный вердикт: "Неймат – фигура подставная, выражатель мнения и проводник целей антиперестроечных сил, коррумпированных кланов, тех, кто жаждал вновь ходить в республике, видеть в ней свою вотчину" ("Бакинский рабочий" от 20 декабря, перепечатано в "Правде" 26 декабря). В основе этого тенденциозного заявления лежит не только желание побыстрее найти стрелочника и заодно очернить все движение, но и непонимание феномена площади.

Н.Панахов, обладающий качествами лидера и хорошо известный у себя на заводе, еще два года назад возглавил комитет содействия перестройке. А ведь это было еще

время правления К.Багирова и господства коррумпированной мафии в Азербайджане! Очень сомнительно, что Н.Панахов в начале движения был выразителем мнения этих сил. Подавляющее большинство тех, кто пришел на площадь, особенно в первые дни, были возмущены действиями экстремистов и безволием собственного правительства. Они сами, по своей воле и без принуждения, пришли, чтобы получить ответы на свои справедливые требования. Сюда шли и за информацией: ведь не только центральные (это само собой), но и республиканские средства массовой информации вначале играли в молчанку. Площадь стала не только живой народной газетой, но и чем-то вроде веча. Это народное движение объединило в своих рядах самые разные общественные силы, людей самых разных направлений и мировоззрений. Отсюда и столь разнообразная символика площади – от флагов Азерб.ССР до мусульманских символов.

Однако из огромной армии "подготовленных" партийных пропагандистов не нашлось ни одного, чье выступление нашло бы поддержку у собравшихся на площади. Активно выступавшие в первые дни митинга представители творческой интеллигенции Азербайджана, поэты и писатели, пользующиеся заслуженным уважением, позднее тоже отошли в тень. По-видимому, ноша лидеров народного движения оказалась для них слишком тяжелой. Не так-то легко выдержать и давление вышестоящих инстанций.

Между тем по-прежнему продолжался стихийно начатый добровольный сбор средств и продуктов питания для митингующих, которые терпеливо ждали ответа на свои требования. Но руководство республики бездействовало. Правда, 21 ноября председатель Президиума Верховного Совета Азерб.ССР С.Татлиев выступил на площади и от имени руководства республики заявил, что оно выполнит требования демонстрантов, ибо в противном случае не будет иметь морального права оставаться на своих постах.

Одновременно стали проявляться и отрицательные черты движения. Растерянность властей на первых порах породила у части молодежи состояние эйфории и чувство безнаказанности. У молодежи появилась и своя символика: красные повязки или ленты на лбу. Позже, на пятый день митингов, они стали прикалывать к груди и этикетки от сигарет "Карабах". По улицам города

разъезжали десятки "жигулей" с людьми, размахивавшими флагами Азерб.ССР, а на площади появились и национальные трехцветные флаги Азербайджанской Демократической Республики, существовавшей в 1918–1920 гг.

События стали принимать новый оборот. Власти окончательно растерялись, чем не замедлили воспользоваться коррумпированные кланы для сведения счетов с новым руководством. В результате, с одной стороны, 23 ноября началась общегородская забастовка, почти прекратил работу общественный транспорт, а с другой – небольшие группы хулиганствующей молодежи при попустительстве органов правопорядка оскорбляли и избивали водителей общественного транспорта. Но этих хулиганов было мало, и при желании их легко можно было бы утихомирить. Однако почва под ногами республиканского руководства зашаталась.

Ухудшилась обстановка и во многих районах Азербайджана. Особенно обострилось положение в Кировабаде, Нахичевани и Шеки. К сожалению, даже месяц спустя нет достоверной информации о событиях в этих городах и в других районах республики. Известно только, что везде люди вначале обращались к местному руководству (как и в Баку). Но, как и следовало ожидать, взаимопонимание не было найдено. Власти призывали на помощь войска, в ответ начались беспорядки. Итог их неизвестен, пока имеются лишь сообщения о жертвах в Кировабаде: 5 человек погибло, из них 3 военнослужащих; 126 – ранено, из них 25 военнослужащих.

Резко обострилась ситуация в Армении. 23 ноября Азеринформ сообщил о прекращении автобусного сообщения между двумя республиками и запрещении въезда в Азербайджан из Армении автомашин со строительными материалами. В эти же дни произошли беспорядки на железнодорожных станциях Карчеван, Астазур и Аграк Мегринского района Арм.ССР, в результате чего прекратилось и движение поездов по маршруту Нахичевань–Баку. Это вынудило Управление гражданской авиации Азербайджана вдвое увеличить количество рейсов самолетов по этому маршруту.

Известие об этом еще больше взволновало людей в Баку. Площадь бурлила, партийных функционеров открыто освистывали, те вко-

нец растерялись и боялись выходить к людям. Основную надежду руководство республики теперь возлагало на армию. В ночь на 24 ноября С.Татлиев выступил по телевидению с обращением, в котором объявил о введении особого положения и комендантского часа в столице, а также в Кировабаде и Нахичевани. Запрещалось проведение любых митингов, демонстраций и забастовок. Вся власть в Баку переходила в руки военного коменданта генерал-полковника М.Тягунова.

Но введение в столице особого положения неожиданно для властей не дало никакого результата: возмущенные люди без принуждения "коррумпированной мафии", по собственной воле отказались идти на работу, объявили о забастовке и поддержали демонстрантов на площади. Надо отдать должное М.Тягунову, единственному руководителю не растерявшемуся в те дни: он проявил благородное и хотя и ввел в город войска, но занял позицию нейтралитета. Да это и понятно: не только он, но и другие военнослужащие не совсем понимали в тот период причину ввода войск в Баку. Опытный М.Тягунов 25 ноября открыл в восьми районах города военные комендатуры. На следующий день военные комендатуры были созданы при аэропорте Бина, центральном железнодорожном вокзале, метрополитене, автовокзале и телефонном узле. Были закрыты станции метро "28 Апрел", "26 Бакы комиссары" и "Бакы Советы". Под охрану были взяты не столько районы со смешанным населением, сколько стратегически наиболее важные пункты города, что ясно говорит об истинной причине введения особого положения.

Ситуация в Баку с 24 по 27 ноября была довольно своеобразна и парадоксальна. На всех важных перекрестках стояли БТРы, БМП, танки и солдаты с автоматами и гранатометами, и тем не менее у бакинцев было праздничное настроение. Особенно явственно оно ощущалось ближе к центру и площади, где было остановлено движение общественного транспорта. Все подъезды к Дому правительства и прилегающей к нему площади были перекрыты, а к самой площади нескончаемым потоком шли люди с флагами Азерб.ССР и транспарантами в поддержку перестройки. Непосредственно перед самой площадью их встречали два кордона: цепь солдат, а перед ней — представители де-

монстрантов, среди которых было немало азербайджанских "афганцев". Они проверяли паспорта и осматривали сумки во избежание провокаций. Это был пик митингов в Баку: днем на площади собиралось до полумиллиона человек, а в ночное время — до 20 тыс. Чувствуя силу площади, здесь выступали с одобрением требований демонстрантов руководящие партийные и государственные работники республики, среди которых были С.Татлиев, председатель Совета Министров Г.Сейдов, секретарь ЦК КП Азербайджана Р.Зейналов, первый секретарь райкома партии района им. 26 бакинских комиссаров В.Мамедов, видные деятели науки и культуры. Об этом позднее "позабудут". Постепенно ситуация стала ухудшаться. От долгого и бесплодного ожидания позитивных действий республиканского руководства у людей стало появляться чувство раздражения, чем умело пользовалась местная мафия. Ухудшилось положение в рабочем Карадагском районе Баку, что вынудило М.Тягунова создать и здесь комендантский участок, а также запретить в городе продажу спиртных напитков. Одновременно был запрещен въезд в Баку иногороднего транспорта и доступ лиц без бакинской прописки.

Надвигалась страшная беда: в город хлынула третья в этом году волна азербайджанских беженцев из Армении (первая волна беженцев из Армении, повлекшая за собой Сумгайт, была в феврале, вторая — летом). На 1 декабря в Азербайджане скопилось 55 тысяч беженцев. Спасаясь от террора, азербайджанцы добирались до Азербайджана пешком "по заснеженным горным и лесным тропам, по бездорожью" ("Бакинский рабочий" от 4 декабря). Как сообщил М.Тягунов, обостренной оставалась обстановка в Гугарском, Калининском, Степанаванском, Масисском, Ааратском районах Армении, откуда люди вывозились "под охраной воинских подразделений". В других своих сообщениях он отмечал, что с 30 ноября в Гугарский, Иджеванский, Красносельский, Варденисский и Кафанский районы Армении высыпались вертолетные десанты, поскольку "обстановка в этих районах продолжала оставаться тяжелой и часто неясной". Население успокаивалось тем, что "лица азербайджанской национальности... надежно охраняются войсками".

Конечно, все эти события резко изменили

ситуацию в городе. Не случайно М.Тягунов в своем обращении к бакинцам 3 декабря прямо указывал, что "сейчас, когда проблема беженцев надвинулась на нас, как грозовая туча, нам не до митингов". Правда, созданный митингующими специальный комитет хоть и слабо, но по-прежнему следил за порядком на площади. Время от времени демонстранты давали клятву не допускать эксцессов в отношении армян. Но ситуация уже изменилась, что отразилось и на площади. Здесь уже открыто зазвучала националистическая пропаганда и призывы к полному изгнанию армян из Азербайджана.

Еще более сложной и взрывоопасной стала ситуация в городе. В ночь с 1 на 2 декабря серьезный инцидент произошел в районе железнодорожного вокзала. Здесь прибывшие из Армении азербайджанские беженцы (до 1,5 тысячи человек) начали избивать армян, уезжавших из Баку. В дело вмешалась армия, применившая в предупредительных целях оружие и сумевшая восстановить относительный порядок. Но столкновения в ту ночь произошли и в некоторых других районах города.

Напряженность вызвала и начавшаяся 29 ноября внеочередная XII сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва, на которой по запросу группы депутатов из Армении о положении в НКАО и вокруг нее с необъективной речью выступил представитель ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР в НКАО А.Вольский. Сразу же после сессии произошла встреча в ЦК КПСС делегаций Армении и Азербайджана с руководством страны, на которой было принято обращение к жителям региона, опубликованное 3 декабря. Это был типичный документ "орденоносных" времен: ничего конкретного, общеизвестные декларации. Вновь вышестоящие инстанции обращались к жителям региона с призывом: "Ребята, давайте жить дружно!"

Обстановка в городе меж тем все более накалялась. Росло количество беженцев, и соответственно имели место попытки погромов и поджогов армянских домов. Правда, к тому времени блокада, установленная армией вокруг площади (теперь уже не подвозились продовольствие и дрова), привела к резкому сокращению демонстрантов. Было ясно, что приближается развязка. Постепенно демонстранты расходились, на площади к ночи 4 декабря оставалось около тысячи человек. И тут последовала команда

"Разогнать!", не учитывавшая атмосферу в городе и психологию азербайджанцев.

Повинуясь приказу, местные власти и военные с вечера 4 декабря несколько раз безуспешно обращались к демонстрантам с призывом покинуть площадь. В третьем часу ночи к набережной были стянуты войска и военная техника. Они взяли площадь в плотное кольцо. В последний раз демонстрантов призвали покинуть территорию. Ответом был отказ, усиленный мегафоном. В 4 часа 20 минут по команде стена солдат спецподразделений сблизилась с манифестантами, среди которых были женщины, а также дети беженцев. Собравшиеся на площади сели на землю. В ответ их стали беспощадно топтать сапогами и избивать дубинками. Началась паника, многие были растоптаны или падали без сознания от ударов дубинок. Солдаты гнали демонстрантов по заранее составленному коридору в сторону Гагаринского моста, где истекавших кровью людей запихивали в автобусы. У кого имелись документы – отпустили, записав данные, а остальных (542 человека) повезли в тюрьмы. Так в 4 часа 55 минут завершилась акция под невинным названием "очищение площади от антисанитарии и во избежание эпидемий".

Известие о произошедшем вызвало возмущение у азербайджанцев. Уже с утра по улицам шли группы демонстрантов, призывавших бакинцев не выходить на работу. Неуклюже продуманная и грубо проведенная акция, как и следовало ожидать, вызвала негативную реакцию. Возмущение было искренним, но им, судя по всему, воспользовались представители коррумпированной мафии. Среди демонстрантов в тот день было немало темных личностей. По городу широко распространились слухи о применении ночью на площади огнестрельного оружия и танков и большом количестве убитых и раненых. Не на шутку встревоженный М.Тягунов несколько раз заявлял по телевидению и радио, что все это "гнусная ложь". Но вечером в интервью азербайджанскому телевидению офицеры внутренних войск признали, что "30 человек получили различной степени ранения". Ситуация в городе стала критической. По улицам шли демонстранты с черными траурными флагами, их разгоняли, но они снова собирались и опять шли. К вечеру во многих районах города произошли столкновения с войсками, происходили избиения армян на улицах и в транспорте.

Итог: 30 раненых и 3 погибших из числа гражданского населения (один азербайджанец и два армянина), а из военнослужащих 14 человек ранено. Но это официальные цифры (сообщение М.Тягунова от 7 декабря). Подлинные данные о том, что произошло в городе 5 декабря, так же, как и ранее ночью на площади, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Вечером после этих событий по республиканскому телевидению выступил А.Везиров. Однако в его выступлении не был дан четкий политический анализ ситуации. До сих пор неясно, зачем нужно было именно в этот вечер говорить о необходимости компьютеризации в республике, об имеющихся недостатках в сельских районах Азербайджана. По всей вероятности, плохую службу ему сослужили помощники, подготовившие столь странный доклад.

Лишь к 7 декабря обстановка в городе стала постепенно нормализовываться. Правда, в сообщении военного коменданта в этот день говорилось о "злостном хулиганстве" (остановка городского транспорта, избиение граждан) и о нападении в ночь на седьмое, в период действия комендантского часа, "на колонну бронемашин с применением двух самодельных гранат". Но это был последний всплеск.

В тот же день стало известно о сильном землетрясении в Армении, повлекшем значительные разрушения и человеческие жертвы. Конечно, были азербайджанцы, которые этому радовались, но подавляющее большинство отнеслось к трагедии Армении с состраданием. В результате народное движение в Баку прекратилось. Теперь слово за правительством. Предсказать дальнейший ход событий, зная отечественную историю, было нетрудно: репрессии и охвачивание всех и вся со страниц прессы и с экранов, с одной стороны, а с другой — традиционное "коллективное прозрение" и самобичевание.

Лейла Юнусова,

канд. исторических наук (Баку)

12 января 1989 г.

КТО СТОИТ ЗА ЧУРБАНОВЫМ?

30 декабря 1988 г. Верховный Суд СССР вынес приговор по знаменитому "делу Чурбанова". Главный герой отделался 12 годами, причем первоначально инкриминовавшаяся ему сумма взяток была уменьшена судом чуть ли не деся-

тикратно. Единственный обвиняемый, с самого начала полностью признавший свою вину и давший следствию ценные показания, которые позволили выйти на след других членов мафии — Петр Бегельман — получил 9 лет, в полтора раза больше, чем просил прокурор. Каҳраманов был вообще оправдан, дело Яхъяева было выделено в особое производство, и Яхъяев из-под стражи освобожден.

В советской прессе приговор суда был "встречен с одобрением" и почти не подвергался критике. Тем неожиданнее прозвучало выступление по радио Николая Иванова, коллеги ставшего уже легендарным Тельмана Гдляна, главы следственной группы Прокуратуры СССР по делам "узбекской мафии". Н.Иванов привел к себе внимание в июне 1988 г., накануне XIX партконференции, когда он вместе с Т.Гдляном выступил в "Огоньке" с сенсационной статьей о том, что мафия пользуется покровительством на самом высшем уровне руководства.

Выступление Н.Иванова по "делу Чурбанова" состоялось 9 января 1989 г. по 1-й программе Московского радио в передаче "Вечерний курьер" в 23 часа 30 мин., то есть тогда, когда слышать его могли лишь очень немногие. В печати ничего подобного разоблачения Иванова так и не было опубликовано. Поэтому мы считаем целесообразным ознакомить читателей с поразительными фактами, которые сообщил следователь. Выступление Николая Вениаминовича Иванова, следователя по особо важным делам при генеральном прокуроре СССР, публикуется с не значительными сокращениями.

Я бы сказал, что отношение к этому приговору далеко не однозначное. И особенно четко мы это чувствовали, когда присутствовали в Доме кинематографистов на обсуждении двух новых фильмов на правовую тематику. И вот в дискуссиях, в обсуждениях после фильмов прозвучало, что немало людей связывают необычный приговор по делу с вмешательством высокого руководства.

Я же считаю, что в данном случае мы имеем дело с эксцессом исполнителей в судейских мантиях. Вы сами знаете ту линию, которую в настящее время занимает руководство. Достаточно вспомнить последние выступления и даже выступления, которые прозвучали в новогоднюю ночь. И из всех этих высказываний, и из той практической политики, которая проводится, видно, что в общем-то линия на борьбу с коррумпированными кланами является довольно последовательной. Более того, благодаря лично-му вмешательству руководства партии нам в конечном итоге удалось именно удалось! привлечь к уголовной ответственности Чурбанова и многих его соучастников.

В данном случае эти тревожные симптомы я связываю с тем, что кому-то очень хочется, что-

бы в очередной раз тень была брошена на руководство.

Об этом процессе было очень много сказано. Мы за шесть лет расследования закончили уже пятнадцать уголовных дел, это дело уже шестнадцатое по счету. Все предыдущие пятнадцать дел заканчивались благополучно, обвинительным приговором и т.д., потому что мы довольно тщательно все-таки подходим к оценке доказательств. И дело, которое мы направили в суд, дело по МВД, оно составляло лишь небольшой кусочек, так сказать, основного дела, основного расследования. И понятно, что итоги его рассмотрения в суде резко отличаются от того, что было раньше.

И здесь я бы начал вот с чего. Почему Прокуратура Союза, почему подавляющее большинство лиц, которые звонят нам из других ведомств, считают, что в данном случае приговор является необоснованным?

К сожалению, с самого начала этого судебного процесса были нарушены некоторые этические и нравственные начала, которые юриспруденцией должны соблюдаться. К великому сожалению, мы должны сказать о том, что Председатель Верховного суда СССР Теребилов более полутора десятков лет является депутатом Верховного Совета СССР от Узбекистана. Мы давно знали об этом. Знали мы также о том, что он состоял в хороших отношениях с целым рядом ныне арестованных лиц. Именно поэтому было решено не направлять это дело, которое все-таки имеет принципиальное значение, в Верховный суд СССР. При этом мы исходили из элементарной житейской логики, потому что человек, который постоянно бывает в республике на протяжении столь длительного времени, не мог не видеть и не знать о тех крайне негативных явлениях, которые там происходили. И тем не менее молчал. Это уже настораживает. И в силу этого мы имеем право сомневаться в его беспристрастности. Поэтому на высоком уровне было решено направить уголовное дело не в Верховный суд СССР, а другой суд.

Несмотря на это, Теребилов волевым решением оставил дело в Верховном суде. Но нарушение этических начал на этом не заканчивается. Дело было поручено для рассмотрения члену Верховного суда СССР Марову. К великому сожалению, мы должны констатировать, что здесь мы уже сталкиваемся с определенным и весьма щепетильным обстоятельством.

К сожалению, в период 70-х годов Маров являлся председателем Военного трибунала Туркестанского военного округа, то есть находился опять же в Ташкенте. И оттуда в конце 70-х годов он был выдвинут в Верховный суд СССР. В этот же период оправданный им Каҳраманов

являлся работником административного отдела ЦК КП Узбекистана. Как известно, этот отдел по партийной линии курирует правоохранительную систему, которая включает в себя и военные институты. Возникает естественно законный вопрос: вправе ли был Маров объективно судить одного из своих бывших партнеров? Он должен был заявить себе самоотвод с самого начала. Однако это сделано не было.

И вот нарушения этики нравственных начал оказались в общем-то не столь безобидными уже с первых месяцев, когда дело поступило в суд.

Дальше события развивались следующим образом. Как только дело оказалось в Верховном суде, Теребилов тут же предъявил претензии по поводу тех выводов, которые мы изложили в преамбуле обвинительного заключения. Дело в том, что мы не могли в этой преамбуле умолчать о том, что коррупция проникла снизу доверху во все эшелоны власти и управления, и не только республики, но и шла к центру. Именно без покровительства центра все эти безобразия были бы невозможны.

Председателю Верховного суда хотелось бы, чтобы это было обычное дело, чтобы это были чистые уголовники, чтобы следствие не позволяло себе делать столь обобщающих выводов, хотя мы их делали на основе материалов дела. Поэтому он добился того, что преамбула обвинительного заключения была переделана, причем без ведома и согласия руководителя группы т. Гдляна, который в это время находился на раскопках в Узбекистане.

Более того, даже в том урезанном виде, в который эта преамбула была переделана, ее не решились огласить даже при прочтении обвинительного заключения в Верховном суде СССР, потому что она все-таки содержала какие-то идеи и мысли, которые могли вызвать гнев и возмущение некоторых взяточников в Москве, которые до сих пор – некоторые из них – находятся в своих креслах.

Ну а дальше уже сами можете себе представить, в каком плане пошло судебное следствие. Понимаете, многим бы очень хотелось спустить это дело на тормозах, представить коррумпированную верхушку МВД СССР вроде каких-то квартирных воров или карманных воров, которые совершенно не опасны для государства. И многое в общем-то делалось в этом направлении. Поэтому и было невыгодно исследовать ту конкретную обстановку, в которой люди совершили преступления. И поэтому люди, непосредственно связанные с Узбекистаном – а ведь в Верховном суде, как известно, есть масса людей, которые не имеют к этому региону никакого отношения, – стали вершить правосудие по этому делу.

По мнению Прокуратуры, неполнота и не-

объективность исследования в процессе довольно четко прослеживаются. Я мог бы привести массу примеров, понятных юристам, поэтому я затрону лишь некоторые из них.

Как я уже говорил, по возможности судья Маров старался уклониться от детального исследования обстановки, в которой происходило разложение кадров. Не пресекались контакты подсудимых между собой, не пресекались впоследствии и контакты воздействия на свидетелей. Более того, хотя в обвинительном заключении было указано около 500 свидетелей, фактически в зале судебного заседания допрошено не более 200, причем из них два десятка лиц – это члены семей подсудимых.

Суд не посчитал нужным просмотреть все видеозаписи, которые были представлены следствием, а их было представлено очень большое количество, и для их просмотра потребовалось бы не менее двадцати рабочих дней.

Для того, чтобы формально показать себя объективным, суд осмотрел все это большое число видеозаписей, где были допросы, очные ставки, десятки свидетельских показаний, в течение трех часов, фрагментарно. Сами понимаете, что цельную картину при этом получить нельзя. Двадцать рабочих дней и три часа – это слишком разные вещи.

Ну и так далее. Здесь очень о многом можно было бы говорить. Я бы хотел сейчас сказать вот что. Любой судебный процесс должен носить какой-то воспитательный характер. В данном случае мы видим совершенно иную картину. Вы посмотрите, что случилось: человек, который полностью раскаялся в совершенных преступлениях, человек, который занимал последовательную линию, давал показания, – ему с учетом смягчающих обстоятельств прокурор попросил всего лишь шесть лет лишения свободы. Это Петр Бегельман, заместитель министра внутренних дел Узбекистана по строительству, – он даже не имел непосредственного отношения к оперативной деятельности. Этому человеку за его раскаяние вместо шести лет суд дал девять. В то же самое время люди, которые неоднократно меняли показания в самом процессе, которые показали себя изворотливыми, нечистоплотными и т.д., получили меньше. О каком воспитательном процессе можно говорить? Это в общем-то вопиющая несправедливость.

Более того, из зала суда ушли два человека, которых мы – и в Узбекистане подавляющая масса населения – справедливо считаем организаторами взяточничества.

И вот я хотел бы затронуть личности Чурбанова, Каҳраманова и Яхъяева. Вы посмотрите, какая ситуация с Каҳрамановым. Я уже упоминал о том, что это человек, который ближе дру-

гих был к судье Марову. Четыре человека в зале судебного заседания все четыре месяца настаивают на том, что они давали ему взятки. Суд выбрасывает их эпизоды по делу Каҳраманова, почему-то поверив Каҳраманову. Хорошо, идем дальше.

В отношении шести лиц, дача взяток которым вменялась в вину Каҳраманову: все эти шесть человек были ранее осуждены за дачу взяток Каҳраманову, по этому поводу есть приговоры, и Каҳраманов ранее выступал в этих процессах, рассказывал, при каких обстоятельствах он эти взятки получал. И вот все эти эпизоды вылетают.

Ситуация с Чурбановым. Здесь с самого начала была совершенно понятна направленность суда на осуждение Чурбанова, потому что оправдать Чурбанова и возвратить его дело на доследование, видимо, просто-напросто не решились. Потому что возмущение в этом случае было выше всех пределов возможного. И поэтому главная задача заключалась в том, чтобы максимально снизить объем обвинений Чурбанову. И в этом плане довольно характерно: в судебном заседании целый ряд подсудимых все четыре месяца утверждают, что они давали взятки Чурбанову. Все четыре месяца! Суд выбрасывает эти эпизоды: видите ли, Чурбанов виднее. Все показания предварительного следствия, когда Чурбанов полностью признавал свою вину, отброшены.

Чурбанов, как известно, все четыре месяца признавал, что получил 220 000 рублей от партийных работников, отрицая получение денег от подчиненных ему работников. А в конечном итоге что получается? В конечном итоге суд оставляет 90 000. Почему? Да очень просто. Есть эпизод, например, связанный с Умаровым. Умаров говорит о том, что он передал 130 000 от себя и от Рашидова Чурбанову. Чурбанов об этом же рассказывает. Суду оказалось виднее, суд решает за них, суд считает, что Чурбанов ошибается, что он получил эти деньги, а Умаров ошибается, что он их передал. И автоматически Умаров уходит в сторону.

Ну и Яхъяев. Яхъяев, по существу, оправдан. И то, что было потом представлено как возвращение дела на доследование – это не более чем юридическая казуистика.

В итоге я могу сказать следующее. Прокуратура Союза не может согласиться с теми решениями, которые были приняты в стенах столь высокого органа, как Верховный суд СССР, и я абсолютно убежден в том, что Прокуратура Союза опротестует это необоснованное решение и добьется справедливости во всем, так сказать, объеме.

От редакции: пока сообщений об опротестовании приговора не поступило.

МЫ НА СВОЕЙ РОДИНЕ — В МЕНЬШИНСТВЕ

Беседа с министром культуры Латвии Раймондом Паулсом

Известный латышский композитор Раймонд Паулс вошел в правительство Латвийской ССР в 1988 г. и стал в нем первым в истории беспартийным министром (позднее министерство было переименовано в комитет). Сам о себе он рассказывает так:

“Я родился в 1936 году. Отчетливо помню, как в 1949 г. в класс детской музыкальной школы, где я учился, вошла учительница и обратилась к нам: “Дети, не ходите сегодня домой!” Я не понял, никто не понял, в чем дело, но на другой день не пришла третья класса, моих друзей, — и я не встретил их уже никогда в жизни. Потом я сделал карьеру как музыкант и композитор. В прошлом году мои друзья попросили меня возглавить Министерство культуры Латвии — они хотели иметь на этом месте человека, известного в масштабе Союза.”

Интервью у Р.Паулса взяли наши специальные корреспонденты А.Назаров и Б.Вайль.

Расскажите, с какими проблемами вы сталкиваетесь на посту министра культуры Латвии?

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что нам не удалось воспитать нового, современного, культурного советского человека. Такой человек сейчас — самый большой дефицит. Нам нужны интеллигентные люди с организационным талантом, одновременно разбирающиеся в искусстве. Нужен директор театра — не могу найти. Нужен работник музея — и его нет. В стране наблюдается всеобщий упадок культурного уровня народа. С этим бороться трудно. Мне досталось запущенное хозяйство. Я, музыкант, должен заниматься ремонтом оперы, реставрацией театров, снабжением музеев электронной техникой. Средств на все это не хватает — ни советских денег, ни валюты. Кроме того, мы не в силах хорошо оплачивать труд наших людей, а что можно ожидать от работника музея, месячный оклад которого 90–110 рублей?

Как вы представляете себе развитие латышской культуры?

Наша основная забота — сохранить свою культуру. Это не так просто, поскольку мы оказались меньшинством на своей земле. Поэтому так важно сейчас объединение нашей латышской культуры, сохранение народной музыки, народной песни. Мы готовимся к уникальному празднику — Всемирному латышскому празднику песни, который состоится в 1990 г. Первый раз за долгие годы мы пригласим на него латышей со всего мира. И когда 30 тысяч певцов во весь голос споют со сцены наш гимн “Боже, благослови Латвию”, то — я уверен — многие будут плакать. Мы ждали этого долго, очень долго. Как и того, что на башне старого замка Риги реет теперь наш национальный флаг.

Я думаю, что мы не должны изолироваться от внешнего мира. Нам необходимо искать контакты с другими европейскими культурами. Даже в Швеции или в Дании

ничего не знают о нас. Мы для них — пустое место, а ведь это наши соседи! Что касается установления культурных связей с внешним миром, то мы уже сделали первые шаги в этом направлении. Я имею в виду устроенную в Нью-Йорке выставку современной латышской живописи. Наши художники-авангардисты выставлялись также в Западном Берлине. Их работы произвели хорошее впечатление. Кроме того, американцы неожиданно заинтересовались нашей выставкой произведений сталинской эпохи. Вероятно, это интересует их с исторической точки зрения. Я считаю, что если мы не сосредоточим внимание на профессиональном искусстве, если не создадим обстановку острой конкуренции, то мы ничего не добьемся. Необходимо считаться с тем, что происходит в мире, особенно в странах, где искусство достигло высот, пока что недосыгаемых для нас. Хотя, с другой стороны, Россия и другие республики дали много талантливых людей. Многие из них, правда, уехали, но я их понимаю и не виню. Таланты у нас были и есть, но их всегда зажимали. Благодаря нашей бюрократической системе выдающийся музыкант должен выступать в сельском клубе, где его музыка никого не интересует, а в это время его ждут-не дождутся симфонические оркестры Вены, Лондона и Парижа. Я не хочу обидеть простого человека, но мне кажется, что такой музыкант должен играть всему миру. Если бы границы были открыты, никто бы не уезжал. Люди искусства просто должны встречаться друг с другом. Это развивает культуру. Раньше в нашей стране все вопросы культурного обмена сводились к визитам делегаций. Мы к ним приехали, посидели на банкете и уехали, а потом они у нас посидели на банкете и уехали. И все.

Что вы думаете о русской культуре и ее связи с латышской?

В принципе, больше всех пострадал именно русский народ, хотя у нас его иногда считают оккупантом. Обидно становится, когда видишь, как плохо они живут. Русские — это могучий, талантливый народ. Я не буду приводить примеры, их знает весь мир. Я не понимаю, почему этот народ так быстро отказался от своего фольклора. А что может быть прекраснее русского церковного пения! Все это было запрещено и уничтожено. Ну, слава Богу, сейчас некоторые музыканты восстанавливают церковную музыку, написанную знаменитыми композиторами, например, "Литургию" Рахманинова, над которой работает дирижер Минин. Русская культура когда-то очень благотворно влияла на латышскую: в конце XIX — начале XX века большинство латышских деятелей культуры получили образование в Петербурге. Но сейчас мы уже не сталкиваемся с русской культурой тех лет, а сталкиваемся с бескультурьем. Рабочие из России не виноваты, они ищут, где лучше, но культуры при этом они с собой не привозят. У меня в Москве много друзей из творческой среды, которые разделяют мои взгляды.

Встречаете ли вы препятствия со стороны партийных властей в развитии латышской национальной культуры?

Должен сказать, что нам очень повезло с нашим секретарем по идеологии, который хорошо понимает, что партии не следует вмешиваться в дела и проблемы развития культуры; у партии есть совсем другие заботы.

Поскольку в Латвии существуют неофициальные издания, значит, в них есть потребность, значит, цензура сохранилась?

По просьбе работников библиотек этот вопрос у нас обсуждался. Мы установили, что около 20% всех книг запрещено. Но, думаю, мы вправе ожидать, что скоро этот запрет будет снят, и эти 20% литературы вернутся к читателю. Исключение может составлять только порнографическая литература и пропаганда войны. Нуж-

но, однако, считаться с тем, что многие цензоры продолжают работать по-старому, хотя официальные власти и не вмешиваются в их дела. У них это в крови.

Не свидетельствует ли пакт Молотова–Риббентропа, опубликованный теперь в Прибалтике, о том, что включение Латвии, Эстонии и Литвы в состав СССР в 1940 г. было противозаконным?

Это вопрос для наших политиков, но мы все знаем факты, знаем, как все было. Если было приказано сменить латышское правительство в течение восьми часов, значит, это произошло насилиственным путем. Мне кажется, что рассуждения о революционной ситуации здесь неуместны, так как там, где вмешивается армия, уже все ясно.

С чего началось современное народное движение в Латвии?

Все началось с того, что латышские писатели подняли голос. Возможно, их крик был криком всего народа, боязнью потерять самих себя. Когда мы подсчитали, сколько нас осталось, мы поняли, что происходит что-то неладное, что над нами нависла угроза полного уничтожения.

Связано ли это с процессом русификации?

Когда люди на своей родине – в меньшинстве, они бессильны, они теряют родной язык. Это пагубно влияет и на культуру народа. В 1959 г. Хрущев дал понять Пельше, что ему не нравится национальное движение в республике, а вскоре после этого русский язык был введен как обязательный в школе, в официальной и культурной жизни. Причем процессом русификации руководили латыши. Что касается будущего латышского языка, то здесь я совсем не оптимист. Процесс умирания языка зашел уже очень далеко. Обратный процесс тем более сложен, что в самой Риге латыши составляют только 35%.

Как отразилась перестройка в Латвии на среднем образовании вообще и на преподавании истории в частности?

Образование в первую очередь нуждается в полной реформе. Учителя потеряли свой авторитет. Когда-то учителей ставили наравне со священниками, теперь же – нет, и я считаю, что это – наша большая потеря. Что касается обучения детей истории, то этот вопрос у нас еще не решен. У нас даже нет еще нового учебника истории. Признано лишь, что все, чему раньше учили, – неправда. Когда появится новый учебник, мне неизвестно.

Может ли Латвия стать свободным государством?

Не знаю. Экономическая самостоятельность Латвии не представляется сейчас реальной. Трудно поверить, что в 20–30-е годы у нас было хорошее сельское хозяйство и небольшая, но хорошо развитая промышленность. Датчане, например, не любят вспоминать, что в конце 30-х годов Латвия конкурировала с Данией по производству мяса и масла.

Насколько реальна возможность восстановления латышской промышленности и сельского хозяйства?

Землю мы рано или поздно начнем продавать, а с русских предприятий, функционирующих на нашей территории, мы будем брать проценты. Единственное богатство Латвии в настоящее время – это ее географическое положение. Его надо исполь-

зователь для восстановления экономики Латвии. Мы будем брать деньги за заход судов в наши порты. Кроме того, мы бы хотели, чтобы Рига стала международным городом с собственным международным аэропортом. Согласитесь, что глупо лететь из Парижа или Копенгагена в Ригу через Москву. Но при всех наших сложностях больше всего меня пугает не кризис промышленности и сельского хозяйства, а проблема человека.

В чем же она состоит?

Люди сейчас ни во что не верят, желание что-либо делать давно пропало. Изменить это будет трудно. Сейчас людям предлагают землю в аренду, и никто не хочет ее брать. Что ж, это понятно; бедный латышский крестьянин, будем говорить откровенно, изнасилован. Он больше не хочет видеть то, за что когда-то отдавал свою жизнь, — землю. Это — наша катастрофа.

Могут ли в Латвии повториться армянские события?

В Прибалтике вряд ли может произойти то, что происходит в Армении. Я думаю, что это было бы концом нашего существования. Тем не менее я очень опасаюсь этого и считаю, что различные группы населения Латвии — и латыши, и русские, и другие — должны найти общий язык, в противном случае это плохо кончится. К счастью, мы в Прибалтике стараемся решать свои проблемы на съездах, спокойно, демократично, а южные люди, вероятно, так не могут. Кроме того, мне кажется, что большую роль там играет религиозная рознь.

А какое место в вашей культурной политике отводится религии?

Мне кажется, мы должны найти общий язык с религией. Эти поиски мы уже начали. Я со своим хором мальчиков разучивал лютеранские рождественские песни и думал, что это будет единственный такой хор, но события развернулись так быстро, что сейчас эти песни включены в репертуар многих солистов и хоровых коллективов. Кроме того, в Домском соборе, функционирующем сейчас как концертный зал, на Пасху будет происходить богослужение. Вообще я считаю, что церковь должна сегодня играть большую роль в воспитании молодежи. Сказать откровенно, влияние лютеранской церкви значительно ослабло в последнее время. Многие лютеранские церкви заброшены, другие просто разрушены, в чем, фактически виноваты сами верующие. Мне лично кажется, хотя сам я и неверующий, что основные события в жизни человека, такие, как рождение и брак, должны свидетельствовать церковью. Тогда они становятся эмоционально богаче. В Москве теперь тоже начинают относиться к вере с уважением (и пора бы!), страшно подумать, сколько вреда мы причинили религии.

Ваши надежды на перестройку связаны с Горбачевым?

Да, несомненно. В начале января я был на встрече Горбачева с творческой интеллигенцией. До этого я никогда так близко с ним не сталкивался. Там я мог убедиться, что это действительно очень крупный человек. Подобного ему трудно было бы сейчас найти. Будем надеяться на лучшее.

С ВЕСНЫ ДО ОСЕНИ

В № 3 нашего журнала за 1987 г. мы уже публиковали заметки А.П. о внутриполитическом развитии в нашей стране. Новые его комментарии и наблюдения относятся к критическому периоду с весны 1988 г. до сентябрьского пленума ЦК и октябрьской (чрезвычайной) сессии Верховного Совета СССР. Разумеется, происшедшие с тех пор события существенно продвинули вперед развитие внутриполитической ситуации в нашей стране, что, однако, отнюдь не обесценивает заметок А.П. Заметки эти — не подведение окончательных итогов, а попытка разобраться в смысле и механике событий. В Советском Союзе сейчас — и, может быть, это и есть самое важное — вновь возродилось то, что принято называть политической жизнью. Этого мы были лишены десятилетиями. Теперь от нас самих зависит — в каком направлении эта политическая жизнь будет развиваться.

Я попытаюсь дать схематичный обзор того, что произошло с весны до осени. Слухи о "политической смерти" тов. Егора Кузьмича оказались сильно преувеличеными. Он был в апреле лишь отстранен от идеологии и средств массовой информации, но не от поста второго секретаря. Подготовка к конференции пошла угрожающим ходом: "выборы" делегатов оказались в полной и почти безраздельной компетенции секретарей по кадрам (Лигачев—Разумовский) и их аппарата. Ох, что это были за выборы и как их освещала ведущая пресса! Вот тут ясно проявилось, кто заведует партаппаратом, а кто — печатью, прессой. "Советская культура", например, писала, что ни один ее корреспондент не может указать на регион, где выборы проходили бы демократично. О том же — "Литгазета", "Известия", а уж "Огонек" и "Московские новости" — с ними все ясно. На всю страну прогремели скандалы, связанные с выборами делегатов в Ярославле и на Сахалине. В первом случае "митингующие массы" добились отзыва бывшего вождя обкома Лощенкова, а во втором — дело кончилось попросту снятием и отправкой на пенсию "живого" вождя, Третьякова. Случай пока что беспрецедентный (я разговаривал на эту тему с жителями Южно-Сахалинска, они подтвердили, что это был действительно "бунт снизу", а не просто разыгранный сверху ход московских или каких иных властей). Главное, что пресса (в частности, "Аргументы и факты") все это освещала. Множество скандалов было в других городах (в Омске, в Астрахани) и в самой Москве.

Особенную известность получила история с Ю.Афанасьевым и с Г.Поповым. Газета "Московский университет" дала подробный отчет о выборах в МГУ и собрании, на котором обсуждались и давались наказы делегатам. Закончилось это собрание голосованием в полночь, на котором большинством голосов от Логунова и Ершова (секретаря парткома) потребовали высказаться на партконференции за... введение многопартийной системы. Причем застрельщиками в этом деле выступили — кто бы вы думали? — преподаватели военных кафедр! (Кстати, от выборов обе эти военные кафедры демонстративно отказались по мотивам антидемократичности навязанной процедуры.) Одним словом, МГУ взбурлил так, что ректора, видимо, придется менять, — ведь он не выполнил наказа, да и махинации с "выборами" не простятся ни ему, ни нынешнему парткому, члены коего бьют теперь себя в грудь, уверяя народ, что их попутали бесы из горкома.

Очень бурно прошла кампания обсуждения тезисов к партконференции, все газеты ежедневно печатали письма трудящихся с предложениями и статьи разных обозревателей и публицистов. В том числе и критические, — например, о том, что фраза из тезисов о "завершении создания правового государства" не годится, завершать еще нечего, так сказать, не начинали еще. И, кстати, это стыдливо-липовое "закончить" впоследствии из Резолюции о правовой реформе исчезло как дым — заме-

нено на "формирование правового государства", без дураков. Сейчас уже трудно мне вспомнить все то новое и интересное, что всплыло в эти дни и недели.

Наверное, из "доконференцных" явлений надо отметить два момента с ясно выраженной политической окраской: "реабилитацию" религии и "реабилитацию" неформальных объединений и движений. Первая приурочена к празднованию тысячелетия христианства на Руси. Это был поистине переворот в официальной политике по отношению к православию и вообще христианству, который произошел буквально за 2—3 недели, предшествовавшие празднованиям. Думаю, подоплека (политическая) этого поворота ясна: обе главные фракции нуждаются в союзе с церковью, видя в ней каждый свое. "Правые" — национально-патриотический дух, "левые" — опору для мировоззренчески-идеологического плюрализма. Должен заметить, что выиграли от этого все же скорее "левые", ибо тот уровень политической, да и просто ментальной, речевой культуры, который демонстрируют в своих многочисленных выступлениях и интервью церковные иерархи и служители, чрезвычайно диссонирует с примитивной демагогией и косноязычием ораторов из "андропистско-националистического" альянса. В частности, один из входящих сейчас в моду (в хорошем смысле) церковный публицист отец Марк, выступая в сверхпопулярной телепрограмме "Взгляд", твердо отмежевался от шовинизма и антисемитизма "Памяти". Но и "глазуновщина", конечно, сильно греет руки на "разрешенности" православия. Шутка ли: сам Егор Кузьмич изволили лично посетить выставку Глазунова, зело похвалив его пасторально-исторические полотна, как высоконародные и премного-патриотические! А главным "цимесом" одной из двух его (Глазунова) основных картин — "100 веков" (очень остроумное название, не правда ли: умиляет столь авторское отношение "живописца-реалиста" к арифметике и истории, учитывая, что изображены лишь деятели христианского периода истории России) — являются фигуры русских исторических святых, выведенные со всеми своими нимбами на самый передний план, так сказать, возглавляющие всю колонну прочих "исторических личностей" (всех там Пушкиных, Кутузовых и Рахманиновых). Вся эта широкоформатная, натужно-патриотическая, размалеванная под лубок бредятина пользуется у "масс" большим успехом. На этом фоне, пожалуй, и Пикуль будет восприниматься как большой художник и проницательный философ... Вот он, подлинный масс-культ! А то все "рок" да "рок", да Пугачева... Ей-Богу, все было бы куда более логично, если бы все это парадно-шествующее воинство несло в своих руках не хоругви да иконы, а — как положено — портреты членов Политбюро. По крайней мере было бы созвучно эпохе. Да, конечно, интеллигенция смеется, пресса изящно издается над кичем а-ля Глазунов энд Пикуль, да только много ли потребуется отеческих шлепков, чтобы вернуть эту интеллигенцию в состояние должного почтения к патриотическим ценностям?

Думаю, если по большому счету, то надежда сейчас одна — на молодежь, на то движение, которое сейчас бурно и хаотически развивается под названием "неформальных объединений". И вот второе важное явление первой половины этого года — официальная (точнее — полуофициальная, сквозь зубы) легитимация этого самого движения. В Эстонии первым образовался и легализовался "Народный фронт" в поддержку перестройки. Затем состоялся учредительный съезд аналогичного Фронта в Латвии. В Москве и Ленинграде процесс протекает сложнее, с большим трудом, разные клубы в поддержку перестройки дискутируют друг с другом, дробятся, делятся, соединяются в союзы, федерации и т.д. Митинги их когда разгоняются, когда нет — это не Эстония и не Армения. Но если брать в целом, а не ту или иную конкретную организацию или акцию, то можно считать, что "неформалы" и вообще самодеятельное митингование как таковое допущены в нашу жизнь. Другое дело, что вскоре поспешили принять закон о митингах и демонстрациях, согласно которому исполком Совета может отказать в демонстрации по мотивам "нечелесообразности" или "антисоциальности" задуманной акции.

И тем не менее: зажатые "де-юре", все эти митинги стали (становятся) нормой де-факто. Это особенно выплеснулось наружу в период "выборов" делегатов на партконференцию. В Москве собирались на ул. Горького подписи в поддержку кандидатур Ю.Афанасьева, В.Коротича, Ю.Карякина, Г.Попова, возле метро "Динамо" — митинг с наказом группе делегатов (Э.Климов, М.Ульянов и др.) настаивать на расширении гласности и на принятии решения о сооружении памятника (мемориала) жертвам сталинских репрессий. Ну, а в Таллинне — там делегацию провожал и встречал на Певческом поле многотысячный митинг Народного фронта. Прибалты чуть ли не молятся на Горбачева, ставят ему свечки, заявляя, что "он дал нам свободу" и т.п. Не лишне отметить, что ключевой в этом плане была поездка А.Н.Яковлева в Латвию (уже в августе), где он, собственно, и предоставил тамошним народам "свободу", а партийному руководству — карт-бланш на проведение всяческих "ревизионистских экспериментов".

Но вернемся к партконференции — событию ключевому. Оно заслуживает достаточно подробного анализа. Формирование корпуса делегатов, несмотря на все возгласы возмущения, несмотря на всю жесточайшую критику таких "выборов" во многих популярнейших газетах, по ТВ, радио, проводилось под полным контролем аппаратчиков Егора Кузьмича, и в результате из пяти тысяч делегатов лишь 150—200 человек (как легко судить по результатам некоторых голосований по резолюциям) оказались активными, то есть подлинными, сторонниками перестройки. Чего стоило хотя бы выдвижение "народного писателя" Ан.Иванова от редакции "Молодой гвардии" с числом коммунистов 8 человек! Пять других редакций газет и журналов, прописанных в этом районе Москвы, пытались этому воспрепятствовать, собрали общее собрание, выдвинули своего представителя — О.Попцова. Куда там! Горкому хотелось именно Иванова, он, горком, его и "выбрал", а Попцова не хотел — и не выбрал. И так везде. Ну, удалось в последний момент "впихнуть" несколько человек из корпуса "прорабов перестройки", по-видимому, путем личного вмешательства Михаила Сергеевича (Ю.Афанасьева, В.Коротича), да нескольких лиц отозвать (в Ярославле, на Сахалине, в Омске, Астрахани) — и все. Ну еще гостевые билеты отвергнутым Г.Попову, Гельману, Нуйкину, Попцову, Шатрову и др. Было даже письмо группы "прорабов перестройки" (плюс А.Д.Сахаров) с призывом отменить конференцию, но — тщетно. И вот 28 июня 5 тысяч чиновников в одинаковых серых костюмах приступили к работе по углублению демократизации и перестройки...

А до того случилось три события, имеющих непосредственное отношение к партконференции: а) Б.Ельцин неожиданно дал смелое интервью "Би-Би-Си", где, в частности, "обложил" Егора Кузьмича; б) в "Литгазете" появилась статья Ф.Бурлацкого "О советском парламентаризме", где он выступил за учреждение парламентообразного Верховного Совета с президентом-генсеком во главе; в) в "Огоньке" опубликована — буквально накануне, за несколько дней — статья главных следователей по рашидовско-чурбановской мафии Гдляна и Иванова "Противостояние", где утверждалось, что следствие активно тормозится высокими лицами в Москве и что даже в составе делегатов партконференции четыре взяточника-казнокрада. После того, как Михаил Сергеевич на пресс-конференции заявил, что с интервью Ельцина "будем разбираться", стало ясно, что начинается новый раунд политической "игры", и точно рассчитанное по времени и по форме интервью это свидетельствует о недвусмысленном поумнении Бориса Николаевича. Одно из двух: или интервью было с самого начала согласовано с кем надо, или, будучи самостоятельным ходом Б.Н., оно затем было — как пас — "принято" и с умом, я бы сказал, с блеском использовано "по назначению". В условиях неустойчивого равновесия на партийном верху и устойчивой враждебности в партийной "середине" (в номенклатурной толще) Горбачеву крайне необходимо было "запастись инициативой", то есть нанести упреждающие удары, притом такие и таким образом, чтобы не только сбить с толку противника или перепугать его (и это тоже), но и —

разъединить его, не дать консолидироваться ретроградной оппозиции. Сейчас, по прошествии времени, кажется просто чудом, каким образом ему удалось выйти из партконференции победителем (а это так). Но Горбачев тем и силен, что он ухитряется постоянно "печь одновременно на десяти сковородках". Благо у него, по-видимому, действительно прекрасная команда, которая хорошо замешивала ему тесто. Давайте, насколько возможно, попытаемся понять его стратегию и тактику в этом деле.

Главная сверхзадача: конференция необходима ему затем, чтобы, во-первых, получить из ее рук мандат на "разаппарачивание" политической и экономической системы, а, во-вторых, продемонстрировать свою способность неумолимо проводить любые свои идеи и тем самым в глазах пугливой и рептильной партократии укрепить свой статус лидера, то есть преодолеть — хотя бы внешне, визуально — состояние двоевластия. Более отдаленно, на основе достижения этих двух целей — покончить с консервативной оппозицией в ЦК вообще (ибо основа ее существования — сила аппарата и авторитет несломленной "старой гвардии": "Феномен Щербицкого").

Начальные условия: а) цепкая рука Политбюро, где он не может рассчитывать провести сколько-нибудь радикальные предложения, при том что обязан — по существующим в ЦК правилам — получать на все, в частности на свой доклад конференции, разрешительную санкцию "конклава мудрейших"; б) неполный контроль над прессой ("Правда", "Советская Россия", ТВ — упираются и извиваются, не хотят служить "масону Яковлеву"); в) жидкократская социальная база (интеллигенция, нарождающиеся кооператоры и "соцфермеры" — и все); г) враждебное партийно-чиновническое окружение, точно представленное составом делегатов конференции.

Верно, некоторые ключевые позиции вроде бы уже в надежных руках: генштаб, МВД, Прокуратура (на последнее, кстати, на то, что к лету на месте Рекункова тихо и без шума оказался Сухарев, на мой взгляд, обратили почему-то очень мало внимания, а напрасно: процесс Чурбанова и все, что из него произошет, без этого просто нельзя было начинать). Но главное — пока это все-таки ЦК, здесь все концы и начала власти, проскочить его никак нельзя. Аппаратчики — люди толстокожие, не слабонервные, на укусы и дробины масонской прессы уже научились не реагировать. Хоть и раздражает, но в общем не опасно. А ежели дружно навалиться на эту самую "гласность", то, Бог даст, и передушить получится. С таким намерением и таким настроением и приехали на конференцию. И вот начался доклад...

Мы не знаем, и узнаем, видимо, не скоро, каким образом Михаилу Сергеевичу удалось обработать Политбюро и вырвать у него одобрение этого доклада. Это для "левых" он, доклад, слаб и компромиссен: оценка экономической ситуации недостаточно критична, а предложения по политической реформе — недостаточно демократичны. А вот для "правых" — это "бомба", ибо пункт о "совмещении" постов секретарей с постами председателей Советов есть — даже независимо от смысла этой акции — как минимум нечто неожиданное, непонятное, трудно переводимое. Секретарю, живущему по своим, привычным, апробированным правилам и "нормам партийной этики" — вдруг вылезать на сцену каких-то непартийных выборов? Добиваться вотума доверия? Да еще под прицелом всяких там газет, да — черт их знает, куда их занесет — новосозданных судов, да прокуроров, да неформалов, над которыми не висит меч партии выбора и партийключения? Соглашаться, поддерживать — себе на гибель; возражать — но ведь это уже одобрено на Политбюро, стало быть, и Егор Кузьмичем и К! Очевидно, весь фокус в том и состоял, что ни в каких тезисах ничего подобного вовсе не предусматривалось (мало ли что там брякали какой-то Бурлацкий или Курашвили в каких-то газетенках!). Надо было видеть выткнутые физиономии делегатов во время доклада генсека, чтобы убедиться, что для них, включая большинство членов ЦК, этот финт с совмещением оказался полной неожиданностью. Известно было всем лишь то (об этом позабочились сообщить на пресс-конференции перед началом конференции), что доклад слушался на Политбюро,

и он есть, стало быть, "доклад ЦК" (а не просто "речь генсека"). С одной стороны, для Политбюро наверняка была представлена увесистая справка от социологической ассоциации, референтной группы ЦК и т.д., подборки-обзоры писем читателей и статей обозревателей о необходимости поднять авторитет и власть Советов и т.п. (да в общей, принципиальной форме это уже одобрено в тезисах тем же Политбюро). С другой стороны, одно дело — общие слова, болтология, и совсем другое дело — конкретное (пусть и нерадикальное, но — конкретное, процедурно-определенное) предложение. На какой-то момент публика в зале оказалась деморализованной, а в президиуме... — туда последовал уже другой удар...

Несомненно, что статья в "Огоньке" (Гдлян и Иванова — о том, что расследование чурбановско-рашидовской мафии тормозится из Москвы и что 4 делегата конференции замешаны в "узбекском деле" и благоденствуют, несмотря на представленные в Прокуратуру материалы на них) — статья эта не могла быть незамеченной наверху всеми "заинтересованными лицами". И, вероятно, сыграла свою роль в деле "приведения в замешательство" некоторых высочайших персон в самый канун конференции, что было крайне необходимо для М.С. Но получилось даже лучше, чем можно было ожидать: один из наиболее туповатых делегатов — первый секретарь Алтайского обкома — сам полез в бочку и стал требовать "принять меры" к "развязному" Коротичу и всей этой гласности. После этого ничего не оставалось, как на следующий день выступить Разумовскому (председателю мандатной комиссии) и доложить, что "уголовных дел ни на одного из делегатов не заведено" (бурные аплодисменты), но.. вопрос этот сложный, нуждается в более тщательном изучении (жидкие аплодисменты: ситуация стала недвусмысленно понятной...). Самое интересное, однако, было дальше: из зала стали кричать: "Коротич!" "Слово Коротичу!" и ведший заседание Щербицкий нехотя дал слово Коротичу для справки. И тот четко и лаконично разъяснил, что Гдлян и Иванов представили журналу неопровергимые доказательства, магнитопленки с допросами и показаниями свидетелей, но привлечь к суду данных лиц нельзя, ввиду их высокого партийного статуса. Партийные инстанции (а — это КПК, сиречь Соломенцев!) санкции не дают, и получается замкнутый круг. И в полном (звенящем!) молчании зала повернулся и передал М.С. в руки конвертик, добавив: "Здесь 4 фамилии (из зала: "Кто? Назовите!"), а назвать я не могу, не имею права — презумпция невиновности!". Вот такой спектаклик.

Ходят слухи, что в число этих "тайных четверых" входит сам М.С.Соломенцев. А вот кто там должен непременно быть, это Ломоносов, ныне зам. Шалаева, а в годы 1965—76 второй секретарь ЦК КП Узбекистана! Надо сказать, что, зная об этом, народ пытался его забаллотировать, в некоторых парторганизациях района, где он проходил (например, в Институте стали и сплавов), принимались специальные резолюции по этому вопросу, но куда там! Члены ЦК проходят по особому списку... Одним словом, скандал разразился неописуемый. Кстати, сразу после конференции пошла волна весьма капитальных антифашистских статей в печати, особенно в "Литгазете", в том же "Огоньке", в "Смене". Делаются прозрачные намеки на верхушку мафии, все ближе подбираясь к ее, так сказать, политическому прикрытию. Одно из перспективных направлений здесь — азербайджанская ветвь во главе с Алиевым: на днях появилась забойная (раньше бы сказали — сенсационная) статья на этот счет Арк. Ваксберга, где об Алиеве уже открыто говорится как о супермафиози. Как мне стало известно, эту статью "кто-то" пытался задержать. Кто? Уж наверно не Безиров, преследовавшийся при Алиеве. Да и не в Баку "Литгазета" выходит, чтобы оттуда на нее можно было давить. С другой стороны — как-то нехорошо получается: оказывается, республиканский КГБ располагал доказательствами того, что Алиев (тогда еще лишь партийный вождь Нахичевани) — дезертир, по поддельным документам уклонившийся от призыва на фронт. Как же так — ай-яй-яй! — забыли товарищи из органов сообщить об этом в Москву?! Как раз там вопросами чекистских кадров заведовал тогда т. Чебриков... Удивительно скорее то, что эту

статью не удалось остановить. Детектив, да и только! Такого материала пока не было даже о Кунаеве (Рашидов все-таки всего лишь кандидат в члены Политбюро).

Но вот другая ветвь — украинская — кажется, вот-вот начнет плодоносить: наряду с политическими намеками в громадной статье Бурлацкого в "Литгазете" о Брежневе и его "днепропетровским хвосте" (где упоминаются несколько персон из этого "хвоста", кроме одной — бывшего 1-го секретаря Днепропетровского обкома, а ныне члена Политбюро), появляются статьи и собственно "уголовного" характера, явно подбирающиеся к киевскому "центру". Странно, что западные комментаторы почти совершенно не осознают важности этой линии в горбачевской политике, во всяком случае по "голосам" ничего даже и близко похожего на понимание роли "хлопковых раскопок" или той же "операции "Коротич" на партконференции слышать не довелось. Между тем косяком пошли и вовсе уж "прозрачные" публикации: об Алиеве — в "Литгазете", о Медунове — в "Неделе", о "легендарном китобое" Солянике и его одесских, киевских и московских покровителях (Шелест, Подгорный, Суслов) — в "Известиях" (под угрожающим заголовком "Но это было только начало!"). Ну, и знаменитая уже статья Ф.Бурлацкого о Брежневе и его Политбюро с "их нравами" — в "Литгазете", а также потрясающая по тону и фактам статья в "Смене" все о той же рашидовской мафии, где главным сообщением является даже не справка о ценах на ордена Ленина и посты секретарей райкома, не факты о таинственных "самоубийствах" именитых подследственных (один из "самоубийц" был обнаружен с тремя (!) пулями в голове), а утверждение, что сопротивление расследованию все нарастает и к настоящему моменту "достигло кульминационной точки", так что автоматчики, охраняющие следователей, не выпускают автоматов из рук даже во время трапезы. И это при том, что уже сменилось несколько раз все руководство республики, заменена вся милиция и т.д. Значит, источник угрозы физически не может исходить из самого Узбекистана. О, жалкий, ничтожный Аль-Капоне! Кем (и чем) должны быть руководители "чурбановской" мафии, если сам Чурбанов (зять генсека и первый зам.министра внутренних дел!) был у них — по убеждению руководителя особого отдела по борьбе с организованной преступностью — не более чем "шестеркой"! Одним словом, идет массированная подготовка к какому-то громкому разоблачению, и решающий сигнал к ее началу дан был именно той самой легендарной "предконференцевской" статьей Гдлян—Иванова в "Огоньке".

Любопытным, ничего не скажешь, было и заявление секретаря Коми-обкома Мельникова насчет того, что надо снимать брежневских соратников, в частности тов. Громыко, Соломенцева, В.Афанасьева, Арбатова "и других". Кстати, в тексте, напечатанном в газетах, сделана одна примечательная купюра: после реплики М.С.: "Кого вы конкретно имеете в виду?", — шла фраза: "Да вы сами знаете, о ком я говорю — это относится прежде всего к..." — и далее по тексту. На Соломенцева страшно было смотреть — у него буквально тряслись руки. Тем более, когда поддал ему еще и Ельцин: "...Почему КПК... боится привлечь крупных руководителей республик, областей за взятки, за миллионный ущерб государству и прочее, причем наверняка зная о некоторых из них. Надо сказать, этот либерализм со стороны тов. Соломенцева к взяточникам-миллионерам вызывает какое-то беспокойство". И далее — уж совсем открытым текстом: "Считаю, что некоторые члены Политбюро, виновные как члены коллективного органа... должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния? И после этого сделать выводы — вывести их из состава Политбюро" (Аплодисменты). И так далее. Одно дело — читать в газете, например, выступление Ульянова, и совсем другое — смотреть и слушать его (кстати, его "диалог" с М.С. также дан в газете с некоторыми купюрами, снят сарказм его заключительных фраз — это было зрелище!).

Но вот, наконец, я перехожу к очень важному моменту — к феномену Ельцина. Он очень популярен в народе. Эта популярность стремительно нарастала, и конферен-

ция обернулась его полнейшим триумфом. Не столько в среде делегатов (хотя и там есть его сторонники — среди "мелкопартийных" слоев номенклатуры), сколько в среде городского разнорабочего и разночинного люда. И полный, жесточайший провал потерпел в глазах "общественности" тов. Лигачев. Он и вправду выглядел очень глупо ("Ты, Борис!.. Нельзя, Борис!") — впору петь по Мусоргскому на мотив арии Юрдивого), да еще и нес откровенную чушь насчет отсутствия привилегий, собственных достижений, жалкие шараханья от скрытой угрозы ("мы тебя выдвинули генсеком — мы-де и...") до поспешных славословий в адрес того же генсека.

Но именно потому в большом выигрыше оказался сам генсек: если до конференции М.С. и Е.К. представлялись как бы "совластиелями", то конференция предъявила взорам существенно иную картину: Первый восседает вверху и над, а тот, кто считался Вторым, жалко и убого пикируется с "каким-то" министром, оправдывается и бьет себя в грудь, доказывая, какой он хороший, а какой Ельцин плохой. Эта была поразительная политическая ошибка Егора Кузьмича, наглядно продемонстрировавшая его "коэффициент интеллектуальности". Уж лучше бы вовсе не вылезал на трибуну... Одним словом, это политически бесперспективная фигура. И если у нас действительно будет введено хоть какое-то подобие политики, Егора Кузьмича можно просто сбросить со счетов. Очень серый чиновник, типичная аппаратная крыса, где там ему до Михаила Сергеевича. В темноте, под половицами — это другое дело, а на свету не смотрится. Я мог бы очень много рассказывать о наблюдаемых реакциях на противостояние Лигачева с Ельциным — единодущие оценки поразительно. Даже по ТВ в интервью с райкомовскими работниками подчеркнуто сквозит уважительное отношение к Борису Николаевичу, на встречах с делегатами конференции постоянно задают массу вопросов о Ельцине, и мало кто из отвечающих позволяет себе неуважительно отнестись к нему! Две латвийские газеты взяли у него пространное интервью, которое затем в копиях разошлось по другим городам. В ходу значки с надписью "Борис, мы с тобой!" и даже "Егор, ты не прав!" — их носят совершенно открыто. Таким образом, Ельцин в настоящий момент представляет собой политическую фигуру первостепенного уровня.

Как к этому отнестись? В общем — положительно. И не только потому, что Ельцин оказался для М.С. ценнейшим союзником (а это, при всех нюансах, — бесспорно), но и потому, что он, похоже, оказался умнее, чем представлялось, а может, стал умнее, будучи бит. Во всяком случае, его выступление на конференции (исключая "прощение о реабилитации") — одно из самых впечатляющих и продуманных, и его поведение в целом позволяет причислить его к прогрессивному крылу сторонников радикальной перестройки. И если на партконференции он напирал главным образом на материально-экономическую и кадрово-политическую сторону торможения, то в интервью латвийской газете уделил внимание и зажиму гласности, демократизации. То есть, похоже, активно скорректировал свое политическое кредо в более "интеллигентском" направлении и не случайно оказался выбран общественным мнением в Комитет "Мемориала", очутившись в очень неплохой компании. Тем самым он имеет шансы получить поддержку и интеллигенции, и пролетариев, что — надо ли объяснять? — очень и очень ценно. Одним словом, Борис Николаевич начал серьезную игру, думаю, не без согласования с кем надо. И не так важно, что он действительно думает и сколь он искренен: для политика важнее та ниша, которую он занял и которая определяет его политическую позицию.

И последнее, относящееся к теме партконференции, — собственно содержание предложений по реформе политической системы. Наибольшие споры вызывает, естественно, пункт об обязательной баллотировке партсекретарей на посты председателей Советов — его критикуют и справа, и слева. На этот счет замечу, что ни один из тех, с кем мне пришлось эту тему обсуждать, не смог удержаться на позиции критики этого пункта, и все по очень простой причине: сегодня, как никогда, ощущается настоятельная потребность мыслить в политических категориях, в катего-

риях реальной обстановки и расстановки сил. СССР вступил в эпоху политического существования, и это все так или иначе понимают, чего не могу сказать о западных комментаторах. Предметно же суть этой идеи ("совмещение") мне видится в следующем.

Как известно, у нас нет политической партии, а есть некий Орден, живущий исключительно по своим собственным, а не общегражданским законам (писаным инструкциям и неписанным "нормам партийной этики"). Государство в государстве. И бессмысленно судить и рядить — хороша ли КПСС или плоха, равно как и то, нужно ли образовывать "другие партии" или не нужно. Ну, есть в Болгарии или в ГДР некие "другие партии" — и что? КПСС — вне идей, вне политики, ибо она — вне закона, вне государства. И все написанное, декларированное останется таковым до тех пор, пока не произойдет акт, что ли, десакрализации КПСС — акт выведения ее (реально, практически) на сцену политической жизни. На свет. Разумеется, все это имеет шансы стать таковым лишь с учетом всего пакета реформ — уголовной, судебной и др., с учетом действия общественных (неформальных) организаций, относительной самостоятельности прессы, закона об информации и т.д. И, конечно, при условии реформы самих Советов, избирательной реформы. (Кстати, и образование новых партий нигде и официально никем не запрещается — этот вопрос просто как бы обходитя, замалчивается, — уверен, не случайно, как не случаен и тезис Бурлацкого о том, что есть возможность "пойти дальше ленинской модели" политического устройства. А Бурлацкий — не "простой человек"!). Но вот представьте, говорю я обычно, такой вариант: разрешаются массовые партии, любая "демократия выборов", вот только сама КПСС остается вне этого, в эти игрушки не играет, оставаясь, однако, тем, чем она является, с ее аппаратом, связями и т.д. Что будет? Собеседник, естественно, ухмыляется. А ведь это по сути, самая вероятная форма практической интерпретации тезисов к партконференции, форма "демократии под присмотром", демократии игрушек. КПСС — это пока что сила, несопоставимая со всеми другими (исключение — национальные движения), и страшно, убийственно не столько то, что она будет побеждать в политической игре, а то, что она эту игру будет игнорировать. Без КПСС ни Советы, ни политика вообще не станут реальностью.

Ну хорошо, а где гарантia, что это игнорирование не сохранится по существу и в условиях горбачевской модели? Думаю, что при достаточном давлении (со стороны "беспартийных") цель, поставленная перед парткомами в качестве обязательной к достижению (получить вотум доверия), — эта цель сделается не декоративной, а вполне значимой всерьез, жизненной. Ибо "фокус момента" ныне в том, что "нормы партийной этики", будучи еще всесильными внутри партии, уже не всесильны за ее пределами — в сфере, где уже сложились "декапэссированные" молодежные, экономические, культурные и прочие общественные движения и организации.

Ну и, наконец, чисто тактический момент: возможность прохождения этого проекта на Политбюро и на конференции. Конечно, "с идеальной точки зрения" правильнее было бы просто объявить о распуске КПСС и ее аппарата — это бы гарвардские профессора, видимо, приветствовали. Но членам ЦК и секретарям обкомов и горкомов, составлявшим львиную долю делегатов, боюсь, это могло прийтись не по вкусу. А так — вроде бы, с одной стороны, и кнут (тяжелая рука генсека), зато с другой стороны — какой-никакой пряник: статус "мэра", как "у людей" ("у них"), — это ныне ценится не меньше импортной видеотехники и английских костюмов: быть или выглядеть этаким политическим комильфо! Получить этот нeliшний (совсем нeliшний: кому не приятно, к примеру, поездить за границу в порядке обмена делегациями с мэрами-побратьями и проч.) пост легального хозяина вверенной тебе территории, конечно, будет непросто, придется попотеть на поприще "работы с людьми", но уж раз ты чувствуешь в себе силы — давай, докажи, что ты действительно хозяин... Полагаю, что для многих, особенно для молодых, этот

прянник окажется достаточно соблазнительным аргументом, чтобы реально переориентировать свои интересы с партийно-аппаратной сферы в сферу муниципально-элитную, что ли. И тем самым — превратить в их глазах собственно-партийное продвижение в средство, инструмент (не более того!) обретения граждански легитимированной власти. Без того, чтобы стремление к такой легитимации стало устойчивой поведенческой нормой властующей элиты, ни о какой законности, правовом государстве, то есть ни о каком цивилизованном обществе и говорить нет смысла. Это понятно. Но должно быть понятно и то, что реформу власти приходится делать с теми людьми, которые есть. Если не брать самый высший и — по причине возраста — самый коррумпированный слой номенклатуры, то люди эти, в общем, не хуже и не лучше других. И обобщенно говоря, единственный корпус, способный заменить их на поприще власти, — это армия. Вот уж, однако, чего не хотелось бы...

Одним словом, чудеса в политике редки (приход "группы Горбачева" уже само по себе чудо, как в свое время заметил Г.Померанц). Стопроцентную гарантию дает, как известно, лишь страховой полис. А вот реальные шансы переместить центр тяжести власти с "Ордена меченосцев" на парламент и муниципалитет, то есть с "партии" на "Советы" — такие шансы "придумка Горбачева", на мой взгляд, дает. При условии, разумеется, посильного осуществления всего заявленного пакета реформ. И неослабного, прогрессирующего давления снизу. Здесь я снова возвращусь к тезису о том, что единственная надежда наша — на молодежь. Хотя бы еще несколько лет жизни без страха — и сформируется поколение, способное к жизни без палки. А пока...

Я хорошо помню, как екнуло у меня в груди, когда Горбачев вдруг в середине конференции взял слово и, сославшись на то, что на заседании комиссии по резолюции "товарищи не понимают", принялся настойчиво убеждать публику в необходимости согласиться с его предложением. Дело в том, что к этому моменту номенклатурная публика уже немного осмелела, вкусила, так сказать, демократии и либерализма, и начала исподволь сопротивляться: "А что! Левым можно, а нам нельзя?!" В определенном смысле это был критический момент, М.С. выглядел бледно и свирепо, в конце концов попросту гаркнул холодно-зловещим голосом, что-де он от этого предложения не отступится и будет настаивать. В тот момент этого нажима еще хватило, но не исключено, что к концу конференции зрело нечто вроде заговора: "дать отпор" намеревались, видимо, где-то на пятый день. Ибо все абсолютно были уверены, что конференция продлится, об этом говорилось косвенно и на пресс-конференциях. И вдруг — внезапно! — объявляют, что конференция заканчивается в первоначальные сроки — 4 дня. Трудно отделаться от мысли, что все это — и слухи о продлении, и внезапный обрыв — было сделано преднамеренно, чтобы не дать успеть "правой оппозиции" сконсолидироваться и выступить согласованно с существенными поправками (решал-то процедурные вопросы секретариат конференции во главе с генсеком, он же решал и то, кому давать слово и проч., так что без его воли, помимо его воли, все это пройти не могло). Кстати, к концу конференции, в последний день, номенклатурное стадо настолько осмелело (сиречь — обнаглело), что буквально заплевало, затоптало выступление Бакланова и очень этим воодушевилось. Какая уж там "демократия"! Слава Богу, что вождь еще имеет силу на них цыкнуть и, так сказать, волевым порядком протащить свое — страсть как непопулярное — решение о "сомнечении". Благо этому очень помогло жалостно-глупое поведение Е.К. — слишком несопоставимы оказались по внушительности их с М.С. "имиджи". А быдло, как известно, ориентируется исключительно на силу. Одним словом, я считаю, что конференцию "выиграл" Михаил Сергеевич, в конечном счете получив от нее то, что нужно. Что же касается резолюций, то все они, кроме двух, весьма дельны. Ну, "О бюрократизме" — это придумано специально для Е.К. (очень важная и решительная резолюция, даром что совершенно пустая), а вот "О национальных отношениях" — это вообще самое слабое пока — и самое опасное! — место во всей горбачевской политике. Развитие карабахского

конфликта это подтверждает, и я признаюсь, что плохо понимаю смысл действий (точнее — бездействий) горбачевской команды в этом вопросе. Я пока располагаю очень обрывочными данными о внутренних пружинах этих событий. В кулуарах политической борьбы идет какая-то очень сложная игра, и участие в ней мафий — вовсе не только риторический прием. Пока мне ясно одно: М.С. по каким-то причинам вынужден выжидать, тянуть время. А это очень опасно.

Итак, конференция прошла "на полном восторге". Это было невиданное у нас по накалу страстей шоу. Но вот оно закончилось, затем прошел июльский пленум — подходит время делать реформы, ломать аппарат, вводить советскую власть и пр. А кадровый вопрос застрял на месте... Кто будет реорганизовывать партию — Лигачев с Разумовским? Разгонять Агропром (а это сейчас неотложная задача) — Никонов с Мураховским? Развивать демократизацию — Чебриков с Щербицким? Да, конечно, экономика и политика — вещи глубинные, капитальные, но сейчас, чтобы начать — необходима элементарная чистка на самом верху. Точнее — с самого верху.

Я пишу сумбурно, и, видимо, маловразумительно, многое приходится опускать. Я был, например, на семинаре в ЦЭМИ, посвященном теме под названием "Есть ли у России будущее?" и прошедшем под знаком всеобщей тревоги и скепсиса относительно успеха перестройки. Был также на встрече в МГУ с авторами сборника "Зависит от нас", где были А.Бовин, Т.Заславская, Б.Васильев, Б.Сарнов, Л.Овруцкий, Л.Воскресенский и др. Общий тон, лейтмотив всех выступлений и вопросов-ответов — сопротивление усилилось, перестройка букает. Градом сыпались вопросы о Лигачеве (ему в этот вечер, вероятно, здорово икалось), о Ельцине, о гласности, о том — что делать? Все до одного из "прорабов" призвали создать общий фронт за радикальную перестройку. Наиболее дипломатично выступил Бовин (положение обязывает!), но и он безоговорочно признал усиление консервативного торможения в последние месяцы, а также на вопрос — надо ли было танками в 1968 г. пресекать "Пражский эксперимент", твердо заявил: он и сейчас, и тогда говорил — не надо. Очень взволнованно выступил Бор.Васильев, рассказал о том, как на Одесском фестивале обком запретил оглашение "Обращения", составленного им и Приставкиным и подписанного почти всеми находившимися там деятелями искусства и культуры (отказались подписать его лишь двое — Виктор Цой, наша доморощенная "рок-звезда", и... Никита Михалков!).

Выступление Васильева, в конце зачитавшего это "Обращение", завершилось на редкость горячей овацией зала. Обращение это уже напечатано "Советской Латвией" (тревога за перестройку, призыв реабилитировать критиков и жертв "преступного брежневского режима", осуждение "Памяти", требование решить наконец национальные вопросы, призыв к созданию Народного фронта). Великолепно выступал Бен Сарнов, едко рассказывая о верхушке Союза писателей, в частности о Бондареве, Фел.Кузнецове и др. Т.Заславская солидаризировалась с Юр.Афанасьевым в его "сенсационном" заявлении на страницах "Правды" о том, что "социализма у нас нет", и детально опровергла все жалкие аргументы "Правды" против Афанасьева. Ну и так далее...

Но вот, наконец, я добрался до наших дней. Тут и пленум с сессией Верховного Совета состоялись с весьма занятными итогами.

Итак, Горбачев провел-таки переворотик, и непосредственная опасность "путча", очевидно, устранена. Сама внезапность и сверхсрочность этой акции говорит о том, что что-то такое, какая-то опасность, видимо, все же имела место. Что и как — о том узнаем не скоро. Ну, а результаты — конечно, в целом положительные. Хотя... — что можно ожидать от правовой реформы, если ею будет руководить тов. Чебриков? Да и возвышение Разумовского — сомнительное благо. Он, конечно, скрет своего бывшего шефа с потрохами, чтобы доказать свою преданность вождю (собственно, уже делает это — надо думать, и нынешняя акция осуществлена не без

его помощи), но можно ли опираться на таких людей? О Медведеве говорят разное: в Москве — хорошо, в Питере, где он был секретарем горкома в свое время, — неважно. Думаю, однако, Яковлев недалеко от идеологии отодвинут, не то что Егор Кузьмич. Ну, а сельское хозяйство отныне обречено на бурный подъем: им теперь будут заведовать целых два секретаря — члены Политбюро, да плюс Слюньков — председатель комиссии по социально-экономическим вопросам, да сам Вождь — лучший друг арендаторов. Ну и фокусник! Вот что значит профессионал в политике, не то что эти дундуки-чинуши. Все-таки главное в политике — это умение создавать новые прецеденты, действовать нетривиально. Ну и, конечно, неожиданно, непредсказуемо... Любопытно будет проследить теперь за Украиной: по идее, скоро должен быть Пленум украинского ЦК, который должен "удовлетворить просьбу т.Шербицкого".

Но как бы там ни было, а "революция, о необходимости которой давно говорили большевики, совершилась". На повестке дня — значительная чистка аппарата, граничащая с его разгоном. Очевидно, комиссии ЦК — это вместо отделов, их улучшенная замена. Явно падает роль секретариата, и центр тяжести власти будет перемещаться (если получится) в Верховный Совет. На это дело поставлен Лукьянов, доверенное лицо по всем административно-правовым вопросам. Ему и добивать Чебрикова, или, как бы это помягче, усиливать государственный контроль за его бывшим ведомством и его нынешними партийными функциями. А что касается рубки партаппарата, то, надо полагать, с этим никто не справится лучше Разумовского. Ему и топор в руки.

Я все-таки восхищаюсь Михаилом Сергеевичем. Да, как личность он мне не очень симпатичен, а дальше, думаю, его несимпатичные, авторитарные черты будут только усиливаться. Но, право, ничего лучшего мы не заслужили, да и не нуждаемся сегодня. Нельзя от тоталитаризма перeskочить к демократии, минуя стадию авторитарного режима, так сказать, просвещенного абсолютизма. Сейчас нет ни другого лидера, ни — более широко — другого пути, могущего привести к демократическому устройству нашего общества. Ведь так много надо сломать, ко многому — привыкнуть... У истоков всех демократий стоят авторитарные фигуры, харизматические личности: Джордж Вашингтон, Бонапарт, де Голль, Неру... А маленький Дэн? С этим ясно. Как ясно и то, что очень много тут зависит и от ближайшего окружения такого лидера. И именно в этом — источник оптимизма, ибо пока что его "референтную группу" составляют главным образом интеллигентные люди... Ну что ж, поживем — увидим, теперь уже спихивать будет не на кого. Или — почти не на кого. (Л.Зайков, как я и предполагал, действительно стал, похоже, "человеком № 2". Надолго ли?)

Теперь ближайшие задачи — провести правовую реформу, ввести парламентскую систему, внести изменения в Конституцию, в частности, с таким расчетом, чтобы можно было решить "Карабахский вопрос", да и вообще заняться вплотную перестройкой национального устройства. Только по мере решения этих вопросов можно будет реально рассчитывать и на реализацию экономических реформ. Перво-наперво необходимо разогнать жуткий Агропром, это внебрачное детище перестройки, да и Госплан стоит того же, со всеми его Госкомтрудами и Минфинами. Здесь нужна капитнейшая реорганизация, буквально — ломка с "чисткой", разгон аппарата со всеми этими министерствами и главками, с обязательной демонополизацией, децентрализацией, введением конвертируемости рубля, оптовым рынком, свободным перетоком капиталов и т.п. Пойдет ли на это Горбачев?

Самое забавное, что начинать надо как раз с сельского хозяйства — именно тут можно сделать решающий прорыв и насытить товарный рынок в кратчайшее время, остановив тем самым угрожающую инфляцию. Без этого в частности кооперативное движение обречено развиваться в ублюдочных, уродливых формах, причем — в условиях подогреваемого "народного возмущения": "Кооператоры скапают в магазине мясо и масло и в тридорога продают его нам!" Это — очень опасная тенденция, и

пресечь ее можно только одним способом — ликвидировать дефицит продовольствия. Это еще и индикатор успехов: "Уже четыре года вашей перестройке, а жрать нечего!" Одним словом, 1989 год должен стать годом Великого Перелома на аграрном фронте — вот какая архиважная задача выпала на долю Егора Кузьмича! Что ж, как выразился один из участников упомянутой встречи в МГУ — "т. Лигачев в своем выступлении на партконференции доказал возможность построения социализма в одной отдельно взятой области". Так что дело теперь за малым — распространить сияющий опыт Томской области на всю державу...

В общем, кругом нынче ожидание изменений в экономической сфере, но пока не хватает какого-то решительного прорыва в материально-товарной сфере, без чего неминуема жесточайшая инфляция. А между тем, за исключением Прибалтики, перестройка кончается за Московской кольцевой дорогой, и все, что можно тормозить и саботировать, тормозится и саботируется. Газеты переполнены сообщениями о препонах, чинимых на всех уровнях всем элементам и направлениям экономической перестройки — аренде, хозрасчету, кооперации и т.д. И главное оружие, которое остается у консерваторов и даже усиливается, укрепляется — это подспудно тлеющее недовольство масс отсутствием сдвигов в уровне жизни, товарным обеспечением денежных доходов. Собственно, эти тревожные признаки народного разочарования и скепсиса, думаю, и послужили основной причиной форсированных перемен — последнего внезапного пленума. Особенно важно было произвести этот "переворотик" до кампании перевыборов в местных партийных организациях. В ближайшее время посыпятся также проекты правовых и других политических реформ, начнутся их публичные обсуждения и т.д. Затем — весной — выборы в Верховный Совет по новой модели, и к этому моменту реальная власть должна уже локализоваться там, где ей надлежит обретать легитимацию. Посмотрим, посмотрим. А пока — слова очень уж сильно оторвались от дел. Перестройка в идеологии, гласность — это прекрасно, но вот политические институты и традиции — это куда более вязко и устойчиво. А что тогда говорить об экономических реалиях, о культуре труда, навыках хозяйствования, материальных предпосылках, технике, инфраструктуре, наконец! Можно позавидовать прибалтам — они не все успели растерять, потому и Народные фронты у них, и фермерство с кооперацией побойчее. Они к перестройке вполне готовы, а у нас в России ее надоено внедрять, как картошку при Екатерине. Ведь саботируют реформы не только бюрократы, но — сплошь и рядом — сами рабочие массы. Сейчас это особенно ясно видно на примере отношения к кооперативам, а завтра — и к частным предприятиям, вообще к хозрасчету, ко всякой вообще антиуравнителовке. В этих условиях достаточно будет объявиться хорошему демагогу-идеологу, и первой массовой оппозиционной партией окажется вовсе не демократическо-либеральная, как о том мечталось многим поколениям диссидентов, а нечто совсем иное и безобразное...

Значит ли это, что многопартийность следует до поры до времени запретить? Отнюдь нет. Не влезши в воду, плавать не научишься, политическую культуру без политического плюрализма не взрастишь. Но я хочу сказать, что до тех пор, пока не появятся первые экономические успехи, прежде всего в сельском хозяйстве, наша общественная ладья будет оставаться между Сциллой усиления авторитарной диктатуры и Харибдой роста анархо-охлократических тенденций (на националистической, эколого-луддистской или социалистически-уравнительской почве). Надо ли говорить, как много в этих условиях зависит от самого капитана ладьи и его команды? В искусности маневрирования его я уже почти не сомневаюсь, но хватит ли ему воли следовать именно той цели, которую он, объявив перестройку, перед собой поставил?

ЕВРЕИ В СССР. ПУТЬ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК

Два обстоятельства являются сегодня решающими в жизни советского еврейства. Они же определят его будущее по крайней мере на ближайшие десятилетия.

Первый — завершение этапа, когда все надежды на решение еврейской проблемы в СССР связывались с эмиграцией в Израиль. Сегодня, как никогда раньше, ясно, что основная масса еврейского населения останется в стране. Второй фактор — то, что принято называть словом "перестройка". Перемены, к которым многие до недавнего времени относились с изрядной долей скептицизма, сегодня реально преображают страну.

Что может ожидать советское еврейство от политики реформ, каковы могут быть его собственные цели в свете обновления страны и общества? Найти ответ на эти вопросы невозможно, не переосмыслив опыт предшествующих десятилетий, не разобравшись в том, что происходит сегодня.

I.

Смерть Сталина положила конец террору режима против населения страны и в частности против евреев. Хрущев начал решительно, хотя и непоследовательно, проводить в жизнь новый курс, вошедший в историю под названием "оттепели". Немаловажное место в новом курсе занимала национальная проблема. Было покончено с наиболее грубыми и унизительными формами национальной дискриминации, были заложены основы так называемой политики национальных кадров и "расширения прав республик". Смысл хрущевских реформ состоял в том, чтобы ослабить недовольство иерусалимских народов, интенсифицировать хозяйственную деятельность в стратегически и экономически важных районах страны и представать в новом свете в глазах Запада и Третьего мира. Новая национальная политика действительно открыла большие возможности перед многими народами страны. Однако ограниченность рамок перемен и непоследовательность нового курса привели к тому, что не все народы могли в равной степени воспользоваться плодами оттепели. В число пасынков оттепели попали и евреи.

Конечно, преемник Сталина покончил с гонениями: угроза массовой депортации, постоянный страх ареста и тем более опасения за жизнь отошли для еврейского населения в прошлое. На этом, однако, позитивные перемены и закончились. Более того, именно во времена Хрущева был заложен фундамент нового антисемитизма, который существенно отличался от антисемитизма сталинского.

Антисемитизм Сталина был одним из важнейших инструментов, с помощью которых в стране поддерживалась атмосфера всеобщего страха, подозрительности и доносительства. После смерти "друга народов" у руля оказались партаппаратчики, стремившиеся к чему-то большему, нежели просто держать рычаги управления. Номенклатура делала все, чтобы выделяться в особый класс, стоящий над обществом. Правящие номенклатурщики постоянно углубляли и расширяли свои кастовые привилегии, превращая их в наследственные. Результатом явился рост нового класса, концентрация его в столице, в главных индустриальных и культурных центрах страны. И это, в свою очередь, вело к росту аппетита партаппаратчиков и их отпрысков, к расширению сферы их амбиций. Все больше представителей нового класса стремилось занять ведущие позиции в культуре, науке, торговле, финансах и т.д. Здесь-то и произошло "знакомство" новоиспеченной советской аристократии с евреями, удельный вес которых в этих областях был традиционно велик.

Впрочем, было бы не совсем верно думать, что особо неприязненное, болезненно-подозрительное отношение нового класса к евреям возникло только на почве конкурен-

ции. Еще Хрущев обратил внимание на евреев как на особую группу, не вписывающуюся в рамки его новой национальной политики. Евреи не имели собственного территориального "надела", с ними было связано достаточно много проблем, и эти проблемы требовали нетривиальных решений. Хрущев не сумел или не захотел искать такие решения и в конце концов просто отмахнулся от "еврейского вопроса".

Но сменившим Хрущева номенклатурным вождям этот вопрос представлялся более серьезным. Хотя еще при Сталине евреи были отстранены от руководства страной и не представляли непосредственной угрозы новому классу, социальная структура еврейского населения, сосредоточенного главным образом в основных центрах страны, напоминала правящей верхушке структуру ее собственного класса. Высокий процент "лиц еврейской национальности" в науке, культуре, ключевых областях хозяйства, в сфере образования и здравоохранения давал ей основания подозревать, что неформальное влияние евреев в обществе слишком велико. Широкое участие евреев в различных диссидентских и нонконформистских движениях лишь усугубляло эти подозрения. Если к этому добавить, что обитатели кремлевского Олимпа были людьми преклонного возраста, помнившими, какое место евреи занимали в ленинской революционной гвардии и в политической жизни страны в послереволюционные годы, будет нетрудно понять, что старые предрассудки и традиционная подозрительность, а также высокомерие и некомпетентность сыграли в выработке политической линии в еврейском вопросе не меньшую роль, чем материальные соображения.

В конечном счете у номенклатуры сложилось впечатление о евреях как о группе, способной конкурировать с официальной элитой и, значит, потенциально опасной. Отсюда следовало, что евреев, как и прежде, категорически не следовало допускать к управлению страной. Кроме того, необходимо было решительно бороться с их неформальным влиянием в обществе и ограничивать их возможности как конкурентов. На практике новый антисемитизм вылился в систему запретов и ограничений. И хотя ограничительные правила никогда не были опубликованы, а официальные лица упорно отрицали их существование, они, эти правила, весьма эффективно закрывали евреям доступ ко многим сферам деятельности, профессиям и должностям.

Неоантисемитизм Хрущева—Брежнева выработал не только новые формы и методы, но и новую идеологию. На смену обвинениям в космополитизме пришел "антисионизм". Борьба с сионизмом с самого начала велась с неопределенных, абстрактных позиций. Антисионизм не называл врага "по имени-отчеству", не определял даже, в чем, собственно, состоят его преступления. В сущности, он был дамокловым мечом, занесенным над всем еврейским населением страны. Любой человека, в паспорте у которого стояло "еврей", в любой момент можно было обвинить в сионизме. Антисионистская пропаганда преследовала и другую цель: оправдать действия огромного множества — миллионов — людей, вынужденных так или иначе проводить в жизнь предписанную свыше антисемитскую политику.

Итак, несмотря на колоссальные сдвиги в жизни советского общества в период хрущевской оттепели, евреи в большой мере оказались за бортом перемен. И в дальнейшем власть не только не предпринимала усилий решить еврейскую проблему, но, наоборот, загнала ее в новый тупик, а самих евреев заключила в своеобразное гетто, у которого не было видимых границ, но из которого не было выхода.

II.

Смерть Сталина принесла еврейскому населению чудесное избавление, однако в том, что касалось будущего, царила полная неясность. Казалось, разоблачение сталинских преступлений само по себе является гарантией перемен. И этих перемен ждали. Ждали, но не более.

Известны отдельные случаи, когда люди в индивидуальном порядке обращались в государственные инстанции, в творческие союзы, к высшим руководителям страны и даже лично к Хрущеву с просьбой открыть разогнанный Сталиным московский Еврейский театр, возобновить выпуск газеты на идиш, переиздать произведения классиков или даже погибших писателей. Эти ходатайства иногда оказывались успешными. Так,

в 1959 г. значительным тиражом было издано собрание сочинений Шолом-Алейхема. С 1961 г. в Москве начал выходить на идиш журнал "Советиш Геймланд". На идиш и русском вышли книги Д.Бергельсона, П.Маркиша, Л.Квитко, Шолома Аша и других авторов. Еврейские актеры, певцы и чтецы появились на профессиональной сцене. По радио можно было даже услышать еврейскую мелодию... Словом, в конце пятидесятых годов могло показаться, что восстановление еврейской жизни и культуры в стране вполне возможно, что этот процесс уже начался. И все же при самом оптимистическом взгляде на происходящее нельзя было не заметить, что все начинания в этой области носили случайный, эпизодический характер. Вдобавок многие из них были результатом частной инициативы, но никак не выражением целенаправленного курса, санкционированного руководством страны. Естественно, что по мере того, как новый антисемитизм набирал силу, попытки оживить еврейскую культурную жизнь стали пресекаться, а после 1967 г. уже рассматривались как проявление "сионистских настроений".

Но было бы неверно думать, что ответственность за провал попыток восстановить еврейскую культуру и какие-то элементы национальной жизни лежит исключительно на руководстве страны. Одной лишь политикой властей нельзя объяснить отсутствие энтузиазма и интереса к тогдашним начинаниям со стороны широких кругов еврейского населения. Выступления еврейских актеров в те годы происходили, за редким исключением, в полупустых залах. Книги еврейских писателей не раскупались. Оно и понятно: артисты, певцы и чтецы того времени были, как правило, людьми преклонного возраста, их профессиональный уровень был невысок, их язык — идиш — непонятен широкой аудитории. И, что еще важней, их творчество было ограничено убогим и навсегда ушедшим миром дореволюционного местечка. То же можно сказать о тематике издававшихся тогда книг еврейских писателей.

И вот тут мы сталкиваемся с примечательным явлением. Советское искусство и литература насчитывают десятки тысяч еврейских имен, немало евреев было и среди звезд первой величины. Но невозможно вспомнить — разве что за редчайшими исключениями, — чтобы кто-то из них включил еврейскую тему в свой репертуар, познакомил аудиторию с еврейской классической или современной литературой, театром, музыкой, не говоря уже о том, чтобы активно поддержать начинания, которые уже пробивали себе дорогу.

Тем более ничего не известно о том, чтобы кто-нибудь из видных представителей еврейства или рядовых граждан выступил с предложением открыть еврейские школы и издательства, учредить еврейские секции в творческих союзах, создать правительственные учреждение по делам евреев, выделить места в Совете Национальностей Верховного Совета для представителей почти трехмиллионного народа. В целом следует признать, что в те переломные годы, когда *сталинщина уходила в прошлое, а общество переживало обновление, со стороны самих евреев не прозвучало сколько-нибудь внятных требований осудить недавний антисемитизм и предоставить еврейскому населению равные права и возможности в послесталинском обществе.*

III.

А между тем новый антисемитизм набирал силу, совершенствовал свои методы и ко второй половине 60-х годов уже представлял собой сложившуюся форму дискредитации, унижения и изоляции целого народа.

Профессиональные качества были, пожалуй, единственным, что евреи могли противопоставить новому антисемитизму, причем этот старый национальный комплекс — "быть лучшим, незаменимым" и пр. — зачастую принимал гипертрофированные формы. Профессиональное превосходство действительно помогало преодолеть многие запреты и ограничения. Тем не менее за право работать в полузакрытых сферах, занимать "неподожженные" должности, учиться в престижных вузах, наконец, просто быть на поверхности приходилось дорого расплачиваться. Дело даже не в том, что евреям больше, чем другим, приходилось терпеть унижения от мелких чиновников, мириться с произволом и капризами начальства. Главное — им всюду и всегда, косвенно или прямо приходилось доказывать свою лояльность, так или иначе убеждать свое окружение, что они не имеют

никакого отношения к собственному еврейству и тем более к сионизму. Горечь, обида, озлобленность, неверие в будущее накапливались, чтобы, наконец, прорваться наружу и привести к полному разрыву со страной и обществом — к эмиграции.

Внешним поводом к этому бунту послужила Шестидневная война 1967 г. Советское руководство ответило на военный триумф Израиля беспрецедентной по масштабам, лживости и беспардонности антиизраильской кампанией. Многие месяцы и годы после июня 1967 г. эта кампания занимала львиную долю телевизионного времени и чуть ли не целиком страницы газет, отведенные для сообщений из-за рубежа. Советские евреи отреагировали на вспышку антисионистской истерии двойственno. Многих она испугала. Если до 1967 года антисионистская пропаганда ранила, раздражала или даже вызывала негодование, то теперь временами казалось, что дело вот-вот дойдет до призыва к погрому. С другой стороны, антисионистский бум открыл советским евреям Израиль. До Шестидневной войны информацию о государстве Израиль можно было почерпнуть разве что из географических справочников. Теперь, после 1967 г., средства массовой информации в СССР только и твердили что о мощи израильской армии, о всемогуществе израильской разведки, о колоссальных возможностях израильской промышленности, о научном потенциале страны, будто бы создавшей собственное ядерное оружие. Крошечное государство на Ближнем Востоке стало серьезным фактором в жизни третьего поколения советских евреев.

Конечно, сионистское движение существовало в стране и до 1967 г. Распространяясь из традиционных центров — Риги и Вильнюса, оно постепенно проникало в Москву, Ленинград, на Украину, в Белоруссию, в глубину России. Но не разбросанные по стране группы активистов вовлекли в движение за выезд сотни тысяч людей. Отчаянные акции русских сионистов в конце 60-х — начале 70-х гг. лишь помогли пробить брешь в глухой стене. А затем в эту брешь устремились десятки тысяч людей, увидевших в эмиграции единственный выход из безнадежного положения, в которое загнал их новый антисемитизм. Началась алия — массовая эмиграция в Израиль. К концу семидесятых годов около четверти миллиона евреев покинули Советский Союз. На глазах всего мира пасынки оттепели закатили звонкую пощечину кремлевской олигархии.

IV.

Но что дала эмиграция самим евреям? Стала ли она исходом в национальное государство? Изменила ли положение тех, кто остался на родине? Сумели ли русские евреи в Израиле стать самостоятельной политической силой, рупором и опорой своих собратьев в СССР? Увы, этого не произошло. Уже в начале 80-х годов эмиграция практически сошла на нет, остался тоненький ручеек из нескольких тысяч человек в год. Более того, начиная со второй половины 70-х, большинство "репатриантов" из Советского Союза предпочитало ехать в США и другие страны Запада. Сегодня около трехсот тысяч бывших советских евреев разбросаны по всему западному миру. И нигде не смогли они создать независимые институты, чтобы поддерживать связь с собратьями в СССР и отстаивать интересы различных слоев советского еврейства. До недавнего времени было распространено мнение, что уехавшие — отрезанный ломоть, навсегда потерянная часть народа; эмиграция сама по себе не изменила положения еврейского населения. Ныне, однако, положение в стране меняется на глазах. Растет поток объективной информации о жизни за рубежом, и, самое главное, расширяются контакты между людьми. Время покажет, будет ли конкретное знакомство с жизнью за границей, с положением русско-еврейских общин в разных странах способствовать росту эмиграционных настроений. Ясно одно: возобновление массовой эмиграции зависит не только от мнений и настроений внутри СССР.

Приток иммигрантов из бедных стран давно стал серьезной проблемой для государств Западной Европы; двери некоторых стран прочно закрыты. Что касается США, то неясно, сохранит ли эта страна и в дальнейшем статус политических беженцев за эмигрантами из СССР, если демократизация положит конец преследованиям людей по политическим, религиозным или национальным мотивам. Но без привилегий, которые дает этот статус, массовая эмиграция в США маловероятна.

Еще менее вероятно возобновление массовой иммиграции в Израиль. Малые размеры страны и чрезвычайно ограниченный рынок труда, нестабильное политическое положение и межобщинные трения, конфликт между религиозной и нерелигиозной частями общества подорвали алию. Но и эти трудности представляются незначительными по сравнению с главной проблемой страны — арабо-израильским конфликтом.

Будущее Израиля определится прежде всего тем, как сложатся отношения между еврейской и арабской общинами страны, между государством Израиль и арабским миром. Обе стороны, если они хотят избежать бесконечной бойни по ливанскому образцу, должны будут пойти на уступки. Главная уступка со стороны арабов — отказ от намерения уничтожить еврейское население, стереть с лица земли государство Израиль. Для израильтян же такой уступкой будет не в последнюю очередь отказ от искусственного стимулирования еврейской иммиграции. По-видимому, Израиль не сможет стать домом для советских евреев. Но евреи Израиля и евреи во всем мире могут и должны сохранить те многочисленные и глубокие связи, которые существуют между ними, обогащая и поддерживая и тех, и других. Эти связи и естественная взаимная миграция в еврейском мире не будут противоречить единству израильского общества хотя бы потому, что аналогичные связи существуют у израильских арабов с их соплеменниками в арабском мире.

V.

Первая половина 80-х годов стала для советских евреев годами размышлений, поисков, временем новых ожиданий. Хотя около десяти тысяч человек еще продолжали добиваться выездных виз, это были по большей части "знакомые все лица", застрявшие в отказе с 70-х годов. Новых людей, желающих выехать, а тем более готовых бороться за право на эмиграцию, можно было сосчитать по пальцам. Но если эмиграция как практическая цель и перестала быть привлекательной для еврейского населения, то о ней все-таки не забывали. И прежде всего потому, что ситуация в стране отнюдь не менялась к лучшему. Едва ли такие слова, как "застой", "развал" и "разложение", могут полностью описать все стороны советской действительности последних лет правления Брежнева. Не обнадеживала и чехарда, начавшаяся после его кончины. Опасная эквилибристка Андропова пугала, а призвание к власти полуживого Черненко, казалось, закрепило незыблемость царства геронтократов. Оставалось одно — ждать...

Внезапно все изменилось. Сегодня миллионы людей внутри страны и за ее пределами пытаются понять, во что выльется перестройка, как далеко захотят и сумеют пойти новые руководители, как примут перемены различные группы населения. Предугадать, как будут развиваться события, тем более сложно, что об этом, по-видимому, не имеют ясного представления и сами творцы нового курса. Но если конкретные пути перестройки во многом еще туманны, суть ее очевидна. Суть — в перераспределении власти и влияния внутри советского общества. Вопрос вопросов и одновременно необходимое условие перемен состоит в том, готов ли правящий класс поделиться своими полномочиями и привилегиями с другими слоями общества. Если он созрел для этого, следует ожидать серьезных сдвигов не только в социальной структуре и в экономике, но и в национальном вопросе.

На что может рассчитывать и чего должно добиваться советское еврейство? Представляется, что еврейскому населению и в первую очередь интеллигенции нужно осознать, что именно сегодня формируется курс, которым страна, вероятнее всего, будет следовать в обозримом будущем. А это означает, что снова пришло время, когда можно и нужно говорить и требовать. Это тем более необходимо, что и сама власть сегодня, в отличие от того, что было 20 или 30 лет назад, хорошо понимает важность решения еврейской проблемы. Сегодня правящие круги, пожалуй, были бы даже рады, если бы решение, удовлетворяющее широкие слои еврейского населения и согласованное с интересами общества в целом, пришло изнутри, из представительных и ответственных кругов самого еврейства. Если еврейское население не выдвинет собственных национальных целей и не приложит усилий для их реализации, будетпущен исторический шанс добиться равноправия и стабильного положения в обществе, и советские евреи в очеред-

ной раз окажутся разменной монетой в руках политических сил внутри страны и за ее пределами.

Но каковы могут быть эти цели, в чем видят сами евреи решение их проблем?

VI.

Спросим рядового еврея, человека средних лет, с высшим образованием, отца семейства, жителя большого индустриального города: что такое антисемитизм и что надо сделать, чтобы добиться равноправия? Еще год-два назад он ответил бы так:

— Антисемитизм? Это когда не берут на работу, не принимают в институт, это когда ты всегда и во всем второй. А что изменить? Да очень просто: отменить Пятый пункт, похерить эту графу в паспорте и в анкетах...

Надеждами "быть как все", быть равноправными гражданами в обществе без деления на евреев и русских, татар и украинцев жили три поколения советских евреев. Но может быть, они слишком торопились, быть может, только теперь наступило время "новой исторической общности — советского народа"? Может быть, в самом деле пора наконец потребовать отмены графы "национальность"? Не приходится сомневаться, что значительная часть еврейского населения приветствовала бы отмену пресловутого "пятого пункта". Но согласились бы с этим русские и украинцы, литовцы или татары, среди которых живут советские евреи?

В официальном советском лексиконе термин "стирание граней между народами" всегда означал одно — русификацию. Спору нет, русификация многочисленных наций и народностей, живущих на территории страны, началась задолго до 1917 года. Однако именно в последние 70 лет этот процесс резко обострился. Через депортацию и ссылку, через тюрьмы и лагеря, через армию и школу, бюрократию и профессиональную деятельность, телевидение и печать миллионы "инородцев" приобщались к русскому языку и культуре, к унифицированным нормам и стандартам жизни, основанным на русском опыте и русских традициях. Русификация изменила облик многих народов страны, но отнюдь не привела к их слиянию. Напротив, реакцией на насилиственное обрушение стал рост национального сознания, причем политика гласности и перестройки привела к углублению и расширению национальных требований со стороны нерусских народов. Обнажила она и националистические тенденции в самом русском народе. Так что сегодня средний советский еврей не уверен, что отмена графы "национальность" приведет к равноправию.

Разумеется, далеко не все уповают на отмену "пятого пункта". Часть еврейского населения всегда связывала надежды на искоренение антисемитизма с демократизацией общества. Сегодня надежды на это особенно велики. Но и демократизация — хотя она способствовала бы решению многих проблем еврейских граждан страны — сама по себе не может автоматически привести к исчезновению антисемитизма. В Советском Союзе весьма широко бытует мнение, что демократия — что-то вроде "блюдечка с голубой каемочкой", на котором населению поднесут все виды свобод. Но демократия — всего лишь инструмент, с помощью которого граждане могут легально, не опасаясь репрессий, добиваться политических, социальных или национальных целей. Возникает вопрос: а есть ли в распоряжении еврейского населения общественно-политические институты, способные взять на себя защиту граждан от любых проявлений антисемитизма? Сейчас такие институты тем более необходимы, что демократизация предоставляет свободу самовыражения общественным силам и организациям самых разных направлений; среди них, безусловно, окажутся и те, чьим оружием станет антисемитизм. Деятельность уже существующих обществ "Память", "Отечество" и т.п. достаточно ясно показывает, что в недалеком будущем юдофобство перестанет быть прерогативой властей. Еврейское население, так или иначе приспособившееся к государственному антисемитизму, совершенно не готово противостоять антисемитизму как организованному общественному явлению. Тем не менее задача эта сама по себе не нова. В демократических странах евреи накопили богатый опыт противостояния общественному антисемитизму. Они выступают на общественной арене как самостоятельная сила, которая, используя рычаги демократии, отстаивает интересы своих граждан. Пример американского еврейства (да

и других национальных меньшинств в Америке) показывает, что безопасность и процветание малых наций возможны и в большой многонациональной стране при условии, что там существует подлинная демократия, а сами малые народы поддерживают свое национальное существование и защищают свои интересы с помощью собственных национальных институтов.

Если советские евреи хотят обрести внутреннее равновесие, уверенность в своем будущем, они должны бороться не только за демократизацию общества, но и добиваться восстановления национальных институтов, возрождения национальной жизни. Они должны стать нацией и добиться признания как нация со стороны государства и общества.

VII.

Рассуждения о путях становления русского еврейства как нации еще недавно могли показаться абстрактным теоретизированием. Сегодня это живое, реальное дело. Можно более или менее ясно представлять себе, к чему приведет начавшийся в стране процесс (если он не будет искусственно прерван). Прежде всего евреи и еврейский вопрос перестанут быть запретной темой. Появится русско-еврейская периодика, книги, фильмы, пьесы, посвященные еврейской проблеме. Откроются еврейские клубы и театры, курсы и кафедры языка иврит и идиш... Начнут функционировать синагоги, ешивы, кошерные столовые... Будет снято табу с израильских и других зарубежных еврейских писателей, художников, музыкантов. Установятся регулярные контакты с "соотечественниками за рубежом".

Но если все, что скрывалось, осуждалось и запрещалось, станет естественным и доступным, будет ли это означать, что еврейское возрождение в стране достигло своей цели? Отнюдь нет. Возрождение можно будет считать состоявшимся только в том случае, если оно приведет к созданию организованной общины, национального центра, объединяющего еврейское население страны и представляющего его интересы.

Где найти модель русско-еврейского центра?

Прежде всего — в реалиях страны, во взаимодействии с другими народами, с различными общественными, культурными и религиозными организациями, наконец, с властями и государственными учреждениями. Русским евреям необходимо изучить опыт организации еврейских общих в западных странах, например, в США. Но прежде им следовало бы обратиться к собственной истории, к истории евреев в России.

Двести лет назад в результате раздела Польши значительные массы еврейского населения попали под власть русской короны. Больше полустолетия продолжался процесс усвоения русского языка, вживания в русскую культуру и российскую государственную традицию. Приобщаясь к жизни российского общества, евреи, однако, не покидали лона еврейства. К концу прошлого века в России сложился 6-миллионный русско-еврейский центр — целый мир со своей политической, экономической и общественной структурой, с многочисленными и разнообразными культурными институтами. Общественная жизнь русского еврейства на рубеже веков достигла зрелости и размаха, каким могли бы позавидовать многие малые народы Европы. Этот русско-еврейский центр погиб под развалинами Российской империи, сгорел в огне войн и революций. Его уничтожили те же силы, которые были ответственны за гибель российской государственности, русской национальной культуры, за истребление целых сословий и групп российского общества.

Много воды утекло с тех пор. История как бы совершила полный оборот и вышла на прежние рубежи: общество, власти и сами евреи вновь оказались перед лицом все тех же, старых, проблем. А у истории можно кое-чему научиться, например, тому, что залог стабильности и процветания — не в насилии насаждаемом национальном или религиозном однообразии, не в попытках одних народов преуспевать за счет других, а в признании и удовлетворении интересов всех наций, всех этнических, социальных и религиозных групп, образующих общество.

Мари ЛАВИНЬ (Париж)

ОДНА ИЛИ ДВЕ ЭКОНОМИКИ?

Советская экономическая система на фоне мирового хозяйства

Основой начатой в СССР перестройки в области внешних экономических связей стала новая философия международных отношений. Был провозглашен лозунг "открытой экономики". О том, что это не только лозунг, говорит многое: реформы, проведенные в организации внешней торговли, поколебавшие концепцию государственной монополии на внешнюю торговлю; влияние, оказанное советскими реформами на восточноевропейские страны – большинство из них также реформировало управление внешней торговлей; твердое намерение стран социалистического лагеря найти пути сближения с международными экономическими организациями, в особенности с Европейским экономическим сообществом (ЕЭС), Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ) и Международным валютным фондом (МВФ); более свободные экономические отношения СССР со странами Третьего мира. Перестройка коснулась даже Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), переживающего сейчас период реформ, которые затрагивают самую основу механизма функционирования этой организации. Со временем эти реформы должны привести к либерализации внешнеэкономических сношений, рационализации ценообразования и конвертируемости социалистических валют.

Изменения, вызванные перестройкой, происходят в очень неблагоприятный момент. СССР столкнулся с серьезными потрясениями на мировом рынке, произошедшиими в 1986 г. (совокупное влияние резкого падения цен на нефть и падения курса доллара), причем это произошло как раз в тот момент, когда Советский Союз решил начать проведение глубоких структурных реформ, откладывавшихся в брежневский период то ли по внутренним соображениям, то ли по причине благоприятной внешнеэкономической ситуации, возникшей в результате нефтяных кризисов 1973 и 1979 гг. Неблагоприятное воздействие внешних обстоятельств смягчалось, по крайней мере временно, огромными размерами и значительным экономическим потенциалом Советского Союза. Тем не менее с началом перестройки торговые и финансовые показатели значительно ухудшились. Общий объем торговли СССР, в особенности с развитыми странами рыночной экономики, снижался последовательно в 1985, 1986 и 1987 гг. Доля этих стран в советском экспорте уменьшилась с 29% в 1984 г. до 19% в 1986 г. (лишь немного повысившись в 1987 г. – до 21%). В области импорта эта доля снизилась с 30% в 1984 г. до 23% в 1987 г. Внешний долг Советского Союза не носит драматического характера, но тем не менее он вырос с 14 миллиардов долларов в 1984 г. до 24 миллиардов долларов в 1987 г. Разумеется, виной тому не перестройка. Конечно, частично вину можно возложить на ухудшение внутреннего экономического положения, вызванного перестроечными встрясками, но главной причиной ухудшения приведенных показателей является неблагоприятная внешняя ситуация. Объективно следует признать, что сейчас внешний сектор не способствует реформам, скорее наоборот; с другой стороны, реформы могли бы увеличить эффективность внешней торговли, хотя лишь в перспективе. В сущности, рационализация внешнеэкономических сношений является предпосылкой осуществления внутренних реформ.

Большинство проблем советских внешнеэкономических связей связано с соотношением плана и рынка. Если верно, что планирование разрушило функции экономи-

ки и привело народное хозяйство СССР на грань склероза, то до какой степени следует восстановить рынок, чтобы придать советской экономике динамизм? Явится ли восстановление рынка гарантией искомых результатов? Всего лишь один пример показывает, насколько сложна и неоднозначна ситуация. Рассмотрим вопрос о конвертируемости рубля. Общепризнано, что одним из условий открытого характера мировой экономики является конвертируемость национальных валют. Реформы внешней торговли лишь подготавливают конвертируемость. Однако ввести ее нельзя, пока советская экономика не станет "денежной" экономикой, то есть пока советские внутренние деньги не приобретут характера всеобщего эквивалента. Отсутствие конвертируемости – основной камень преткновения для функционирования смешанных компаний на территории Советского Союза и существенный расхолаживающий фактор для западных бизнесменов. Целью реформ СЭВ является создание "единого рынка", но он немыслим без прямых связей между предприятиями стран-членов, да и связи эти невозможно установить без конвертируемости национальных валют. Присоединение СССР к МВФ и к Международному банку реконструкции и развития (МБРР) невозможно без введения конвертируемого рубля. И, наконец, каковы бы ни были экономический потенциал и политическая мощь Советского Союза, он не может оказывать влияние на мировую экономику, если не принимает прямого участия в международных движениях валют, то есть если его валюты не является мировой.

Открытая экономика

Какую экономику можно считать открытой?

Ряд критериев ее являются чисто количественными: доля внешней торговли в валовом национальном продукте (ВНП), объем внешней торговли на душу населения, доля страны в мировой торговле. Как и США, СССР – это огромная страна, которая меньше зависит от внешней торговли, чем малые страны. Доля внешней торговли в ВНП для СССР равняется приблизительно 7% (чуть ниже, чем для США), но абсолютные показатели торговли и производства в США намного выше, и по объему торговли на душу населения СССР находится далеко позади США. Там эти показатели вчетверо выше. В мировой торговле СССР занимает седьмое место, на его долю приходится всего 4,5% объема мировой торговли. Следует также учитывать тот факт, что большая часть советской внешней торговли приходится на социалистические страны, и поэтому роль СССР в мировой торговле со странами рыночной экономики второстепенная.

Как можно изменить все это, и что может сделать перестройка?

Один из возможных ответов состоит в том, что более разумное участие в международном разделении труда создало бы возможность продавать необходимые товары на мировом рынке. Для этого нужно знание мирового спроса, способность производить необходимые товары и услуги и возможность, а также умение их сбывать.

Конечно, все это звучит банально. Но в СССР до недавнего времени даже исходный пункт этого рассуждения не признавался. Традиционная система планирования рассматривала внешнюю торговлю прежде всего как средство поставки для внутренней экономики необходимых товаров для выполнения плана, товаров, которые невозможно произвести в стране или которые при внутреннем производстве обходились необычайно дорого (стоимость этих товаров невозможно установить из-за отсутствия разумной системы цен). Другими словами, приоритет отдавался импорту; экспорт существовал как средство покрытия расходов на необходимый импорт. Каким образом? Здесь вступает в действие первый элемент: оценка внешнего спроса. С традиционной точки зрения мировой спрос считается бесконечно гибким для всех товаров, предлагаемых Советским Союзом; тем самым как бы неявно признается, что советское предложение имеет маргинальный характер. Пер-

вое крупное наступление СССР на мировые рынки совпало с резким повышением цен на нефть в 1973 г.; эта ситуация, к сожалению, была очень удобна для реформаторов того периода, стоявших, в сущности, на весьма консервативных позициях: экспортируя нефть, СССР без труда пополнял свои валютные резервы, в которых он так нуждался.

Падение цен на нефть показало всю ненадежность подобных расчетов. Начались лихорадочные поиски: что мог еще бы экспортить Советский Союз, кроме нефти и газа? И тут обнаружилось, что почти ничего, так как в настоящее время СССР не производит современных товаров и услуг, которые можно было бы экспортить в страны с рыночной экономикой. Советскую экономику практически можно открыть только для стран СЭВ и Третьего мира, в то время как для СССР открытая экономика — это синоним более широких и разнообразных связей именно со странами рыночной экономики.

Почему же в СССР не производятся эти товары и услуги? Сейчас, во времена перестройки, дается такое объяснение: потому что централизованное планирование не создает достаточных стимулов для предприятий, лишает их гибкости и самостоятельности, необходимых для производства, способного удовлетворить спрос. Этот ответ содержится в неявной форме в Законе о государственном предприятии 1987 г., создающем в известной мере эти стимулы и предоставляющем предприятию определенную свободу действий, в том числе и в области внешней торговли. Но все это только часть объяснения. Другое соображение куда более серьезно, ибо затрагивает уже структуру советской экономики. Дело в том, что сталинский способ развития экономики ориентировал СССР, как и другие страны Восточной Европы, на гипертрофированное производство средств производства (группа А). Тяжелая промышленность набрала необычайную силу, и политическую, и социальную, ибо она создала огромное количество рабочих мест. Такую силу нелегко подорвать. Перестройку промышленности нельзя совершать немедленно: даже если закрыть нерентабельные предприятия и уволить рабочих, на развалинах черной металлургии не возникнет современная промышленность.

Конечно, столкнувшись с жестким командно-административным управлением и со структурными трудностями, вину за слабость экономики можно свалить на внешний мир. Говорят, что СССР не имеет современной технологии для создания экспортных отраслей промышленности, потому что Запад ограничивает доступ к этим технологиям. Аргумент малоубедительный, ибо хорошо известны возможности советской промышленности в жизненно важных областях. Запад обвиняют также в создании протекционистских барьеров для импорта. Эти барьеры действительно существуют, и малые восточноевропейские страны с ними столкнулись, но СССР (за редкими исключениями) с такими барьерами не сталкивался просто потому, что для этого не было случая. Прежде чем это обстоятельство станет актуальным, необходимо, чтобы СССР убедил иметь с ним дело потенциальных покупателей продукции, которую потенциально могут произвести советские предприятия.

Такое обсуждение проблем открытой экономики может показаться чересчур меркантильным, особенно с точки зрения Советского Союза, где предпочитают говорить о сотрудничестве, а не о торговле. О сотрудничестве мы поговорим ниже; смешанные предприятия должны, по идеи, стать главным инструментом этого сотрудничества. Что же касается чисто "торгового" подхода, то он, конечно, имеет ограниченный характер. Открытая экономика имеет и политические аспекты, некогда нашедшие свое выражение в разрядке, а ныне в новом советско-американском и советско-европейском диалоге. Есть и социально-культурные аспекты открытой экономики. Советскому Союзу будет очень трудно осуществить программу создания открытой экономики, если он не проведет радикальной либерализации в своей информационной политике. Для этого необходимы и такие тривиальные вещи, как свободный доступ к множительным устройствам, и другие, более серьезные шаги в области распространения и передачи информации. Одним из положительных

моментов было бы создание смешанных предприятий именно в этих жизненно важных секторах.

Реформа внешней торговли

Реформа внешней торговли связана с открытостью. Открытость дополняет внутреннюю реформу, привнося идею, которая более нова для СССР, нежели для малых социалистических стран: речь идет о тесной связи внутреннего управления предприятием и его внешнеторговой деятельности. Пока, однако, все это остается лишь в области идей.

Перестройка внешней торговли осуществляется поэтапно. Она была начата совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 г., дополнена и развита постановлением о смешанных предприятиях, Законом о социалистическом предприятии от 30 июня 1987 г. и, наконец, административными постановлениями от января 1988 г.

По логике вещей, экономическая реформа должна была бы предшествовать реорганизации внешней торговли. Но случилось так, что реформа внешней торговли произошла до экономической реформы под давлением внешних обстоятельств: в 1986 г. сложилась ситуация, когда советские предприятия должны были срочно переориентироваться на экспорт готовой продукции, ибо продажа нефти в перспективе не могла обеспечить регулярного поступления валюты в достаточных количествах. Кроме того, такая переориентация могла бы сделать советские предприятия более рентабельными, особенно в области машиностроения. Однако предоставление предприятиям широких прав в области внешней торговли не имело особого смысла, поскольку внутренние методы управления оставались по-прежнему жесткими. Поэтому достижение полного эффекта от реорганизации внешней торговли должен был обеспечить Закон о государственном предприятии от 1 января 1988 г.

Основные меры, предпринятые Советским Союзом в области внешней торговли, таковы.

С августа 1986 г. общее руководство внешней торговлей в СССР находится в ведении Государственной внешнеэкономической комиссии (ГВК). Это орган, созданный для координации, регулирования, контроля и определения стратегии в области внешней торговли, своего рода "сверхминистерство", аналогичное тем, которые были созданы в сельскохозяйственном и агропромышленном секторе (Госагропром), в машиностроении и в области капиталовложений.

Оперативное руководство внешней торговлей сконцентрировано в новом Министерстве внешних экономических связей, объединившем с января 1988 г. прежнее Министерство внешней торговли и Государственный комитет по внешним экономическим связям (ГКВЭС), игравший до того роль своего рода "министерства развития". Цель этой перегруппировки — объединение торговли в строгом смысле слова и экономического сотрудничества с социалистическими странами и Третьим миром; несколько ранее Банк внешней торговли был переименован в Банк по внешним экономическим связям (Внешэкономбанк).

Монополия внешней торговли с августа 1986 г. делится между специализированным министерством по внешней торговле и промышленными министерствами: 20 из них получили право совершения прямых внешнеторговых сделок. Подобное право получили также некоторые предприятия: 68 — в 1987 г. и 77 — в конце июня 1988 г. В то же время союзные республики также получили право прямого доступа на внешний рынок и могут создавать республиканские объединения. Распределение ролей между обновленными традиционными структурами (новое Министерство по внешним экономическим связям) и новыми действующими лицами (промышленные министерства и предприятия) следует директивной линии. Традиционным образом продолжает осуществляться управление торговлей сырьем и горючим, основными продуктами питания (зерно), импортом тяжелого оборудования, экономическим со-

трудничеством, основанным на межгосударственных соглашениях. По новой системе осуществляется торговля готовой продукцией (в основном машиностроительной и химической промышленности). В 1987 г. 25% внешнеторгового оборота СССР пришлось на новые структуры. В результате всех реорганизаций в осуществлении внешнеэкономических связей СССР возникла большая путаница. Большое количество внешнеторговых объединений было расформировано, их кадры переведены в отраслевые министерства с правом прямого доступа к внешнеторговым операциям; соответствующие отделы главков или "фирм" были приданы новым предприятиям-экспортерам. Иностранные бизнесмены потеряли своих привычных партнеров, сеть деловых связей была нарушена; кадры прежних объединений не всегда удачно вписывались в новые структурные подразделения, а причин для этого было немало: одних задела кампания борьбы с коррупцией и многие оказались в тюрьме, другие отказывались работать вне Москвы или переходить на абсолютно незнакомые им предприятия.

В результате всех этих реформ открытие советских предприятий для мировой экономики мало продвинулось вперед. Предприятия не смогли научиться мыслить как экспртеры, они в основном стараются избежать убытков и неприятностей от контактов с внешним миром; одним из способов являются поиски партнеров для создания совместных предприятий, и западных бизнесменов очень часто просят именно об этом.

С 1987 г. предприятия ориентируют на экспорт произведенной ими прибавочной стоимости. Предприятиям разрешают удерживать для себя часть доходов в валюте (точнее, они имеют право на использование этой валюты), но "норма удержания" валюты весьма различна – от 80% для новых технологий до 2% для предприятий, производящих горючее. 1 апреля каждого года Внешэкономбанк СССР должен переводить соответствующие фонды предприятиям за прошедший год. Доходы от экспорта (или стоимость импорта) исчисляются переводом валютных накоплений во внутренние деньги (рубли), как это издавна делалось в малых восточноевропейских странах. Специфика советской системы состоит в том, что в ней применяются многочисленные переводные коэффициенты, что вызывает большую путаницу. Огромное число применяемых коэффициентов оправдывается тем, что внутренние цены в СССР совершенно иррациональны. Однако это искажает оценку реальной эффективности экспорта (или стоимости импорта) и может дать результат, обратный желаемому (породить нежелание экспорттировать). Кроме того, многочисленные и противоречивые правила и инструкции расчленяют управление предприятием вместо того чтобы унифицировать его, и внешняя торговля продолжает рассматриваться лишь как некий малоприятный придаток.

Смешанные компании — замена открытой экономики?

Позднее всех европейских социалистических стран, за исключением ГДР, остающейся бастионом сопротивления, СССР проявил решимость, приняв 13 января 1987 г. указ о создании на своей территории совместных предприятий с предприятиями капиталистических или развивающихся стран. В сентябре того же года в указ был внесен ряд поправок, направленных на упрощение процедур и на предоставление больших преимуществ иностранным вкладчикам. К концу июня 1988 г. на территории Советского Союза было создано около пятидесяти совместных предприятий, из которых лишь шесть были действующими, и от 200 до 300 проектов находилось в стадии разработки.

Пример Советского Союза хорошо иллюстрирует трудность совмещения противоречивых интересов и различных способов функционирования двух экономических систем. Для Советского Союза принятие указа о совместных предприятиях имеет целью создание нового экспортного потенциала, а также позволяет приучить со-

ветских руководителей к западному стилю управления и создает возможность экономить на импорте. Для западных партнеров главный интерес при создании подобных предприятий состоит в выходе на новый советский рынок.

Трудности проявились очень быстро, ибо Советский Союз выбрал решение, противоположное тому, которое сделали другие социалистические страны, а именно: интегрировать совместное предприятие в советскую промышленность. Совместное предприятие не является особым анклавом, руководящие кадры в нем советские, расчеты ведутся в рублях. Однако при установлении долевого участия и цен следует основываться на "мировых ценах"; смешанное предприятие может получить доступ на советский рынок для обеспечения необходимых ему поставок только через посредство какой-либо внешнеторговой организации; финансирование такого предприятия осуществляется только через Банк по внешним экономическим связям. Западные партнеры обеспокоены тем положением, что любые переводы за границу (идет ли речь о зарплате, доходах и т.д.) могут производиться западной стороной только тогда, когда деятельность предприятия дает прибыль в валюте; в сентябре 1987 г. было сделано некоторое облегчение: принято постановление, согласно которому западный партнер может заработать валюту в СССР, если установлено, что продукция или услуги, производимые совместным предприятием в СССР, заменяют импорт и советский клиент может определить цены в валюте. Зарубежные партнеры жалуются на налоги, которые они считают завышенными (хотя они немногим выше, чем в других восточноевропейских странах). И, наконец, неконвертируемость советских денег продолжает оставаться серьезной проблемой. Расчеты совместные предприятия ведут в рублях, и при обменных операциях используется официальный обменный курс. Поскольку официальный курс рубля явно завышен, это также расхолаживает западных партнеров. Эти трудности пытаются обойти путем учета "мировых цен", то есть вводя в неявной форме дифференцированные курсы обмена, "девальвирующие" рубль по отношению к официальному курсу.

Проблема неконвертируемости рубля отразится, безусловно, и на отношениях со странами, входящими в СЭВ.

"Перестройка" СЭВ

Следует ли рассматривать развитие экономических отношений СССР с другими странами СЭВ как признак открытости советской экономики или ее автарического характера? Традиционно западные специалисты (например, американский экономист Ф.Хольцман) всегда считали, что СЭВ по самой своей природе — автарическая организация, призванная ограничивать связи с внешним миром. Следовательно, доля торговли с другими странами СЭВ в общей торговле страны — члена этой организации должна рассматриваться как показатель ее закрытости: чем он выше, тем больше страна-член закрыта для рынка вне СЭВ.

Ныне этот взгляд должен быть пересмотрен.

Прежде всего становится все более трудным измерить эту долю. Для этого необходимо иметь возможность сравнивать реальный объем торговых обменов внутри СЭВ и со странами, не входящими в эту организацию. Практически сделать это невозможно, поскольку торговые обмены производятся в разных системах цен. Для торговых обменов вне СЭВ используются так называемые "мировые" цены, хотя и не вполне последовательно: социалистические страны часто получают меньше от экспорта (особенно когда они применяют демпинг) и платят больше за импорт (особенно малые социалистические страны), чем при обычных торговых отношениях между странами с рыночной экономикой. Для торговли внутри СЭВ применяется своеобразная система цен, производная от мировых цен, но с отставанием по времени и для весьма произвольной номенклатуры товаров, определяемой двусторонними торговыми соглашениями. Складывать стоимости, исчисленные по этим цен-

нам, даже после перевода в единую валюту (доллар), — означает суммировать совершенно разнородные элементы. А если принять во внимание, что многие социалистические страны имеют собственные курсы обмена и не координируют их с другими странами, то сравнение становится окончательно невозможным. Социалистические "цены" выражаются в переводных рублях (расчетная единица, принятая внутри СЭВ), а "внешние" цены — в долларах; курс рубля по отношению к доллару может варьировать в пределах от 1 до 3, в зависимости от того, исходим ли мы из венгерского форинта, румынской леи или польского золотого. Венгрия считается более "открытой", чем ГДР, потому что лишь 50% ее торговли приходится на СЭВ, в то время как для ГДР эта доля составляет 65%; но если Венгрия будет применять тот же коэффициент обмена рубль—доллар, что и ГДР, то и результат получится таким же, как у ГДР.

Во-вторых, если сам СЭВ развивается и все больше ориентируется на "рынок", то уже труднее утверждать, что развитие торговли внутри СЭВ есть синоним автаркии. Разве можно это сказать об отношениях между странами Европейского экономического сообщества? Разве региональным сообществам не свойственно отдавать предпочтение торговле внутри своей зоны?

Рассмотрим последствия этой эволюции.

Если СЭВ станет тем, чем он никогда не был, то есть "общим рынком", то это должно привести к росту взаимной торговли. Действительно, жесткая политика СЭВ имела следствием ограничение торговли между государствами-членами, а не ее развитие. Не раз говорилось, что политика СССР в СЭВ "отсекает" внешних партнеров и вынуждает членов СЭВ вести торговлю только с СССР. Деятельность более сложна. СССР не запрещает своим партнерам вести торговлю с внешним миром. Напротив, интерес СССР состоит в том, чтобы побудить своих партнеров по СЭВ внедриться в другие торговые регионы. Когда страны СЭВ импортируют западную технологию, Советский Союз пользуется этим, потому что эта технология затем экспортируется в Советский Союз; если они импортируют нефть с Ближнего Востока, это позволяет советскую нефть экспорттировать за валюту. Подлинная проблема стран, входящих в СЭВ, состоит в том, что они едва ли лучше, чем СССР, приспособлены к потребностям мирового рынка; они специализируются на производстве "отсталой", с точки зрения мирового спроса, продукции (металлургическая, текстильная, химическая), их оборудование и потребительские товары обычно не достигают западного уровня (или хотя бы уровня "новых промышленно развитых стран"). Это положение создалось в результате того, что после войны они были обязаны следовать сталинской экономической стратегии, отдающей приоритет тяжелой промышленности, даже если они и не располагали необходимыми для этого сырьевыми ресурсами. Создалась ситуация структурной зависимости от СССР, который поставлял им нужное сырье; ни в СССР, ни в других странах нельзя мгновенно изменить эти структуры, а в некоторых странах (например, в Румынии и в ГДР) этого еще и не желают.

Сейчас все европейские члены СЭВ чувствуют себя в этой организации как в ловушке. Велись долгие споры о том, "эксплуатирует" ли СССР своих партнеров или, напротив, СССР несет "имперское бремя" расходов на поддержание СЭВ и за его работу. На самом деле потери несут все: СЭВ — это игра с отрицательным выигрышем. СССР должен развивать свою добывающую промышленность для продолжения поставок партнерам по СЭВ в избыточных количествах, ибо потребление энергии и сырья на душу населения в этих странах значительно превосходит нормы Западной Европы. Происходит это из-за неэкономичности работы гипертрофированной и немодернизированной тяжелой промышленности. В то же время СССР не может получить от своих партнеров необходимых сельскохозяйственных и промышленных товаров. Реформа механизмов функционирования этой организации вряд ли изменит что-либо в скором будущем.

Конъюнктурные изменения не играют в этом плане значительной роли. Между 1973 и 1986 гг. СССР поставлял своим партнерам нефть по возрастающим ценам, но они были ниже мировых цен, что подтверждало тезис о "косвенных поставках" СССР своим партнерам. Это создавало значительные выгоды для его партнеров, но не привело к росту импорта из этих стран. После 1986 г. цены на советскую нефть упали, оставаясь при этом по-прежнему ниже мировых цен. Может быть, таким образом высвобождается экспортный поток на Запад из стран — партнеров СССР по СЭВ? Это не так, ибо то, что продаются Советскому Союзу, не соответствует мировым стандартам и все не могло быть продано на Запад.

Как же понимать принятую реформу СЭВ? Как известно, в 1988 г. страны-члены СЭВ согласились работать над созданием к 2000 г. "объединенного общего рынка". Рынка, составленного из партнеров, торгующих за валюту и по ценам, определяемым на основе соотношения спроса и предложения.

Здесь партнерами традиционно являются государства, которые каждый год в ходе двусторонних переговоров устанавливают списки товаров; торговые обмены вне двусторонних квот незначительны. Каждая сторона стремится получить от своего партнера возможно большее количество товаров, в особенности "твердых", пользующихся наибольшим спросом, предлагая в обмен возможно меньшее количество товаров (особенно "твердых"). Никто не хочет иметь излишков, ибо они рассчитываются в переводных рублях (вводящая в заблуждение единица расчета, которая не конвертируется ни в какую другую валюту и не переводится: в этих "деньгах" один партнер не может заплатить свой долг другому, так как последний принимает только товары). Итак, налицо механизм, разрушающий торговлю: все стараются держаться на самом низком уровне предложения.

Чтобы освободить такой рынок, прежде всего следовало бы разнообразить состав его участников. Совещание СЭВ на высшем уровне в 1988 г. решило, что было бы желательно устанавливать прямые связи, помимо государств, между министерствами и предприятиями. Но торговая роль министерств не определена достаточно четко. Что касается предприятий, то как они могут вести прямую торговлю между собой, когда даже в собственной стране они не имеют прямого доступа на свой рынок, когда и снабжение, и сбыт зависят от жесткого плана? Необходимо, чтобы реформа привела сначала к созданию внутренних рынков, с тем чтобы в дальнейшем смог образоваться международный социалистический рынок. Обескуражающий опыт "прямых связей" в рамках промышленного сотрудничества между предприятиями СЭВ свидетельствует о больших трудностях в этом деле.

Свободное движение товаров и услуг (не будем пока говорить о средствах производства), возможно, помогло бы установлению *рациональных цен*, которые заменили бы нынешнюю систему ложных "мировых цен". Но и это представляется очень трудным делом. Относительные цены (соотношение цен двух данных товаров) в высшей степени различны для разных стран. Возьмем условный и упрощенный пример. В СССР 500 литров бензина стоят столько же, сколько детская коляска. В Венгрии она будет стоить 300 литров. Во Франции (взятой в качестве примера, чтобы представить структуру "мировых цен") она обойдется в 200 литров. К какой же должна быть рациональная цена внутри стран СЭВ? Сторонники "собственной основы" цен в странах СЭВ (менее многочисленные) защищают цены, пропорциональные средним расходам на производство внутри СЭВ (в этом случае коляска стоила бы 400 литров бензина). Большинство же является сторонниками приближения к структуре мировых цен, но расходятся в отношении методов достижения этого. Венгры, например, считают, что каждая страна должна создавать свою собственную систему цен, исходя из мировых цен, конкретно — цен, полученных на мировом рынке за экспортную продукцию (и, кроме того, из импортных цен). Перевод происходит на основе курса, рассчитанного как соотношение стоимости представительной "корзины" товаров в местных и в зарубежных ценах. Естественно, что коррекция цен при помощи этого метода внесет коррекции и в

обменные курсы, пока структура внешних и внутренних цен не совпадет. Для Советского Союза подобный метод неприменим, ибо структура внутренних цен в СССР слишком резко отличается от структуры мировых цен. В случае СССР следует поступить обратным образом: сначала волевым актом административно изменить структуру цен, а затем ввести "реалистический" курс обмена, который явится прелюдией к конвертируемости рубля. В обоих случаях осуществляется желаемый переход к открытой экономике, но разными путями.

Очевидно, что вопрос о ценах тесным образом связан с вопросом о деньгах. С самого начала торговых обменов внутри стран СЭВ они осуществлялись, строго говоря, "без денег"; деньги служат лишь для ведения счета в Международном банке экономического сотрудничества. Как реформировать деньги?

Первый вопрос: а нужна ли коллективная валюта? СЭВ создал такую валюту, чтобы утвердиться в качестве международной организации, но эта валюта никогда не действовала. Как сказал советский экономист Н.Шмелев, это был мертворожденный ребенок. Лучше уж было бы, заявил он, пользоваться "живыми" валютами – форинтами, золотыми, левами, – не забывая, конечно, и рубли!

Но для этого необходимо, чтобы названные валюты действительно были живыми, то есть служили бы прежде всего для приобретения товаров и услуг в своих собственных странах. Увы, это далеко не везде так. В Венгрии "валютизация" экономики дала незначительные результаты; кроме того, покупательная способность денег по самой природе плановой экономики – вещь подчиненная по отношению к бюджетным ассигнованиям. Поэтому Румыния и ГДР отказались идти по пути взаимной конвертируемости национальных валют, вопреки решению совещания СЭВ в 1988 г.

Реформа СЭВ – это процесс вдвое сложный. С одной стороны, она связана с прогрессом в области внутренних реформ. С другой стороны, она следует единой концепции "общего объединенного социалистического рынка", провозглашенной его членами. Будет ли путь экономики, открытой Западу, более легким?

СССР в международных организациях

СССР не является членом больших международных экономических организаций, за исключением организаций, входящих в систему ООН (Конференция по торговле и развитию, Экономическая комиссия для Европы). СССР не участвует ни в работе ГАТТ, созданного в разгар холодной войны, ни в системе МВФ – Международного банка реконструкции и развития, в создании которого в Бреттон-Вудсе в 1944 г. СССР участвовал.

В 1986 г., за месяц до начала переговоров в Пунта-дель-Эсте (Уругвай), Советский Союз направил в ГАТТ письмо, в котором было высказано недвусмысленное намерение принять участие в новом раунде переговоров о вступлении в эту организацию. Просьба была отклонена сначала США, а затем и Экономической комиссией для Европы. Американская торговая делегация подчеркнула, что "советская система международной торговли в основе своей, как практически, так и концептуально, отличается от принципов и практики ГАТТ ("Financial Times" 22 августа 1986 г.). Действительно ли советская система внешней торговли противоречит принципам практике ГАТТ? По своим принципам, несомненно, противоречит, ибо советская система является марксистской, в то время как система ГАТТ – либеральная. Но принципиальное соглашение все же возможно: ведь другие социалистические страны являются членами ГАТТ. Следовательно, вопрос этот имеет лишь практический, точнее – политический характер.

Экономическая сторона дела здесь тоже существенна. Перестройка советской торговли, выдвигающая на первое место торговлю готовой продукцией, немедленно ставит вопрос о конкурентоспособности советских экспортных товаров и о получении Советским Союзом статуса страны наибольшего благоприятствования. В на-

стоящее время почти невозможно оценить экономическую выгоду, которую может получить от этого Советский Союз. Возможно, что советское обращение — помимо политических причин, связанных с большим значением, которое СССР придает своему присоединению к международному разделению труда, — связано еще и со специфическими аспектами многосторонних торговых переговоров, начатых в 1986 г., в особенности в области сельского хозяйства, на случай, если крупные экспортеры продовольственной продукции — и, особенно, зерна — договорятся о большей либерализации торговых обменов, а также об отмене субсидий.

СССР может также получить существенную выгоду от участия в переговорах по торговле услугами. В этой области Советский Союз заинтересован в отсутствии дискриминации и упразднении ограничений в двух планах. Как импортера его затрагивают (впрочем, как и другие восточноевропейские страны) ограничения на экспорт услуг, связанных с передовой технологией: патентов и лицензий, информационного обслуживания и систем связи, не разрешенных к экспорту Координационной комиссией по многостороннему контролю за экспортом (КОКОМ). Как экспортер СССР конкурентоспособен в области страхования и морских перевозок (кстати, в этих областях СССР постоянно обвиняют в демпинговой политике, которую следовало бы точно оценить). В 1987 г. СССР вышел на рынок запуска спутников, проповедуя принцип свободных обменов, которому должен следовать этот вид торговли. Советский Союз намерен выступать здесь в роли защитника либерализма и поставить США и Европу в затруднительное положение (задевая, однако, интересы и позиции развивающихся стран).

Часть западного мира политически противостоит стремлению Советского Союза к экономической открытости. Но участие Советского Союза в ГАТТ вовсе не обязательно окажет на эту организацию неблагоприятное воздействие. Если в ГАТТ допущен Китай, то трудно будет продолжать исключать из него последнюю великую державу, еще не являющуюся его членом.

Для МВФ вопрос стоит по-иному. Ясно, что при нынешнем положении вещей США воспользуются правом вето при попытке вступления СССР в Международный банк реконструкции и развития. Вопрос здесь одновременно и финансовый (СССР хочет играть роль в международной финансовой системе гораздо большую, чем в международной торговой системе), и политический (в связи с проблемой развивающихся стран). В самом Советском Союзе ведутся дискуссии по поводу своевременности просьбы о формальном присоединении к МВФ. Эксперты склоняются к такому решению, в то время как руководство занимает более сдержанную позицию и довольствуется установлением "рабочих контактов" с МВФ в 1988 г. с целью взаимного информирования и поддержания научного диалога.

Означает ли это, что СССР сам себя сдерживает из принципа или же он считает себя неспособным оказывать влияние на мировую экономику?

Может ли Советский Союз стать влиятельным фактором в мировой экономике?

Мир современной экономики характеризуется большой взаимозависимостью и все большей поляризацией интересов. СССР включен в эту систему взаимозависимости, но не смог создать вокруг себя полюса экономической мощи.

Экономические взаимодействия СССР с другими странами мира являются, с его точки зрения, пассивными. СССР не стал заметной экономической державой ни в качестве покупателя (хотя он сильно влияет на мировой рынок, особенно зерновой), ни в качестве продавца (в начале 1980-х гг. шло много разговоров о зависимости Западной Европы от поставок советского газа, но страхи оказались необоснованными), ни в качестве кредитора (для стран Третьего мира или восточноевропейских стран), ни в качестве получателя кредитов. Напротив, он более решительно сопротивляется зависимости от остального мира, чем его младшие

партнеры по СЭВ: эмбарго и бойкоты не затронули его (даже технологическое эмбарго; с этой точки зрения технологическое отставание объясняется больше внутренними причинами, чем внешними).

Может ли СССР оказывать влияние на мировую экономику в качестве экономически мощной державы? Ответ на это должен быть дан отрицательный. СССР и Восточная Европа не стали пока четвертым полюсом мирового экономического развития вслед за США, Западной Европой и Японией. Советские экономисты полагают, что это является результатом технологического отставания страны. Я, со своей стороны, считаю, что это происходит по причине глубокого непонимания экономики капиталистического мира. Они плохо понимают финансовые структуры, появление экономики услуг, новых возможностей наднациональных объединений. Усвоить все это можно, лишь засев за изучение капитализма и учась у капитализма. Но как далеко можно зайти в этом смысле, сохранив специфику социалистической системы? И в то же время, долго ли социализм может оставаться изолированным анклавом в капиталистическом мире? ●

Французский экономист Мари Лавинь – профессор Парижского университета, директор Международного центра экономики социалистических стран. Она занимается изучением советской экономики с 1958 г., регулярно посещает Советский Союз. После ее доклада наш специальный корреспондент Кронид Любарский взял у М.Лавинь интервью.

Со временем написания вашего доклада произошли события, которые вносят ряд корректировок в нарисованную картину. В частности, Советский Союз стал крупным получателем кредитов: ряд государств согласился предоставить ему значительные суммы, в общей сложности около 9 млрд. долларов. Чем вы объясняете такой "прорыв" Советского Союза в этой области?

Меня саму очень удивил этот поворот. Ведь до недавнего времени официально считалось, что нельзя брать слишком много кредитов. Я помню, как критиковали Н.Шмелева за его выступления в пользу кредитов. На одной из конференций, в которой я участвовала в начале сентября 1988 г., кажется, А.Аганбегян говорил, что брать кредиты, конечно, можно, но так, чтобы общая сумма выплат и процентов не превышала 25% экспорта в валюте. После всех сделанных займов сумма эта находилась на уровне 20%, что, конечно, весьма умеренно. Каждый банкир скажет вам, что это пустяк. Но сейчас, после последних, 9-миллиардных, займов величина эта, конечно, резко повысится, даже если СССР будет платить самые низкие проценты (а проценты эти действительно очень низки). Почему это было сделано? Я думаю, это результат решений, принятых в конце сентября – начале октября в связи с отрицательной оценкой эффективности реформ внешней торговли. Они, очевидно, решили, что так больше продолжаться не может: раз мы не можем, что совершенно ясно, заработать валюту через экспорт, а импорт нам нужен, то размышлять долго нечего – надо взять взаймы крупную сумму для импорта технологий.

Вы сказали – для импорта технологии. Как известно, все последнее время, при Горбачеве, шло резкое сокращение импорта, в частности импорта потребительских товаров. Это странно. Казалось бы, с политической точки зрения чрезвычайно важно было бы значительно поднять импорт потребительских товаров, чтобы продемонстрировать конкретный результат перестройки. Что вы об этом думаете?

Да, в этом именно и состоит тезис Н.Шмелева. Но для меня совершенно ясно, что кредиты не будут использованы для импорта потребительских товаров. Что еще не совсем ясно – будет ли на них закупаться технология для производства этих товаров. Кажется, в этом направлении делаются шаги. Я лично считаю, что потребительские товары Советский Союз вполне может закупать из соцстран. Для советского покупателя эти товары – вполне удовлетворительного качества.

Вы думаете, что соцстраны могут насытить советский рынок?

Насытить не могут, но какой-то вклад в это, безусловно, могут внести. Другое дело — хотят ли они этого. По-видимому, это совсем не вызывает у них энтузиазма. Но что-то они должны продавать Советскому Союзу, ведь он продает им нефть, газ и т.п. Так что у СССР есть пространство для маневра: меньше покупать машин, больше — потребительских товаров и т.д.

А какова была цель сокращения импорта потребительских товаров? Чем это было вызвано?

Хотели вообще сократить импорт, экономить валюту. Советский Союз не мог ее заработать и не хотел влезать в долги.

Можно ли рассматривать новый подход к проблеме кредитов как знак большей готовности СССР к "открытию" своей экономики?

Недавно Бернар Гета в газете "Le Monde" рассказал о своих интересных беседах в ГВК и ЦК КПСС. Ему сказали примерно так: раньше мы считали, что есть экономика капитализма и экономика социализма. Теперь мы поняли, что есть только одна мировая экономика и мы должны в нее включаться. Сказано было все-го лишь: *одна экономика* — и все, без уточнений. На мой взгляд, надо было пойти дальше и сказать: существует *только одна мировая экономика — рыночная, капиталистическая*. Не знаю, дойдут ли они когда-либо до этого. У советской экономики есть только один выбор — либо стать рыночной и включиться в мировую экономику, либо перестать быть экономикой вообще.●

Валерий ЧАЛИДЗЕ
(Вермонт, США)

ОДНОПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Однопартийной системой я называю систему не обязательно с одной партией, но с одной сильной, с одной правящей партией.

Казалось бы, речь пойдет о парадоксе, казалось бы, не может и быть такого монстра, как однопартийная демократия. Не будем, однако, спешить. Многообразие форм общественного устройства, по-видимому, непредсказуемо, тем более — форм устройства демократического, ибо демократия сама по себе в родстве с многообразием.

Нелишне подчеркнуть, однако, что говорить об этом монстре можно по-разному. Честно, если человек искренне полагается на многообразие, на неисчерпаемость возможностей конструирования общественных форм. Нечестно, если кто-то даже из лучших побуждений решит, что раз перестройка — это хорошо, то давайте назовем демократией все, что бы ни получилось в результате. Или иначе: однопартийность дана, от нее никуда не деться, но вот мы добьемся либерализации существующей диктатуры и давайте назовем это демократией. Перестройка открывает возможности не только для создания новых интересных структур, но и возможности для новой волны подмены понятий, для новой мифологии. Надо об этом помнить и этого опасаться.

Давайте обсуждать честно, но тогда общепринятое не должно считаться очевидным. Надо заново анализировать то, что давно устоялось в умах, а именно: правда ли то, что в СССР есть однопартийная система? Я здесь излагаю свой

подход, но весьма рекомендую желающим альтернативный подход Л.Баткина в сборнике "Иного не дано".

Я думаю, что однопартийной системы в СССР нет, если в понятие партии вкладывается обычный смысл. КПСС была партией, когда были в стране и другие партии. Партия – это группа политических активистов, представляющая часть народа, оттого и само слово "партия", то есть часть. Даже после разгона всех других партий партия большевиков могла все же считаться партией, ибо претендовала на то, что представляет часть народа – рабочий класс. Теперь же советская партия претендует на то, что представляет весь народ. Уже из этого видно, что это не партия, это – что-то иное.

Однако представляет ли она весь народ? По-видимому, нет, да в системе представительной демократии, какой формально является Советский Союз, никакой группе и не нужно представлять весь народ, он сам себя представляет Советами депутатов. Последние 70 лет советской истории – это период торжества подмены понятий, и "партия" – одно из понятий, подвергшихся подмене. Строго говоря, в Советском Союзе нет ни одной партии. Там есть хорошо организованная властующая элита, которая по традиции называет себя партией. История не дает простой аналогии для характеристики этой элиты. Можно сравнивать эту элиту с рыцарским или религиозным орденом, с дворянским сословием, но никакая аналогия не даст полной картины. Это явно что-то новое, и, может быть, потому так легко люди приняли эту подмену понятий, называя КПСС партией.

Так же по традиции эту партию считают наследницей революционной партии большевиков. Но и здесь традиция приводит к подмене понятий. У этой советской партии-элиты нет ничего общего с партией большевиков, кроме остатков явно устаревшей фразеологии. Сталин практически полностью вычистил эту партию от большевиков, построив на месте их партии элиту карьеристов.

В Советском Союзе "карьерист" – это плохое слово, но давайте разберемся. Карьерист стремится к продвижению в общественной иерархии, он хочет руководить, он хочет что-то значить, он хочет лучше жить. Хорош он или плох, зависит от его методов и от общественных условий. Для нас важно, что быть карьеристом – естественно для активных людей в обществе. Это приводит нас к выводу, что советская партия – это не просто элита, созданная по искусственноому признаку, а элита, составленная из активных людей. В других странах бывало, что исторически сложившаяся элита играла существенную роль в управлении делами общества, и это не всегда мешало развитию демократии. Таким было дворянство в Англии, таким был слой землевладельцев в Соединенных Штатах. Это иногда замедляло демократизацию, но в определенных случаях может быть благом. Не единственность партии, не существование элиты – препятствие для демократизации, а то, какая эта партия, какая элита. Важно – способен ли этот социальный слой к внутренней демократизации.

В своей книге "Будущее России" в 1983 г. я назвал советскую партию народным диктатором, ибо партия вбирает в себя активных людей почти из всех слоев общества. Я думаю, что это уже облегчает задачу демократизации. И теперь появилась надежда, что эта партия станет в меньшей степени диктатором и в большей степени – народной силой.

Таким образом, я делаю вывод, что наличие советской партии-элиты не исключает возможность демократизации. Речь, строго говоря, должна идти не об однопартийной демократии, а о демократии беспартийной, когда страной правит традиционная элита. Вопрос в том, захочет ли эта элита поделиться властью с народом. И тут возникают трудности. Похоже, что руководство советской партии во главе с Горбачевым поняло, что партия просто не справилась со своей ролью абсолютного и элитарного диктатора. Страна по меньшей мере не благоденствует. Но прямо заявить об этом, сказав: "Мы не справились", – никто, конечно, не рискнет. Ибо тогда надо отдать власть кому-то другому. Когда говорят "иного не дано", я думаю, имеют в виду, что у партии нет другого выхода. Если дела

и дальше пойдут так скверно, партия может потерять власть. Но это то, что понимает руководство. Неясно, однако, понимает ли это партия или ее средний слой. Судя по поведению на местах, судя по партконференции, все хотят что-то изменить, но не хотят поступиться властью.

В этих условиях следующие меры, частично уже принимаемые, кажутся мне особенно разумными.

В первую очередь это – подчинение партии законам государства, создание таких условий, чтобы правящая партия-элита влияла на управление страной через законы, а не через отступления от законов. Это необычайно трудная проблема, ибо страна не привыкла к четким законам, а партия не привыкла считаться с законами. Я скажу даже более резко: теперь партия – это хорошо организованный заговор против законов государства. Ни судья, ни милиционер, ни директор завода обычно не ответственны за нарушение законов, если на это было благословение партийного начальства. В этом главный смысл партийной номенклатуры: доверяют своим, тем, с кем вместе можно безопасно нарушать законы. Я говорю не о коррупции, а о повседневной управленческой деятельности. Ленин, как известно, на законы слишком не полагался, предпочитал революционную совесть, но в то время все же был издан декрет об условиях, при которых можно нарушать законы. Теперь это делают не по декрету, а просто не считаются с законами.

Подчинение партии законам не станет правилом, если они будут писаться как пожелания, а не как законы.

В Советском Союзе утрачена культура законодательной техники. Размытость законов не может не повлечь произвола. Если в СССР когда-нибудь захотят научиться писать непротиворечивые законы, я посоветую, как это сделать. Пусть каждый законопроект отдают на рассмотрение комиссии из преступников, адвокатов и остромыслящих студентов, пусть установят премии за лучшие идеи, как обойти такой закон, если он будет принят. Если бы, например, закон о кооперации прежде его принятия дали на рассмотрение комиссии взяточников, я думаю, удалось бы избавиться от многих положений этого закона, которые теперь несомненно будут содействовать коррупции.

Часть проблемы, связанной с законодательной техникой, – это необходимость отказа от идеологии в законах. Я считаю, что если, например, в законах или конституции будет упомянуто слово "социализм", то этому понятию надо наконец дать четкое юридическое определение, иначе именем социализма опять будут твориться любые беззакония. Идеологические отступления в законах – это путь к нечестному их толкованию, путь к нарушению норм права.

Другая важная проблема – отказ от законодательного и конституционного закрепления руководящей роли партии. Что бы ни подразумевалось под таким закреплением, на практике это будет истолковано как разрешение партийным органам нарушать закон, когда они сочтут, что это делается "для пользы дела". Такое закрепление роли партии доведено до анекдота в Законе о государственном предприятии. В нем сказано о выборах совета коллектива, но при этом надо обязательно выбрать в этот совет партийного представителя. Какие же это выборы, если трудящиеся не свободны не избрать тех, кого они не хотят? Опять подмена понятий, и это при самом построении основ желанной демократии!

Теперь много говорят о внутрипартийной демократии. Но есть по крайней мере три проблемы, небрежение которыми оставит эти разговоры на бумаге. Первое – это подбор руководящих кадров, номенклатуры, а если говорить шире, – то обстоятельство, что партия является иерархическим монополистом в обществе. Надо дать народу возможность иерархического самоопределения, возможность уважать и выдвигать тех, кто достоин народного доверия и уважения. Об этом теперь говорят, но маловероятно, чтобы партия без большой борьбы оставила свои позиции. Для этого требуется мудрость и не только мудрость руководства. Быть может, для начала следовало бы установить, что некоторые посты должны заниматься только беспартийными. Если это окажется возможным, то в первую очередь это

должно быть распространено на судей. Это даст больше надежды на то, что партия будет подчиняться законам.

Вторая проблема, связанная с демократизацией партии, о которой, кажется, не говорят, — это уважение партии к своим членам. Теперь партия исполняет функции политической полиции в отношении своих членов. В партии есть информаторы, на членов партии ведутся личные дела, в которые могут записываться даже неосторожные высказывания и любовные похождения. Это оскорбительно и недопустимо в цивилизованном обществе. Как можно добиться демократизации политической полиции? Только одним способом: надо перестать быть политической полицией!

Третья проблема — это демократический централизм. От него не планируют избавляться, но я надеюсь, что жизнь рано или поздно заставит от него избавиться. Следование этому принципу привело и партию, и страну ко многим бедам, ибо элитет "демократический" не меняет природы этого принципа. Это принцип диктатуры руководства. Непохоже, чтобы в эту перестройку мудрые люди смогли всерьез добраться до этого принципа. Быть может, партия станет немного более демократической и немного менее централизованной. Но кто осмелится бросить вызов самому этому принципу?

Боятся анархии, боятся неуправляемости в партии. Но федерализм — это не анархия. Федерализм в партии, упрощенно говоря, означал бы, что решения съезда и центральных органов партии обязательны для партии, но только для всех одинаково и только в пределах компетенции этих центральных органов. Это означало бы невмешательство в дела местных органов, невозможность указать или рекомендовать, кого избрать секретарем местного органа. Это означало бы демократию и немедленно отразилось бы на всей стране, ибо нет сомнения, что страна еще долго будет подражать повадкам своей элиты. И в этом своем подражании будет угадывать настроение власти имущих, прежде чем выскажет свою волю, даже если ей дадут возможность высказаться.

Попробую теперь посмотреть на проблему с другой точки зрения. Попробую обсудить ситуацию в терминах нравственного развития. Эволюцию победившей революционной партии можно описать такой цепочкой: герои, фанатики, циники. Замкнуть эту цепочку могут вчерашние циники, которые под влиянием изменившихся общественных условий, под влиянием возросшей в обществе культуры считут и равенство и поделиться завоеванной властью с обществом. Не это ли происходит, точнее, начинает происходить теперь в Советском Союзе? Если это так, то надежд на то, что все желаемое произойдет — больше, чем в случае, если причина перестройки — чисто прагматическая. Надежд больше потому, что прагматические рычаги изменений в обществе не мотивированы нравственно. Те же рычаги могут двинуть общество в обратном направлении, в слепом поиске нужного результата.

Как понять, каков характер поиска в Советском Союзе? Думаю, можно судить так. Если это — нравственный поиск, то при любых шатаниях, даже при некоторых отступлениях, перестройка в СССР — это победа культуры. Подчеркну: сама перестройка, не обязательно победа перестройки. Если это победа культуры, то это начало плюрализма в обществе, а поскольку плюрализм — это непременное условие демократии, то это также и начало демократии. Это уже другой вопрос, как пройдут выборы, как скоро они станут настоящими выборами. Это другой вопрос, через сколько десятилетий критики признают, что в СССР установилась демократия. Важен рост плюрализма в стране. Это — главный индикатор.

Если не будет заметного роста плюрализма, плюрализма во всем — в идеях, в организационных формах, в иерархическом самоопределении народа, если не будет роста терпимости к многообразию и дифференциации общества, то, значит, позыв к перестройке — чисто прагматический. Тогда обратное движение вероятно, тогда не достичь необратимости.

Разумеется, нравственность правителей любого ранга – это не то, на что общество может полагаться. Само устройство общественных институтов должно быть таково, чтобы обеспечить нравственность правления даже при безнравственных правителях. Но это другая проблема. Здесь я говорю лишь о том, что, возможно, теперь нравственность правителей сравнительно выше, чем была раньше.

Важен, конечно, вопрос, насколько устроители перестройки понимают, что такое демократия. Если разговоры о какой-то особенной социалистической демократии – это политический прием, чтобы преодолеть существующие предрассудки и недоверие консерваторов к народу, то я такой прием понимаю. Если же это – следствие непонимания беспартийности, внеидеологичности демократических принципов, то тогда это не демократия. Это еще один ее суррогат.

Тогда это способ дать народу лишь столько свободы, чтобы он разоблачил отдельные недостатки, но не допустить его к обсуждению целей и методов власть имущих. Теперь, пока это внове, народ примет такой суррогат, но это будет не демократия. Это будет та же диктатура, лишь более либеральная, и народ поймет это. Народ легко обмануть, но он обычно знает, когда его обманывают.

Демократия бессмысленна, а может быть, и опасна без плюрализма в обществе. Плюрализма идей, ассоциаций, организационных форм, плюрализма в культуре и вере. Такой плюрализм невозможен без обеспечения всего комплекса гражданских, политических и культурных прав человека. Этот комплекс непартиен и внеидеологичен. Партийным этот комплекс становится, когда его ограничивают в угоду какой-то идеологии, когда народу подсовывают урезанные права или говорят, что одна группа прав важнее другой. Вспомните традиционный советский тезис о приоритете социально-экономических прав перед гражданскими и политическими. Поэтому когда я слышу о социалистической демократии не как просто о демократии при социализме, а как о какой-то особой форме демократии, я становлюсь подозрительным.

Прежде всего я подозреваю, что имеют в виду демократию с ограниченным плюрализмом, что имеют в виду власть организованного, послушного большинства. Но это не демократия. Демократия – это не власть большинства, это власть народа. Меньшинство должно иметь защищенные обществом права влиять на ход событий, агитировать, добиваться пересмотра решений. Ибо меньшинство, вплоть до одного человека – это часть народа, а у народа – власть, значит, даже у одного человека – часть этой власти. И это плюрализм – позволить идеяным меньшинствам в обществе говорить, пропагандировать, переубеждать большинство.

Если бы в стране не было инакомыслия, его надо было бы культивировать, прежде чем насаждать демократию. К счастью, этой проблемы нет. Инакомыслия в СССР более чем достаточно. Надо только научиться слушать несогласных, надо создать такую атмосферу в стране, чтобы этим несогласным не надо было бы быть смельчаками. Ибо своим несогласием они служат своему народу, обогащают спектр общественных мнений. Без них не будет демократии.

Заключая, замечу еще раз, что элитарный путь развития демократии испробован человечеством и, как видим, – успешно. Когда-то казалось естественным, что именно элита постепенно получает все больше возможностей для участия в развивающемся демократическом устройстве. Постепенно в демократический процесс включались все новые слои. В США, например, эта постепенность дошла до наших дней: черное население лишь теперь включается в процесс управления обществом. Однако в России не так просто будет полагаться на постепенность. Там много нетерпеливых, и идея равенства уже провозглашена в этой стране. Там нельзя постепенно включать в демократический процесс одни слои населения за другими. Все, чтодается, должно даваться всем сразу. Поэтому демографическую постепенность надо заменить постепенностью увеличения объема участия всего народа в управлении страной. Я думаю, что это разумно и возможно. ●

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НАРОД

Беседа с Натаном Эйдельманом

Известный советский историк Натан Яковлевич Эйдельман родился в 1930 г. В 1952 г. окончил исторический факультет МГУ, работал преподавателем в школе, откуда был уволен в 1958 г. в связи с причастностью к известному политическому делу группы Л.Краснопевцева. После этого работал в музее г.Истра (Московская область). В период работы в музее заинтересовался А.Герценом и его временем, затем декабристами и А.Пушкиным. С тех пор много и плодотворно работает как историк в этих и смежных областях.

Н.Эйдельман – автор многочисленных, пользующихся большой популярностью, книг. Первая его книга – "Герценовский "Колокол" – вышла в 1963 г. Затем последовали (если называть лишь некоторые): "Тайные корреспонденты "Полярной звезды" (1966 г.), "Лунин" (1970 г.), "Секретная политическая история России XVIII–XIX веков и вольная печать" (1973 г.), "Пушкин и декабристы" (1979г.), "Грань веков: политическая борьба в России" (1982 г.), "Александр Радищев" (1983г.), "Обреченный отряд" (1988 г.) и др. Недавно журнал "Наука и жизнь" закончил публикацию большой работы Н.Эйдельмана "Революция сверху" в России". Сейчас Н.Эйдельман пишет книгу о декабристе Владимире Раевском.

С Н.Эйдельманом беседовали К.Любарский и Б.Хазанов.

Натан Яковлевич, только что в журнале "Наука и жизнь" закончилась публикация вашей большой работы о "революциях сверху". Очевидно, вы эту тему выбрали не случайно? Сейчас, когда мы переживаем одну из таких революций, естественно обращаться к урокам прошлого.

Да, конечно, в этой работе заложена некая форма того, что я вообще намерен делать в ближайшее время: тема "продленного прошлого". Область моих профессиональных интересов – это XVIII и XIX века. Там я специалист. Но меня все время интересует связь – косвенная и прямая – вопросов, возникавших в те далекие времена, с сегодняшним днем.

Давайте в нашей беседе рассмотрим один из таких вопросов – проблему, которую можно обозначить так: "Интеллигенция и народ". Именно в периоды революций – как "сверху", так и "снизу" – проблема эта стоит особенно остро, хотя каждый раз по-разному. В чем вы видите сходство и в чем различие постановки этой проблемы раньше и сейчас?

Слово "интеллигенция" появилось во второй половине XIX века, но само явление куда старше: мы говорим, например, о "дворянской интеллигенции", хотя она и не знала, что она так называется. Мне кажется, важнейшее событие нашего "продленного прошлого" произошло при Петре Великом. Событие это, по-моему, уникальное, ему нет аналогий в других странах, и оно дает себя знать до сей поры. Произошел огромный, неслыханный для других, западных, стран разрыв между верхами и низами. Интеллигенция, образованное сословие, в этот период была

преимущественно дворянской, принадлежала к верхам, так что это событие напрямую связано с поднятой вами проблемой. Хотя можно говорить о разрыве верхов и низов и в более широком смысле.

Еще Дидро заметил, что в России дворцы слишком богаты, а хижины слишком бедны. В ней нет прослойки, нет третьего сословия, нет среднего звена, нет смягчающих рессор. Дидро предсказывал, что неизбежно одно из двух: либо в этой стране нарастет, говоря словами Екатерины, "среднее состояние", и тогда осуществляется европейский вариант, либо произойдет взрыв. Иностранцы вообще замечали эти крайности российского общества больше, чем сами русские. Маркиз де Кюстин позже тоже предсказывал нечто подобное.

Разрыв между двумя полюсами общества в России был, действительно, чрезвычайно велик. Дело не только в том, что интеллигенция принадлежала к богатым верхам, а низы были бедны. Разрыв во многом имел духовный характер. Он касался даже внешних атрибутов. Мало мы найдем в мире стран, где верхи говорили бы преимущественно на другом языке, нежели низы, — верхи по-немецки или по-французски, а низы по-русски. Одежду верхи носили короткую, по понятиям крестьянина — не-приличную, непохожую на длинную крестьянскую одежду. Скажем, царь Алексей, отец Петра, был понятен народу: ходил с бородой и в длинной одежде, пусть и был богатый. А в короткой одежде и в парике, да без бороды! — совсем срамное дело.

Развитие науки, культуры, просвещения рассматривалось населением как барская забава. Того "буржуазного" интереса к производству, к технике, который наблюдался в Европе, в России практически не существовало. Конечно, реальная ситуация была сложнее. Интеллигенты появлялись и среди бедных: мы знаем, что Ломоносов учился "на медные деньги", беден был Крашенинников, но все-таки преимущественно наличие ученого звания было привилегией дворянства. Разрыв был настолько велик, что я не вижу ему аналогий в других странах. Этот разрыв сказался и на народной психологии, и на взгляде верхов на низы. Верхи в течение длительного времени смотрели вниз лишь презрительно, для низов же верхи были почти чуждым сословием, "немцами".

Заполнением этой пропасти занимались лучшие люди России, начиная с Радищева. Были озабочены этим и декабристы, Пушкин. Они думали о прокладывании путей к народу, но сами еще были порождением этой чудовищной пропасти. Герцен, славянофилы, Киреевский постепенно начали проникать в эту "неизвестную страну". Много позже (я пропускаю целые десятилетия) появляется идея "неоплатного долга". Произошло это с расширением понятия "интеллигенция": интеллигенция становится не только дворянской, но и разночинной, то есть полународной. Но и вышедшие из низов интеллигенты понимали, что принадлежат к высшему сословию, и ощущали свой долг: "Мы образованные, мы живем лучше, мы должны вернуть долги..." Эта постановка вопроса очень нравственная, во многом именно с нею связана высокая историческая репутация русской интеллигенции. Но вот что парадоксально — несмотря на все попытки заполнения пропасти, она, эта пропасть, оставалась. Я вспоминаю фразу Лаврова (ее любил цитировать Бердяев) о том, что он, конечно, готов служить народу, но ежели народ ворвется в его дом и будет сжигать его книги, опрокинет бюстик Белинского, то он будет защищаться. Бердяев заметил при этом, что Белинский (а отчасти и Лавров) сам разжигал революционные страсти народа, а то, что тот идет на такие крайности, — это результат все той же пропасти, непонимания между верхами и низами.

В общем было сделано множество попыток — пушкинская попытка, славянофильская попытка, народническая попытка и т.д. — заполнить эту пропасть, найти с народом общий язык. Иногда бывали люди, что этот язык находили, но в целом гигантская пропасть оставалась, и народ сохранял очень многие свои предрассудки и устои. Протест народный истолковывался односторонне, недооценивались и другие его качества...

Вы считаете, что не было в российской истории периода, когда эта пропасть была заполнена полностью?

Нет, конечно. Славянофилы, как известно, даже оделись по-народному, но Чадаев ехидно заметил, что народ счел их персиянами. Кажется, лишь Плеханов сумел найти этот общий язык, да и то потому, что не прикидывался, что он "из простых". Это было понятней. А когда приходили барышни или образованные господа и начинали говорить "по-народному", то у народа это вызывало лишь подозрение и еще большее отчуждение.

Примерно в последней трети прошлого века начало довольно быстро расти и укрепляться купечество — нечто подобное среднему классу западных государств. Можно ли считать, что это было в какой-то степени заполнением той пропасти?

Да, я пропустил этот период как несбыившийся. Этот вариант, как я полагаю, был наиболее реальным — вариант развития буржуазии. Столыпинский проект, буде он осуществился бы, — расширение буржуазного начала в крестьянстве — через несколько десятилетий мог бы привести к созданию более европейской общественной структуры. Думаю, что это и было бы то последовательное, естественное заполнение, которое мы видим в европейской истории — пусть запоздалое.

Считается, что революционное движение сделало успехи в конце прошлого и начале нашего века именно благодаря тому, что революционные партии сумели найти общий язык с народом.

Это в немалой степени так, но ведь использовать народные лозунги или дать ему их — это еще не значит заполнить пропасть. Народ, мы знаем, шел и за царем. С 1830-х гг. и почти до самой революции лозунг "Самодержавие — православие — народность" был основным идеологическим лозунгом власти, и царь пользовался большим кредитом у народа. Но из этого не следует, что они "сливались". Конечно, идеи передачи земли крестьянам, выхода из войны и т.п. были популярны. Эти требования родились в недрах народа, они шли снизу. Сейчас распространено убеждение, что революция была привнесена в страну интеллигентами, что она народу была не нужна. Нет! Все главные идеи революции родились из народных потребностей. Другой вопрос — как дело обернулось потом.

Считаете ли вы, что революция была в полном смысле слова неизбежной?

Я думаю, что — да. Возможны были разные варианты революции. Революция 1905 г. была не похожа на революцию 1917 г., революцию, происшедшую в условиях чрезвычайных, в условиях войны. Революция 1905 г. была в большей степени, на мой взгляд, революцией снизу, чем революция 1917 г., где большую роль сыграл центр. Большевики имели за собой около четверти населения, но все же взяли власть, потому что у них было большинство в решающих центрах.

Да, революция была неизбежной. Я даже сошлюсь на великую русскую литературу, которая, независимо от отношения тех или иных писателей к революции, начиная с Радищева, предчувствовала, что дело к этому идет. Я вообще хочу написать работу на тему предчувствия в российской литературе. Вспомните хотя бы лермонтовское: "Настанет год, России черный год, когда царей корона упадет..." Страшные стихи.

Итак, совершилась революция. Смогла ли она заполнить пропасть между интеллигенцией и народом?

Идея, что революция должна заполнить эту пропасть, исправить несправедливость, возникла давно. Ождалось, что революционная интеллигенция сольется с

народом, государство станет народным, и все устроится наилучшим образом. И вот революция грянула...

Если пропустить первые революционные годы, годы военного коммунизма, то в 20-е годы могло создаться впечатление, что поставленная задача хотя бы отчасти выполнена: та интеллигенция, которая не пожелала принять революцию, эмигрировала, а та, которая ее приняла, или по крайней мере была лояльна к ней, включилась в структуру народного государства.

Тут наступил важнейший, я считаю, момент русской истории: интеллигенция сама стала народом. По своему материальному положению, по тому пренебрежению, с которым к ней относились власти, по ограничениям, которым она подвергалась, интеллигенция перестала отличаться от народа. Судьбы народные, судьбы интеллигенции сливались воедино. В "Собачьем сердце" Булгакова ситуация еще иная, профессор в общем живет лучше, чем Шариков, но вскоре это кончится. Ситуация, рассмотренная статично, не в движении, выглядит довольно оптимистически: народ получил, чего добивался, интеллигенты, — те, которые приняли революцию, — остались с народом и служат ему. Так у нас написано в учебниках, и так это все до сих пор подается. Между тем важнейшей особенностью ситуации была ее неустойчивость. Не было той гарантированности, которая, как нам известно по западной истории, обеспечивается появлением третьего сословия, что тоже в свою очередь связано с различными гарантиями: государственными, правовыми и т.д. Крестьяне у нас получили землю, но земля не была им гарантирована. Что же касается интеллигенции, то еще в первые годы революции часто повторялась формула об интеллигенции как о некоем весьма подозрительном слое, который не хочет служить новой власти и т.д.

Знаменитое высказывание Ленина об интеллигенции как о "говне", думающем, что оно мозг нации.

Да. А с другой стороны, какие-то комплименты той части интеллигенции, которая признала новую власть. На эту ситуацию обращал внимание Короленко в своих письмах Луначарскому, которые сейчас у нас опубликованы. Но вот к концу 20-х, в начале 30-х гг. вообще меняется само понятие "интеллигенции". Встает вопрос, что же такое теперь интеллигенция? Или это "образованщина", если употребить известный термин? Число грамотных увеличивается, хотя мы и знаем сейчас: цифры эти сильно завышены. Даже число неграмотных или малограмотных руководящих работников было очень велико. Формально, скажем, Хрущев или Брежnev имели образование, но, как шутил Светлов, "высшее образование, без среднего".

Если же говорить об интеллигенции в старом понятии, то у нее было как бы три пути. Ну, один путь уже обозначен: эмиграция, белое движение... Часть интеллигенции ушла на Запад. У той части, которая приняла революцию, был второй путь: держаться первоначальных исходных идей 20-х годов, идей равенства, идей относительной — хотя бы на партийном уровне — демократии. Бухарин — типичный пример такого человека, который выступил против чрезмерного наступления на крестьян и за сохранение иллюзорного, на мой взгляд (в смысле — негарантированного), уровня свобод 20-х годов.

И третьим выходом для интеллигенции было приглашение работать в новом крепнущем государстве, служить в новом крепнущем слое, благо были получены огромные средства, в значительной степени (мы теперь это понимаем) за счет ограбления крестьян. В это время вводятся академические ставки, позже — знаменитые сталинские "конверты". Любопытно, что процесс поощрения этой части интеллигенции параллелен процессу поощрения бюрократии.

Какая-то часть интеллигенции привлекается и к управлению. Но тут встает вопрос: интеллигент или нет, ну, скажем, Фадеев — руководитель Союза писателей?

Он же руководит Союзом писателей, он же управляющий, но с другой стороны, писатель — это традиционно интеллигент. Тут начинается размытость понятий. Для меня лично понятие "интеллигент" имеет две стороны. Первая — удовлетворяет ли он определенным нравственным критериям. Вторая — чисто образовательная сторона дела, профессиональная.

Велик ли был слой, который в эти годы выдержал проверку по первому критерию?

Думаю, что таких людей было немало. С другой стороны, многие инженеры, люди технической интеллигенции даже считали, что "их мало использовали", многим импонировал размах перемен. Они полагали, что честно делают свое дело, — и делали. Другое дело, как их труд использовался и каковы достигнутые результаты, но субъективно честность этих людей не вызывает сомнений. Можно говорить об их ограниченности, но учтем, что в тот период альтернативные идеи были развиты слабо. "Ну да, Сталин плох, но выбора нет: рядом Гитлер..." Это характерное рассуждение тех лет.

С позиций сегодняшнего развитого альтернативного мышления трудно понять серьезность таких, например, тогдашних рассуждений: "Вернуться к старому? К царизму? — Нереально. Организовать сопротивление Сталину? — Страшно, опасно, а с другой стороны — это на руку Гитлеру". В результате вновь, хотя по-новому, возникла очень большая, ясно обозначенная пропасть между интеллигенцией и народом. Во-первых, усилилась разница в материальном положении между интеллигенцией и народом, что вызвало со стороны последнего чувство недовольства. Во-вторых, участие представителей образованного сословия в ряде жестких действий государства, участие партийной интеллигенции в коллективизации, в репрессиях — все это вызывало отчуждение. С интеллигенцией связывалось, опять же не без оснований, то, что революция не дала ожидаемых плодов, — сколь бы упрощенным таким представление ни было.

Вы уже коснулись вопроса о том, что интеллигенция изменилась. Некоторые вообще полагают, что интеллигенция погибла в огне революции и гражданской войны, а затем начала понемногу возрождаться; с другой стороны, и народ — это уже не народ в прежнем смысле, по крайней мере к середине 30-х годов. Образовалось некое "население", которое трудно назвать народом. Что вы думаете об этом?

Конечно, интеллигенция изменилась и народ изменился. Но все же понятия эти существуют. Спросите интеллигенцию, что она понимает под "народом", спросите людей, как они представляют "интеллигента", и вы получите пусть расплывчатые, но все-таки довольно определенные ответы. Что касается народа, то в изменении его лица большую роль сыграли выходцы из крестьян, заполнившие города во время коллективизации и после нее или оставшиеся в городе после войны и после службы в армии. Их психология тесно связана с крестьянством. Поэтому можно говорить о сильной крестьянской психологии у населения, не только сельского. Но если говорить об интеллигенции, то наблюдается замечательное явление. Вот сейчас объявлена гласность и демократизация. У нынешних реформ — два рельса, в отличие от одного рельса косыгинской реформы: экономический рельс и политический, духовный, если хотите. Нет сомнения, что интеллигенция практически единодушно принимает гласность. Разумеется, она заинтересована и в экономике, но гласность и демократизация — для нее главное, они наиболее оценены интеллигенцией. Не зря даже с высоких трибун приходится слышать, что интеллигенция раньше всех перестроилась. Посмотрите, интеллигенция — испорченная, раздавленная, многажды смененная, имеющая множество своих собственных предрассудков, каким-то таинственным образом воспроизводит самое себя. Иначе не может существовать государство. Это здоровый инстинкт общества — воспроизведение слоя, который представляет собою мыслящую часть нации.

И тем не менее разрыв между интеллигенцией и народом существует и в немалой степени связан с разрывом между народом и властью, хотя интеллигенция только частично совпадает с этой властью. Скажем точнее: интеллигенция воспринимается как нечто, относящееся к "верхам".

Вы думаете, это справедливо и сегодня?

С точки зрения народа – да. "Они там болтают, гласность объявляется на пленумах! интеллигентам нужны эти журналы, а нам нужна колбаса! Дайте нам продовольствие!" Что ж, законно, справедливо... Но в связи с этим меня интересует проблема демократии. Вот сейчас, по сути дела, происходит революция сверху, делается попытка объединения общества на базе перестройки. Демократизацию, гласность интеллигенция уже приняла, в этот процесс в разной степени включается и народ. Вот казалось бы, тот котел, в котором можно всем перемешаться, как оно и замышлялось в годы оны, иллюзия чего возникла в 1920-х гг. В связи с этим нередко раздаются примерно такие голоса, например, на заседании клуба "Московская трибуна": "Надо дать слово народу. Народ должен сказать свое слово. Надо провести референдумы по всем главным вопросам. Нечего интеллигенции решать за народ. Интеллигенция и так предала и продала народ!" Против этой формулы возражали: почему это "предала и продала"? Она же сама страдала. В ответ было сказано, что интеллигенция не сумела народу помочь, спасти его.

Да, но и народ не смог спасти свою интеллигенцию. Кроме того, хочется вспомнить замечательные строчки из "Баллады о Потоке-богатыре" А.К.Толстого: "А Поток говорит: "Я ведь тоже народ, почему ж для меня исключение?"

Да, такие высказывания как раз и демонстрируют эту пропасть, раскол между народом и интеллигенцией. Вот, мол, есть народ, пусть он и действует! Но ведь если рассуждать так прямолинейно народнически, что народ всегда прав, тогда надо признать справедливыми и недавние взгляды народа на того же Сахарова. Сейчас вроде бы произошло потепление отношения к этому замечательному человеку, но несколько лет назад, безусловно, при голосовании народный глас был бы антисахаровским. Демократия, демократизация – это, конечно, важнейший вопрос. Опыт русской истории показывает: что демократически не гарантировано, то худо. Но, с другой стороны, та же демократия, проводимая с чрезмерной скоростью, – опасна, ибо может основываться на искаженных понятиях забитого, замордованного народа.

Не кажется ли вам, что вопрос поставлен некорректно. Ведь демократия в современном обществе – в любом обществе – предполагает представительность. Что, собственно, значит пустая фраза: "дать народу право высказаться"?

Референдум – это и есть форма волеизъявления народа. Речь шла именно о референдуме.

Не все же вопросы можно решать путем референдума.

Речь шла о главных вопросах – о реформе, о непосредственном, прямом выборе руководителя государства и прочем. Вроде бы все это действительно звучит демократически. Но на том же заседании "Московской трибуны" были сказаны откровенные слова о том, что народ имеет по меньшей мере несколько вековых предрассудков, усугубленных в советское время. Прежде всего – это предрассудок эгалитарности: лучше равенство в бедности, чем неравенство в процветании. Знаменитый анекдот: у американца одна машина, а он хочет две, как у соседа.

Вася получает 100 рублей, Петя – 150, и Вася хочет, чтобы Петя тоже получал 100. Злой анекдот, но имеющий под собою почву.

Эту мысль подробно развивал Андрей Амальрик в своих работах.

Да. Иллюстрация ее справедливости – тот гнев против кооперативов, который мы сейчас наблюдаем. Отчасти он порожден некоторыми сиюминутными факторами: мяса нет, и есть предположение, что все уходит в кооперативы. Горбачев должен был возвратить к населению: "Почему вас так раздражает много зарабатывающий кооператор и не раздражает много зарабатывающий, но ничего не делающий начальник?" Этот предрассудок имеет под собою еще одну основу. Большая заслуга советской власти, если это вообще можно назвать заслугой, которая недооценивается на Западе, – это наличие известного гарантированного прожиточного минимума. Как бы ни был он низок, но он есть. Не нужно думать о будущем, рисковать и т.п.

Второй предрассудок – это предрассудок в пользу сильной власти. Вера в сильную власть, авторитарную власть, в "хорошего царя", при котором порядок. "При Сталине был порядок" – вот излюбленная формула. Поэтому если иной деятель предлагает авторитарную программу, а другой – демократическую, то народ склонен выбрать авторитарную. Это миф о хозяине, идущий из глубины веков.

Третий предрассудок, может быть, связанный с первыми двумя, – это недооценка вообще роли демократии в жизни, значения правовой основы. Мысль о том, что без демократии и коровы не доятся, трудна для большинства народа. То, что происходит в сфере гласности, то, что происходит в сфере демократизации, в подавляющем большинстве случаев не вызывает понимания. Все это считается как бы забавой. Я не раз убеждался, что идея Горбачева и других о том, что политическая реформа – это то, с чего надо начинать, ибо иначе бюрократы съедят экономическую реформу, трудна для понимания многих. Народ можно понять: экономическое положение в стране ужасное. С одной стороны, к этому привыкли, а с другой стороны – все-таки не все привыкли. Отсюда протесты, особенно в больших городах типа Куйбышева, Челябинска, Новосибирска, где массы более сплочены. Они не смирились с жизнью так, как в малых городках и деревнях. Кроме того, здесь вопиющие противоречия действительности особенно видны.

Ну и наконец последний предрассудок – по порядку, но не по важности – это предрассудок шовинизма, особенно великодержавного.

Не кажется ли вам, что и сама интеллигенция в большой степени скорее декларирует свое понимание важности политических реформ и демократизации, и ее интерес к перестройке скорее потребительский. Конкретный пример: недавно встал вопрос о реформе конституции. Это был судьбоносный, переломный момент перестройки. По всей стране вспыхнули бурные дискуссии – в Прибалтике, в Закавказье и т.д. Но интеллигенция – по крайней мере центральная, московская интеллигенция – в массе своей, за немногими исключениями (Сахаров, например) – предпочла отмолчаться. Она не выразила четко своей позиции, не смогла проявить себя как независимая политическая сила.

Я считаю, что одна из причин этого – усталость, особенно у поколения, тридцатилетие которого пришлось на годы так называемого "застоя". Ведь оно так и называлось – "потерянное поколение". И еще одно: есть два крайних лозунга. Первый – "Не мешайте Горбачеву!" и второй – "Все это чепуха, ничему верить нельзя!". Часть интеллигенции избирает один лозунг, другая часть – другой. Но как легко понять, люди, которые исповедуют оба эти лозунга, считают, что нечего особенно ввязываться в конституционную дискуссию. И для тех, и для других – это мелочь, не такое важное дело. Кроме того, есть опасность, осознаваемая многими интеллигентами, и я думаю, ее не нужно недооценивать: в случае резкого, а не постепенного усиления прямого влияния народа на управление

перестройка может быть сорвана. Девятнадцатая партконференция, я считаю, четко отражала народную ситуацию. Решение вопросов простым большинством голосов таит в себе большие опасности. Могут не выбрать Горбачева. Могут решительно проголосовать против кооперативов, против судебной реформы, могут ограничить гласность и т.д. Конечно, легко впасть в противоположную крайность: нечего народу давать демократию! Я так не считаю. Я считаю, что нужно понимать ситуацию: революция сейчас идет сверху. Лозунг "Не мешайте Горбачеву!" – неверен. Правильнее был бы лозунг: "Понимайте Горбачева!". И одновременно нужна критика снизу, нужна критика конституции, критика законов, критика проектов реформ и их осуществления. Короче – обе стороны должны сказать свое слово. Нельзя просто сказать: дайте народу все, пусть он один, народ-богоносец, решает. Вот с этим я никак не могу согласиться.

Что вы думаете о главной идее конституционной реформы – о соединении в одних руках партийной и государственной власти, в особенности – власти генсека и президента?

Возможно, я ошибаюсь, но я не вижу здесь особой опасности. Я рассуждаю pragmatically: это лишь формально увеличивает власть генсека, потому что власть его и так необъятна.

Говорят так: хорошо, что сегодня Горбачев, но вот завтра будет другой – и будет худо. Но, увы! – революция сейчас идет сверху, вновь возникла ситуация, когда реформирующая власть в ряде отношений лучше общества. Бывает, что в России создается такая ситуация, на это указывал еще Герцен. По формальным нормам демократии следовало бы ограничить власть верховного главы государства, а по реальному российскому раскладу, вероятно, ограничивать не следует, а стоит даже усилить. Это недемократический путь установления демократии, но такова реальность – нравится нам это или нет.

Вы рассуждаете pragmatically: лучше сосредоточить власть в руках той верхушки, которая является носителем революции сверху. Но эта верхушка принадлежит к организации, которая сама в большой степени виновна во всех нынешних бедах. До тех пор, пока партия сохраняется как монопольная власть, можно ли ей доверять?

Хорошо было бы так рассуждать, если бы была возможность выбора. И все-таки реформы начались сверху: они "дарованы", и от этого никуда не денешься. Такова нынешняя реальность. Конечно, чем шире социальная база реформы, чем шире подключение к ней – постепенное – низов, тем более гарантирована реформа. Централизованные реформы, соединенные с шагами в сторону децентрализации, – здесь нет противоречия.

Существует небезосновательная точка зрения, согласно которой любые дискуссии о конституции заранее дискредитированы тем, что конституция – это, в наших условиях, – просто бумага, и поэтому не так уж и важно, что в ней написано. Что вы об этом думаете?

Я думаю, очень важно то обстоятельство, что не объявлена новая конституция, а лишь поправки к уже существующей. Вероятно, последует еще несколько слоев различных поправок. Ведь нет никакой теории вопроса, все решается практически наощупь, тычком. Как сказал один очень крупный руководящий деятель: "Мы пробуем различные варианты, и какой идет, тот и принимаем". Мне очень понравилась эта откровенная формула. Плохо, что в результате революции 1917 г. появилась всего одна конституция. Из этого видно, что демократическому процессу не придавалось тогда должного значения. Иное дело – Французская революция! Там были конституции 1791 г., 1793 г., 1795 г., 1799 г. Я сразу вспомнил четыре! Я думаю, что после многочисленных поправок появится у нас и новая

конституция. Если бы конституция была всего лишь бумагой, чего ради ее изменять? Все-таки определенная реальность в ней есть, хотя пока еще не решающая. Вот, возьмите XIX партконференцию. Фиктивные реформы запросто можно было бы принять единогласно. Ясно, что Горбачев вкладывал глубокий смысл в свою реформу политической системы. Замысел его мы понимаем: это перевод значительной части политической власти в Советы. Но у него было опасение, что им же провозглашенная гласность может загубить его идею. Это и выразилось в таком недемократическом акте, что в тезисах к конференции об этом важнейшем вопросе не было сказано ни слова. Дальше: вопрос обсуждался очень быстро. Это тоже важный момент! Предполагалось, что противники, бюрократы находятся в оторопи и смятении, что они не разберутся, не расчухают. Буквально в последний день, в последние часы была быстро предложена схема, которая и была принята. У президиума было явное опасение, что это не удастся. Конечно, такая манера опасна. По сути своей, по определению, революция сверху – недемократична, но с другой стороны, это то, что Станиславский называл "предлагаемыми обстоятельствами".

Возвратимся к вопросу об интеллигенции. Раньше мы владели теорией, которая служила универсальным компасом на все случаи жизни. Сейчас мы оказались в положении, когда вынуждены пользоваться методом проб и ошибок, то есть идти почти вслепую. Разве не состоит роль интеллигенции – той интеллигенции, которая участвует в политической жизни, – в выработке альтернативных политических программ? Обычно это берут на себя партии. Но если нет возможности сейчас создать многопартийную систему, то следовало бы хотя бы сформулировать программы. Кто этим занимается, и делается ли это вообще? Не кажется ли вам, что это как раз и есть задача интеллигенции?

Поразительной особенностью всякой реформы вообще является то, что реформа сама вырабатывает своих деятелей. Никто вчера не знал Николая Шмелева, Василия Селюнина и других, а сегодня это очень известные люди. Их статьи читаются и широко обсуждаются наверху. Существуют также определенные команды интеллектуалов – одна команда, занятая международной политикой, другая – экономикой, третья – внутренней политикой, – нечто вроде мозгового центра. Эти команды тесно связаны с обсуждениями и дискуссиями и на высших, и на низких уровнях. Например, то, что происходит, скажем, на семинаре Юрия Афанасьева, хорошо известно его друзьям, которые уже непосредственно входят в высшую команду, близки к Александру Яковлеву, – "большому Яковлеву", как его называют. Конечно, знаем мы об этом мало, сказывается недостаток гласности. Мне, например, очень интересен как историку такой вопрос: каким образом Горбачев сам дошел, или какие советники его убедили в главной идее – что для движения реформы необходимы сразу два рельса, экономический и политический. Не сначала один, а потом другой – это традиционный метод, – а обязательно оба одновременно. Учен был опыт с неудачей косыгинской реформы. По ходу дела и Горбачев, и его соратники обучаются, многие формулы обновляются. То, что появляется сейчас в печати, – это не просто сотрясение воздуха. Эти статьи по истории, социологии, экономике в ряде журналов, может быть, не прямо, но сложными путями влияют на ход событий.

То есть вы считаете, что интеллигенция сейчас в общем выполняет ту роль, которую она предназначена выполнять?

В целом да, хотя есть и потребительские настроения, и безразличие, и усталость. Я хорошо знаком, например, с кругом учителей. Они в большом ужасе от состояния нашей школы и сильно верят в учительский съезд, который должен сейчас открыться. Они участвуют во всевозможных комиссиях, считают своим долгом бороться – и борются. Конечно, я говорю об активной части этого круга. Но

сегодняшняя гласность выявила ту "тайну", что есть разрыв между взглядами интеллигенции на демократию, на перестройку и распространенным народным взглядом на нее. Народу не меньше, чем интеллигенции, нужна демократия, но он не всегда понимает, что такая демократия.

Можно ли сказать, что интеллигенция, может быть, впервые за 150 лет или больше осознала себя самодовлеющей силой в историческом процессе, отказалась от стереотипа "служения народу", от всего народнического комплекса?

Я бы так не сказал: стереотип служения все-таки есть. Вот, скажем, учителя. Они слов красивых не говорят, но сейчас среди учительской молодежи образовался определенный тип народников, которые охотно идут на низовую работу, но не делают вокруг этого шума, а считают важным приносить реальную пользу. Они считают, что это важно для них самих — своего рода "разумный эгоизм". Так что существует еще идея служения, идея пользы отечеству, хотя и стыдно приносить сейчас такие затрапанные слова.

Можно ли вообще устраниć эти ножницы, заполнить пропасть между интеллигенцией и народом, о которой вы говорили? Не является ли единственным выходом "обуржуазивание" народа?

Да. Главное, чтобы в магазинах Костромы было товаров не меньше, чем в Мюнхене. Тогда, я полагаю, было бы куда меньше эгалитарных идей, куда меньше воспоминаний "о порядке", который был при Сталине!

В этой связи возникает вопрос, который довольно часто поднимается и в стране, и в эмиграции: вопрос о "бездуховности" Запада. Дескать, все его материальные блага куплены ценой утраты духовных ценностей. Что вы можете сказать по этому поводу?

Это мне в свое время итальянцы жаловались. Один так просто сказал: "Как хорошо, что у вас есть проблемы! У нас в Италии, к счастью, тоже есть безработица где-то на юге, поэтому и у нас есть еще некоторая духовность, а у скандинавов совсем ее нет!" На это хорошо возразил еще Пушкин: "Несчастье — это лучшая школа, а счастье — это лучший университет". Мне вовсе не кажется, что итальянская или немецкая духовность убиты. Они, может быть, преобразованы. Во всяком случае, сам тот факт, что общество осторожнее в отношении сытости на духовную жизнь, — это уже проявление духовности. Обществу более следует осторожаться влияния голода и бедности на духовность. Это чрезвычайно ужасно растлевает людей, ведет к пьянству и к упадку. Я вообще не верю, что какое-то общество может перестать быть духовным из-за сытости. Кстати, многие русские писатели были дворяне, владельцы имений, жили хорошо, но при этом не переставали и хорошо писать. Их достаток давал им свободу. Я глубоко убежден, что улучшение состояния магазинов, улучшение уровня жизни населения отнюдь не вызовет уменьшения тиражей изданий Пушкина.

Конечно, на футурологические вопросы отвечать трудно, да и ответы, как правило, характеризуют не столько реальную ситуацию, сколько самого отвечающего, но все-таки: пессимист вы или оптимист в отношении нынешних событий?

Во-первых, я оптимист по чисто человеческой природе, во-вторых, и как историк склонен к историческому оптимизму. Но исторический оптимизм надо отличать от личного, прямолинейного. Личный оптимизм требует, чтобы уже через год все было как надо, не позже. А оптимизм исторический основан на том, что поступательное движение — всегда сложное, извилистое. Я вижу основу надежды в определенных социальных усилиях, которые сейчас делаются. И я знаю также, что все перестройки, все периоды либерализации не проходили зря. Я не считаю, что

хрущевская "оттепель" прошла впустую. Хотя ей на смену пришло брежневское время, но не произошло уже возвращения на сталинский уровень. Видимо, история движется судорожными рывками, и даже если потом рывок исчерпан, все же что-то закрепляется на известном рубеже. Я думаю, что даже за время, прошедшее с 1985 г., уже достигнуто немало в широком смысле необратимого.

В последнее время стало, можно сказать, общим местом родовое сопоставление национал-социализма и сталинизма. Впервые об этом, кажется, открыто и прямо написал В.Гроссман в своем романе, а сейчас это повторено в фильме "Риск", во многих газетных и журнальных статьях. Представим себе, что история сложилась так, что не было войны, не было разгрома Германии во Второй мировой войне, и Третий рейх в течение долгого времени существовал сравнительно безбедно. С точки зрения исторического оптимизма, могли бы вы вообразить себе, что такая система, как Третий рейх, могла бы эволюционировать мирно, рано или поздно получить свою перестройку? И вообще – существуют ли системы, принципиально не реформируемые?

В Третьем рейхе гигантскую роль, несравненно большую, чем в сталинской системе, играл внешний фактор. Если бы в 1938 г. Гитлеру не удался Мюнхен, а затем и "второй Мюнхен" – пакт Молотова-Риббентропа, то был бы обеспечен заговор генералов. По всем экономическим показателям должен был бы последовать крах. Гитлера генералы бы убрали. Все равно, конечно, остался бы очень жесткий авторитарный режим, но без Гитлера. Я думаю, что будучи оставлен наедине с самим собой, он должен был бы эволюционировать. Он смог укрепиться только потому, что ему дали возможность расширяться вовне.

То есть появился бы какой-нибудь немецкий Хрущев, образно говоря?

Если угодно, да. В 1938 г. Германии не пришлось бы капитулировать, войны еще не было. Произошла бы, так сказать, некоторая либерализация структур и т.д. Вообще идея о том, что тоталитарный режим неспособен к переменам, вероятно, неверна. Как это ни парадоксально, именно в силу своей тоталитарности он многое может, может даже сам измениться. Изменить демократический режим куда труднее, чем тоталитарный. Это режим устоявшийся, естественно сложившийся. То, что внедрено насильственно, трудно меняется. То, что внедрено насильственно, лишь внешне кажется очень прочным. А на самом деле может быть изменено волевым актом.

Не можете ли вы конкретизировать ваш оптимизм в отношении нашей страны. Как могли бы развиваться события?

Что ж, историк – это пророк, который пророчествует назад. Если взять аналогии из российской истории, то можно видеть, что непосредственно полоса реформ длится 10–15 лет. Столько длились реформы 1860-х годов, реформы Хрущева – тоже. А после этого сравнительно короткого периода общество начинает жить по созданной в ходе реформ структуре. Скажем, по структуре, созданной Петром Великим, общество жило 160 лет. Но тогда история еще текла медленно. Когда мне говорят, что реформы 1860-х годов были слабы, я на это отвечаю, что, во-первых, они могли быть и хуже, а во-вторых, Россия как-никак жила по структуре 1861 г. по крайней мере до 1905 г., а в известном смысле даже до 1917 г., то есть более 40–50 лет. Главный грех реформ 1860-х гг. – это то, что правительство, дав эти реформы, решило, что дало уже очень много, и не развивало реформ. Но есть и возможность гибкого усовершенствования реформ, как это было в более ранний, петровский период: там реформы развивались, отсюда длительность существования созданных этими реформами структур. Так что, я думаю, если не будет больших потрясений, чего не дай Бог, то после 10–15 лет корен-

ных структурных перемен нам предстоит еще несколько десятилетий их обживания, конвергенции с Западом, европеизации.

В случае же заморозков, путей, торможения реформ, я боюсь, что кровавого варианта нам не избежать. Мой оптимизм основан на том, что правящий слой в стране, его активная часть, поняла — так же, как когда-то поняли лучшие люди из крепостников, — что пора освобождать народ. Это и в 1861 г. казалось невозможным. Но взяли и освободили, и именно крепостники. Эти дальновидные люди пришли к выводу, что пора: продление существующего положения грозит нашей собственной жизни, жизни наших детей. Этот эгоизм, этот прагматизм я считаю очень важным моментом, потому что опасно основывать реформы на одном идеализме. И я с удовлетворением вижу в сегодняшних реформах важный элемент социального эгоизма правящего слоя. Я очень надеюсь на разумный эгоизм верхушки. Но история России знает два варианта: в 1861 г. разумный эгоизм сработал, и крестьян освободили. Во времена же столыпинских реформ правящий слой не почувствовал, что это и есть его единственный шанс на спасение — и сам себя пригородил к гибели.

Последний вопрос к вам — из анкеты Пруста: ваша любимая фигура в истории?

В русской — Александр Сергеевич Пушкин.

А из собственно исторических деятелей?

Я очень ценю в России таких деятелей, как Сперанский или Витте.

А кого бы вы назвали из советского периода?

В советском периоде, действительно, сейчас выделяется Горбачев. И понятно, что — Хрущев. Это одна из самых интересных фигур. Для меня он интересен тем, что он сам еще за несколько месяцев не знал, что история выбрали его грядущим Женихом. Вообще интересно, как история делает свой выбор. А если брать шире мировую историю, то мне чрезвычайно близки такие люди, как Ганди и Неру.●

ИЗ ЖУРНАЛОВ

ИЗ ЖУРНАЛОВ

S.O.S!

От объятий швейцарского банка,
что простерлись до наших широт,
упаси нас ЦК и Лубянка,
а иначе никто не спасет.

Станислав Куняев

Что ж это, матушка-Россия!
Что, моя гордая, с тобой?
До коих пор терпеть засилье
деляг и чужеродныйвой?
Доколе нам смотреть и слушать,
как изощрен хамелеон,
когда свою пустую душу
трясет, как флаг свободы, он?

Спаси, родное государство!
От этих праздных воль уволь...

Нинель Созинова.

Абдул Самад ГАУС

ГИБЕЛЬ РЕСПУБЛИКИ

Свидетельство очевидца

Подходит к концу многолетняя кровавая авантюра Советского Союза в Афганистане: 15 февраля завершился вывод из этой страны советских оккупационных войск. В истории нашей страны это одна из самых позорных страниц.

Авантура заканчивается, но последствия ее еще долго будут оказывать воздействие как на внутреннюю жизнь Советского Союза, так и на отношения его с другими странами. Историкам еще предстоит не только проанализировать причины и значение событий, но и установить многие основные факты: кто, когда, почему и при каких обстоятельствах принял решение об интервенции.

Несомненно одно: декабрьское вторжение 1979 г. – это далеко не начало "афганской эпопеи" Советского Союза. Многие наблюдатели полагают, что подлинное начало трагедии было положено еще так называемой "Апрельской революцией" – свержением республиканского правительства Мохаммеда Дауда в апреле 1978 г. и установлением диктатуры НДПА (Народно-демократической партии Афганистана, как называется в этой стране компартия).

Наш журнал будет еще неоднократно возвращаться к истории афганской трагедии. Сейчас мы предлагаем вниманию читателей рассказ бывшего министра иностранных дел Афганистана в правительстве М. Дауда – Абдула Самада Гауса, который рассказывает о том, как готовилась и проходила "Апрельская революция". Рассказ А. Гауса ценен как свидетельство очевидца, имевшего доступ к информации из первых рук. Разумеется, следует учитывать, что Гаус, как член правительства М. Дауда, склонен к его идеализации. Его королевское высочество Сардар Мохаммед Дауд, двоюродный брат короля Мохаммеда Захир-шаха и его премьер-министр, сам пришел к власти в результате военного переворота 17 июля 1973 г. и на первых порах пытался установить с Советским Союзом "особые" отношения. Так что в дальнейшем развитии афганской трагедии есть доля и его вины, которую ему позднее пришлось искупить своей смертью.

Мохаммед Дауд захватил власть не в последнюю очередь с помощью офицеров-коммунистов и в награду за содействие предоставил многим из них ключевые посты в государстве. Воспользовавшись открывшимися возможностями, коммунисты принялись раздавать ответственные государственные должности своим сторонникам, и вскоре количество левых и сочувствующих им в государственном аппарате достигло угрожающих размеров. Так, Министерство внутренних дел, возглавляемое Фаизом Мохаммедом (известным офицером – коммунистом из фракции Парчам, активно участвовавшим в перевороте, приведшем Дауда к власти), как губка впитало

Бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер, автор статьи и президент Мохаммед Дауд в Кабуле. Ноябрь 1974 г.

чуть ли не всех безработных марксистов-ленинцев, слонявшихся по улицам Кабула. Сходная обстановка сложилась в Министерстве образования и Министерстве информации и культуры.

В армии, конечно, была группа офицеров-коммунистов, обучавшихся в Советском Союзе. Но, вопреки широко распространенному мнению, их было не более 800 человек. Большинство же армейских офицеров были убежденными мусульманами и патриотами. Однако коммунисты были чрезвычайно активны. Они давали понять, что занимают столь высокое положение в государстве с благословения Мохаммеда Дауда, более того, что именно они-то и привели его к власти. Они создавали впечатление, что, будучи главной политической силой в стране, они могут теперь продвигать своих сторонников. Это обстоятельство побуждало оппортунистов, особенно в армии, примкнуть к "героям революции". Дауд видел опасность быстро растущего влияния коммунистов в военной и гражданской администрации, но воздерживался от принятия экстренных мер. Он понимал, что чистка армии от коммунистов и нейтрализация их политического влияния – дело долгое и деликатное, поскольку эту операцию нужно было провести с минимальным риском для внутренней стабильности страны и афгано-советских отношений. Поэтому на ранней и очень важной стадии укрепления режима Дауду приходилось идти на компромиссы с коммунистами и подчас даже закрывать глаза на творимый ими произвол.

Реорганизуя правительство и его военные и гражданские кадры, Мохаммед Дауд уволил в отставку некоторых высокопоставленных чиновников, служивших при прежнем режиме, но не ввел в правительство целый ряд своих прежних союзников, рассчитывавших получить освободившиеся должности. Эти люди, многие из которых были отъявленными взяточниками, стали в результате яростными противниками Дауда.

В первые годы существования республики было раскрыто три антиправительственных заговора. Однако значение этих заговоров было сильно раздуто коммунистами, сидевшими в Министерстве внутренних дел и в департаменте полиции и стремившимися свести старые счеты с личными и идеологическими противниками.

Из всех раскрытий заговоров наибольшую известность получил тот, в котором был замешан бывший премьер-министр Мохаммед Хашим Майвандвал. 20 сентября 1973 г. Майвандвал вместе с группой из 44 человек, в которую входили армейские офицеры, не принадлежавшие к компартии, бывшие члены парламента и предприниматели, были арестованы по обвинению в заговоре против нового режима. Одним из влиятельных членов этой группы был генерал Хан Мохаммед, бывший начальник штаба армии и близкий соратник Дауда, не вошедший в новое республиканское правительство. Не ограничившись арестом участников заговора, полиция бросила в тюрьму множество других людей, которые, однако, были повинны лишь в давней неприязни к левым. Известие об участии в заговоре Майвандвала было встречено с недоверием всеми, кто его знал. Майвандвала любил и сам Дауд, и его брат Мохаммед Наим, бывший министр иностранных дел, которого Майвандвал, работавший когда-то в этом министерстве, считал своим наставником. Майвандвал приветствовал республику и считался одним из кандидатов на ответственный пост в правительстве Дауда.

У Майвандвала была репутация антикоммуниста. Коммунисты считали созданную Майвандвалом Прогрессивную демократическую партию (Массават) одним из препятствий на пути к достижению своих целей. Надо полагать, коммунисты в МВД ликовали, когда им было разрешено арестовать Майвандвала и его товарищей.

По-видимому, вначале заговор был направлен против предыдущего правительства Шафика. После прихода к власти Дауда Майвандвал пытался убедить товарищей оставить мысли о заговоре. Но недовольство новым режимом и опасение, что союз Дауда с коммунистами может повредить их интересам, заставили заговорщиков попытаться нанести удар прежде, чем республика твердо встанет на ноги.

Возможно, их побудила попытать счастья и та легкость, с которой был произведен переворот самим Даудом. Майвандвалу не оставалось ничего другого, как, скрепя сердце, согласиться. Некоторые документы и признания заговорщиков указывают и на причастность Пакистана к этому делу.

Сотрудники МВД, безусловно, чувствовали, что у Дауда сохранились какие-то симпатии к Майвандвалу. Они опасались, что Майвандвал будет помилован и, может быть, даже восстановлен в должности. Этому надо было воспрепятствовать любой ценой. Решено было покончить с ним, инсценировав самоубийство. Ночью 20 октября 1973 г. один из следователей, офицер полиции Самад Азхар (коммунист из фракции Парчам, после переворота ставший начальником службы безопасности МВД) и двое его помощников задушили Майвандвала. Дауд очень быстро установил, что Майвандвал был убит коммунистами. Это привело его в ярость, но он тем не менее согласился на публикацию официальной версии о самоубийстве Майвандвала. В конце года суд, рассмотревший дело о заговоре, заочно приговорил Майвандвала к смерти. Среди приговоренных к смерти и казненных был также генерал Хан Мохаммед. Другие заговорщики получили разные сроки заключения, но довольно многих освободили из-под стражи.

В конце 1973 г. местные исламские фундаменталисты (Ихван-аль-Муслимин) устроили беспорядки в Дарвазе — маленьком городке на севере Бадахшана на реке Пяндж, при входе в Ваханский коридор. "Ихванцы" никогда не одобряли Дауда и его прогрессивные реформы. В свою очередь Дауд, хотя и был истинным мусульманином, проявлял определенную сдержанность в отношении к фундаменталистам и, как в свое время король Аманулла, считал, что реакционные элементы из числа мусульманских священнослужителей никогда не поддержат реформы и программу модернизации страны. Инцидент в Дарвазе был незначительным, но коммунисты из МВД подняли вокруг него большой шум и убедили правительство послать туда войска сил безопасности. Пересеченная местность делает Дарваз труднодоступным, а на его примитивных посадочных полосах могут приземляться только маленькие самолеты. Правительство реквизировало три самолета авиакомпании Бахтар и отправило их с войсками в Дарваз. Когда самолеты приземлились, выяснилось, что беспорядки уже закончились. Этот инцидент дал, однако, коммунистам из МВД удобный предлог для усиления травли исламских фундаменталистов. К середине 1974 г. многие "ихванцы" были арестованы, многие бежали в Пакистан. Постоянно ухудшавшиеся отношения между Афганистаном и Пакистаном позволили беженцам с легкостью найти убежище в Пакистане. Хотя афганские фундаменталисты не представляли сами по себе сколько-нибудь значительной силы, их приветствовали не только единомышленники из кругов пакистанских фундаменталистов, но и правительство Зульфикара Али Бхутто.

По мере того как республиканский режим укреплялся, Мохаммед Дауд начал отдалять от себя коммунистов. В апреле 1975 г., по возвращении из Тегерана, где он был с официальным визитом, Дауд заявил, что афганский народ не потерпит насаждения какой бы то ни было "импортированной идеологии" и будет всеми силами сопротивляться ее распространению. Что под "импортированной идеологией" имелся в виду коммунизм, было ясно абсолютно всем. Говорят, что это выступление Дауда встревожило советское руководство, которое пришло к выводу, что Дауда невозможно принудить следовать политической линии Советского Союза.

К концу 1975 г. Дауд резко ограничил влияние коммунистов в правительстве и администрации, распорядившись провести чистку в государственных учреждениях. Первым подверглось тщательной чистке Министерство внутренних дел. Когда пришел черед коммунистов, работавших в других министерствах, их либо уволили, либо перевели на другую, менее ответственную работу.

Министры-коммунисты тоже были один за другим выведены из правительства. Некомпетентных или отличавшихся особой агрессивностью просто выдворили, других же, немногочисленных, назначили послами за границу. К концу 1977 г. в правительстве не осталось ни одного министра-коммуниста.

Кабинет, очищенный от коммунистов, стал организацией более гармоничной, хотя и не такой сплоченной, как хотелось бы Дауду. Трех министров, бывших близкими соратниками главы государства, большинство членов кабинета считало амбициозными политиканами, интересующимися только властью и престижем. Это были министр финансов Саид Абдуллелла (после избрания Дауда президентом он стал вице-президентом республики), министр внутренних дел Кадир Нуристани и министр обороны Хайдар Расули. По общему мнению, это были люди продажные и чрезвычайно скверно руководившие вверенными им министерствами. На Дауда с разных сторон оказывалось сильное давление, чтобы он с ними расстался, но он решительно встал на их защиту. Позднее и Абдуллелла, и Кадир доказали свою преданность Дауду, отказавшись покинуть президента и погибнув вместе с ним, когда в апреле 1978 г. коммунисты захватили президентский дворец. (Во время штурма дворца Расули там не было. Он был схвачен позднее и казнен.)

Дауд начал ограничивать влияние коммунистов и в армии. Он прекрасно понимал всю трудность этой задачи. Любая неловкость непременно была бы истолкована в СССР как прямой вызов и могла бы повредить всей программе участия северного соседа в обучении афганской армии и в поставках оружия. Оздоровление армии привело бы с необходимостью к коренным переменам не только в военном сотрудничестве Афганистана с Советским Союзом, но и в политическом курсе страны. Для таких решительных шагов время еще не пришло.

За известными коммунистами было установлено тайное наблюдение. Они быстро почувствовали свою непопулярность и умерили политическую активность. В армии уже не было модным рассуждать о мировой революции и о роли армии в ее осуществлении. По-видимому, советские агенты в армии изменили тактику, следуя полученным инструкциям, и сделали вид, что приняли политическую программу режима, который эволюционировал совсем не в том направлении, в каком им хотелось бы. Военных, возвращавшихся из Советского Союза, подвергали тщательной проверке, и тех, кто оказывался слишком просоветски настроенными, отсылали в отдаленные и изолированные гарнизоны. Были принятые меры к тому, чтобы у них не было контактов друг с другом. В качестве дополнительных шагов по ограничению советского влияния в армии, Дауд одобрил план отправки большого числа молодых офицеров в Египет и Индию для того, чтобы они там осваивали советское вооружение. Было принято решение сократить количество советских военных советников, оставив их только в бригадах и дивизиях. И все-таки, несмотря на все эти меры, Дауда продолжала тревожить ситуация в армии, столь беззащитной против советского влияния.

Чтобы привести органы государственной безопасности "Массуният-и-Милли" в соответствие с новыми задачами, с начала 1975 г. были предприняты меры по их реорганизации. Хотя, по всей вероятности, сам начальник службы безопасности генерал Исмаил Фирман был предан республике, были получены свидетельства того, что в организацию проникли левые элементы. В то время как выявление коммунистов в армии было задачей относительно легкой, да и полиция (Министерство внутренних дел) была почти полностью очищена от левых элементов, выкурить их из органов государственной безопасности оказалось делом чрезвычайно трудным. К несчастью, к тому моменту, когда время, отведенное республике Дауда, истекло и она была раздавлена коммунистами, в этом отношении было сделано очень мало.

С самого рождения республики Дауд сконцентрировал свое внимание на улучшении экономического положения в Афганистане. Однако для того размаха экономического развития Афганистана, который планировал Дауд, прежних источников иностранной помощи явно не хватало. К тому же большее разнообразие этих источников не только было экономически необходимо, но и стало для Дауда политической целью. Нефтяной бум в Иране и некоторых арабских странах породил новые возможности в этом отношении, и Дауд предпринял осторожные шаги для

получения помощи от богатых соседей. Последующее улучшение отношений с Пакистаном еще более разрядило атмосферу и облегчило эту задачу. За три года был подготовлен 7-летний план развития страны, созданный с учетом внутренних возможностей и иностранных займов. План этот, на который возлагалось много надежд, начал осуществляться в сентябре 1976 г. Естественно, эти шаги очень встревожили коммунистов.

В 1977 г., ставшем для Дауда переломным, произошло событие, сильно взволновавшее его, и, по мнению ближайших соратников Дауда, сломившее его дух. Когда был обнародован состав Совета Партии национальной революции, основанной Даудом, в кабинете министров произошел раскол. Многие министры, вопреки их ожиданиям не вошедшие в Совет, резко отреагировали на это, подав в отставку. Самыми влиятельными и близкими к Дауду среди них были министр иностранных дел Вахид Абдулла и министр сельского хозяйства Азизулла Вассефи. Для президента такая реакция была неожиданной. Он считал, что его товарищи безраздельно преданы ему, и ни один из них не позволит внутренним разногласиям выйти наружу. Внезапно он убедился, что это совсем не так. И хотя благодаря усилиям брата Дауда, министра иностранных дел Мохаммеда Наима, министры в конце концов вернулись на свои посты, отношение к ним Дауда уже никогда больше не было прежним — доверие было подорвано навсегда.

В июле 1977 г. Советский Союз при помощи прямого нажима и при поддержке индийской и иракской компартий добился объединения враждующих коммунистических фракций Парчам и Халк в шаткую коалицию. Еще в конце 1976 г. появились признаки того, что некоторые члены этих фракций, видя отношение Дауда к коммунистам, готовы сплотиться, чтобы предотвратить полную ликвидацию партии НДПА. Тонкие, но эффективные меры, предпринятые правительством, помешали избранию коммунистов в Лоя Джирга — Национальное собрание — в феврале 1977 г. Решения этого законодательного органа: принятие однопартийной системы, утверждение Партии национальной революции в качестве единственной законной партии (в результате чего легальная политическая деятельность коммунистов была запрещена) и избрание Мохаммеда Дауда президентом на семилетний срок тоже способствовали объединению коммунистических фракций и до некоторой степени ускорили его. Это событие пролило определенный свет на намерения СССР в отношении Дауда. В конце концов раскол между фракциями Парчам и Халк существовал вот уже 20 лет, и до сих пор Советский Союз не прилагал серьезных усилий к их объединению. Настораживало и то, что для слияния фракций был выбран именно тот момент, когда положение в стране, казалось бы, начало стабилизироваться. Это могло означать только одно: в Москве решили, что пришло время сделать советское присутствие в Афганистане более заметным и подготовить почву для захвата власти промосковскими коммунистами.

Если Мохаммед Дауд был встревожен объединением фракций, то Мохаммед Наим увидел в этом зловещий признак. Как-то в сентябре 1977 г., беседуя со мной о внутренней и внешней политике правительства, он вдруг остановился и сказал: "Знаете, ведь игра проиграна. Мы пустили в ход все средства и проиграли. Рано или поздно небольшая кучка людей захватит власть и силой оружия будет править целым народом. Конечно, мусульмане Афганистана никогда не примут коммунизм добровольно. Я предвижу реки крови..." Под "игрой" Наим имел в виду решение правительства, сделанное в 50-х гг., принять обширную военную и экономическую помощь от Советского Союза и попытаться сохранить целостность Афганистана, опираясь на дружеские связи и тесное экономическое сотрудничество с северным соседом. Должен признаться, покидая в тот день Мохаммеда Наима, я был потрясен.

Несмотря на то, что объединение Парчам и Халк состоялось, было известно, что внутри НДПА идет ожесточенная борьба. Некоторые члены фракции Халк, вроде Хафизуллы Амина и его группы, не верили в то, что Парчам согласится на лидерство их фракции, у которой было больше сторонников. Возможно, старая вражда,

усугубленная необходимостью обеспечить контроль Халка над партией, побудила Амина, ставшего к этому времени лидером этой фракции и установившего прочные связи с армией, прибегнуть к самому радикальному и эффективному средству устрашения строптивого руководства Парчама. Ни один более или менее заметный член этой фракции не должен был оспаривать власть Амина в будущем правительстве НДПА.

Однажды поздно вечером в августе 1977 г. летчик авиакомпании "Ариана" Инам-уль-Хак Гран был застрелен у дверей своей квартиры. Он не был коммунистом, но был необыкновенно похож на Бабрака Кармаля, с которым имел несчастье жить по соседству. А 17 апреля 1978 г. на улице Кабула был убит Мир Акбар Хайбер, выдающийся теоретик фракции Парчам, занимавший в партийной иерархии, возможно, даже более высокое место, чем сам Кармаль. Хотя по делу об этих убийствах никто не был арестован, в Кабуле были твердо уверены в том, что обе жертвы были убиты (Гран — по ошибке) по приказу Хафизуллы Амина его подручным, Сиддиком Аламяром и братом последнего (Аламяр стал министром планирования в правительстве Амина, его брат тоже получил высокий пост). В промежутке между этими двумя убийствами многие члены фракции Парчам, занимавшие менее значительное положение, скончались при загадочных обстоятельствах.

Эти события дали повод предположить, что коммунисты заварили какую-то серьезную кашу. Скорее всего, "халковцы" в предвидении захвата власти избавлялись от потенциальных соперников. Агентурная информация указывала и на активизацию деятельности агентов КГБ в Кабуле. Отбросив обычную таинственность и осторожность, Новокрещников, один из самых важных сотрудников КГБ в Афганистане, лично посетил "халковцев" и "парчамовцев" на дому. На одной из этих встреч присутствовало несколько видных членов обеих фракций. По агентурным данным, целью этой деятельности было примирение соперничающих фракций НДПА. Сейчас я думаю, что задачей Новокрещникова и его сотрудников было не только сцементировать нелегкий союз между Парчамом и Халком, но и найти пути к достижению давней заветной цели НДПА — захвату политической власти.

В середине марта 1978 г. Би-Би-Си в передаче на языке фарси сообщило о неизбежности военного переворота в Афганистане. Категоричность, с которой было преподнесено это известие, совершенно ошеломила нас, сотрудников МИДа. Я показал запись передачи Дауду, но у меня сложилось впечатление, что он уже видел ее. Он перечитал текст и вернул его мне, не проронив ни слова. В тот же день на каком-то приеме я снова вернулся к этому вопросу в неофициальном разговоре с британским послом. Посол сказал, что скорее всего это ничего не значит и что Би-Би-Си порой говорит, что в голову взбредет. Тем не менее я не мог успокоиться и не переставал думать об этом странном сообщении.

Наступил апрель. Кабул все больше гудел слухами о каких-то шагах, предпринимаемых коммунистами. Я рассказал об этих слухах Дауду, который ответил, что к ним следует отнестись серьезно. Я убежден, что он знал о готовящемся перевороте, но, безусловно, не ожидал, что события разовьются столь стремительно. Если верить Нур Мохаммеду Тараки, Генеральному секретарю НДПА, ставшему после коммунистического переворота первым коммунистическим руководителем Афганистана, вначале переворот был назначен на август. Советский Союз, видимо, надеялся, что к этому времени ему удастся добиться реального сплочения НДПА, которое он считал непременным условием для перехода в наступление и, в конечном итоге, для подчинения Афганистана.

Сразу после убийства Хайбера, НДПА в подметных письмах обвинила в этом правительство, утверждая, что расправа с Хайбером была частью операции по ликвидации левых. Между убийством и похоронами Хайбера прошло два дня, что для Афганистана необычно. Несомненно, коммунисты использовали это время для того, чтобы выяснить, нельзя ли воспользоваться случившимся для чего-то большего, нежели демонстрации и протесты. Скорее всего, руководство обеих фракций решило, что убийство настолько взвуждило их сторонников, что именно в этот

момент их можно организовать в мощную антиправительственную силу, идейная сплоченность которой компенсировала бы ее численную недостаточность. Коммунистическое руководство решило организовать массовые антиправительственные демонстрации, которые, с одной стороны, должны были притупить бдительность правительства, а с другой – связать ему руки. Одновременно тем офицерам, которые должны были руководить военным переворотом, было дано указание быть готовыми провести его раньше намеченного срока.

Похоронам Хайбера предшествовал массовый марш в центре Кабула, в котором приняли участие члены НДПА и многие сочувствующие. Хотя этот марш был скорее траурным шествием, чем демонстрацией, его кульминацией стал митинг перед посольством США. Молодежь с воодушевлением выкрикивала антиамериканские и антиимпериалистические лозунги. Агрессивность лозунгов, вызывающее поведение членов НДПА и пылкость речей, произнесенных лидерами Парчама и Халка на похоронах, граничили с намеренной провокацией и говорили о доселе невиданной уверенности левых в своих силах. На похоронах выступили все ведущие руководители обеих фракций, включая Тараки и Кармаля. Один лишь Хафизулла Амин хранил молчание. Ораторы открыто обвиняли правительство в убийстве Хайбера и выражали уверенность в том, что Дауд решил разделаться с НДПА. Они призывали своих сторонников покончить с молчанием и бездействием и объединиться, чтобы сбросить “деспотический” режим Дауда.

Дауд отдал приказ министру юстиции и Генеральному прокурору Вафиулле Самию выяснить, есть ли законные основания для предания суду тех лидеров НДПА, которые выступили с речами на похоронах. Он хотел любым путем избежать мер, которые могли бы быть истолкованы в самом Афганистане и за его пределами как произвол или беззаконие. Самий заметил мне, что это стало навязчивой идеей президента. После недельного тщательного расследования Дауду доложили, что лидеры НДПА действительно нарушили закон и, следовательно, подлежат аресту и суду. Дауд понимал, что это означает большой риск, но чувствовал, что политически было бы неразумно оставить вызывающее поведение НДПА безнаказанным. Правительство, прослушав плёнки с записями речей и юридические разъяснения, представленные канцелярией Генерального прокурора, решило, что руководство НДПА должно предстать перед судом по обвинению в подрывной деятельности. Ордера на арест были выданы немедленно, и ночью 26 апреля все лидеры НДПА были арестованы. С одним, однако, исключением – Хафизулла Амин остался на свободе. Многие западные наблюдатели были озадачены таким очевидным промахом службы безопасности. Но для ареста Амина не было законных оснований – ведь он не произносил речей на похоронах. Так же обстояло дело и с офицерами-коммунистами. В то время не было никакой возможности предпринять против них законные меры.

По-видимому, лидеры НДПА могли предположить возможность массовых арестов и предложили Амину воздержаться от выступления на похоронах. Он должен был остаться на свободе – ведь он был главным связующим звеном с группой армейских коммунистов, составлявших основную опору НДПА. Можно представить себе и другой сценарий: хитрый Амин, предвидя возможные правительственные репрессии, сознательно удержался от оскорблений в адрес Дауда и его режима, надеясь на то, что все его ненавистные соперники будут брошены в тюрьму, а в его руках окажется полный контроль над партией. Однако 27 апреля правительство, получив сведения о подозрительной деятельности в доме Амина и вокруг него, решило подвергнуть превентивному аресту и Амина. С арестом Амина все гражданские руководители НДПА оказались за решеткой.

В материалах, опубликованных НДПА после захвата власти, утверждалось, что у Амина, оставшегося на свободе, было достаточно времени, чтобы связаться с офицерами-коммунистами и начать переворот. Маловероятно, однако, чтобы отсутствие Амина на арене событий могло сильно повлиять на их ход. Лидеры НДПА считали, что их всех, безусловно, казнят. Офицеры и их советские наставники

тоже не сомневались в этом и не могли допустить расправы над руководством партии. С Амином или без него, группа офицеров, в которую входили профессиональные заговорщики, вроде Абдул Каддера (заместителя командующего Военно-воздушными силами) и Аслама Ваттаньяра (офицера 4-й танковой бригады), все равно с советского благословения начала бы переворот. И переворот действительно начался около 11 часов утра 27 апреля, когда Амин был еще в тюрьме.

Хотя после успешного захвата власти коммунистическая пропаганда представляла Амина, помимо всего прочего, в качестве военного гения, он вряд ли привнес бы больше пользы в проведении боевых операций 27 и 28 апреля, чем советские военные советники. По свидетельствам очевидцев, они ни на минуту не отходили от своих местных товарищей, побуждая их к действию и помогая всем, чем можно. Хорошо известно, что советские военные советники содействовали саботажу армейской системы связи, изолируя и выводя из строя воинские подразделения, преданные Дауду. Возможно, они даже принимали непосредственное участие в боевых действиях. О советских МИГах, прилетавших из Ташкента для прикрытия наступления мятежников с воздуха и прицельной бомбёжки президентского дворца, где находился Дауд с семьей и министры его кабинета, сообщалось так много и такими разными источниками, что трудно сомневаться в прямом советском вооруженном вмешательстве.

Аслам Ваттаняр двинул танки на город из казарм Пул-и-Чарки, где базировалась 4-я танковая бригада, еще до полудня 27 апреля и около 12 часов дня занял Министерство обороны. Один из танков произвел совершенно ненужный выстрел по прекрасному мраморному зданию, которое никем не оборонялось. Затем танки заняли позицию перед президентским дворцом на противоположной стороне улицы. Когда офицер, дежуривший в тот день в казармах Пул-и-Чарки, спросил Ваттаняра, куда направляется его танковая колонна, тот ответил, что поскольку ожидается, что коммунисты вот-вот начнут мятеж, министр обороны приказал ему занять позиции в различных стратегически важных точках Кабула.

День был необычайно холодным. Свинцовые тучи заволокли небо, начал морозить мелкий дождь. Во дворце продолжалось заседание кабинета. Дауду доложили о кризисной ситуации в городе. Он распорядился, чтобы его семью и близких доставили из города во дворец, и затем спокойно, в обычной своей манере, предложил министрам продолжать работу. Около трех часов дня президентский дворец был почти полностью окружен мятежниками.

Между тем подполковнику Абдул Каддеру с помощью майора Дауда Таррума (который "для остротки" расстрелял тридцать сдавшихся офицеров Военно-воздушных сил) удалось захватить военно-воздушную базу Баграм. Как только мятежники овладели Баграмом, самолеты и вертолеты, а потом и МИГи, начали обстреливать ракетами президентский дворец. Координированные воздушные атаки бывали иногда настолько яростными, что в какой-то момент даже показалось, что загорелся дворцовый арсенал. Обстрел с вертолетов производился, кроме всего прочего, и для того, чтобы выбить обороны из отдельных укрепленных точек в самом Кабуле и его окрестностях. К наступлению сумерек все государственные учреждения, за исключением президентского дворца, который героически обороняли солдаты Национальной гвардии, были захвачены заговорщиками. Здание кабульской радиостанции было занято одним из первых. Некоторые полицейские подразделения мужественно приняли бой у здания Министерства внутренних дел и на площади Пуштунистана, но были быстро подавлены и перебиты до единого человека.

Население Кабула, никогда прежде не видевшее подобного побоища, было совершенно ошеломлено. В семь часов вечера Ваттаняр, присвоивший себе звание Начальника штаба Революции, и Каддер (первый на языке пушту, а второй на дари) сделали по афганскому радио следующее сообщение:

"Впервые в истории Афганистана покончено с остатками монархии, тиарии, деспотизма. Власти династии тирана Надир Хана пришел конец. Вся власть в стране находится в руках народа Афганистана. Государственная власть полностью

возложена на Революционный совет вооруженных сил. Дорогие сограждане! Ваше народное правительство в лице Революционного совета извещает, что те контрреволюционные элементы, которые попытаются сопротивляться его приказам и распоряжениям, будут немедленно доставлены в революционные военные центры."

Хотя Ваттаньяр был не очень хорошо известен, относительно политических симпатий Каддера ни у кого не было сомнений. Было ясно, что власть захватили коммунисты.

В половине восьмого вечера я позвонил из дома по незарегистрированному номеру во дворец и попал на Вахида Абдуллу. Поразительно, но телефоны в разных частях города еще работали. Связь окончательно прервалась только около десяти часов вечера. Голос у Вахида Абдуллы был спокойный. Он спросил, слышал ли я заявление по радио. Когда я ответил утвердительно, он сказал, что ситуация очень серьезная, и добавил, что по осажденному дворцу ведется сильный танковый огонь, но бомбардировка с воздуха прекратилась, наверное, из-за темноты. Я спросил о президенте. Вахид Абдулла ответил, что все в порядке и что Дауд вместе с Мохаммедом Наимом и семьей находится в соседней комнате. Вахид добавил, что все линии связи между дворцом и воинскими подразделениями и гарнизонами в Кабуле и его окрестностях перерезаны, и нет никакой возможности связаться с ними. Он сказал, что во дворце надеются, что 8-я дивизия, стоящая в Карге (около Кабула), и 7-я дивизия в Ришкоре (тоже недалеко от города) сами проявит инициативу и двинутся на столицу.

Несколько позже один высокопоставленный офицер разведки, с которым я хорошо был знаком, сообщил мне, что мятежники освободили из тюрьмы лидеров фракций Парчам и Халк и все они собрались в здании "Радио Афганистана", где обсуждают, какие срочные административные меры нужно принять. Советский посол Пузанов тоже находился там.

Было ясно, что коммунистический переворот удался. После временного затишья, около двух часов ночи, начался настоящий ад. Казалось, президентский дворец взлетел в воздух. Пламя освещало небо так, что было светло как днем. МИГи и вертолеты, волна за волной, атаковали дворец, словно мятежники, сжалившись, решили нанести последний удар, чтобы прекратить мучения осажденных. Позднее выяснилось, что объектом воздушных атак была также 7-я дивизия, которой удалось сгруппироваться и начать наступление на Кабул из Ришкора в надежде добраться до президентского дворца. На Даруламанской дороге 7-я дивизия попала под сильный огонь с воздуха и понесла значительные потери. Коммунисты были хозяевами в воздухе и использовали это преимущество очень эффективно. Через некоторое время дивизия свернула с дороги и рассеялась по сельской местности. Позже стало даже известно, что министр обороны Расули добрался до 8-й дивизии, стоявшей в Карге, но бросок на Кабул ему организовать не удалось. Тогда он направился в Ришкор и оставался с 7-й дивизией вплоть до самого ее разгрома. Расули был схвачен утром 29 апреля, привезен в Кабул и незамедлительно казнен. Верные Дауду командиры военно-воздушных и других важных воинских частей были, в соответствии с хорошо разработанным планом, либо отстраниены от командования, либо убиты в самом начале переворота кучкой офицеров-коммунистов.

Около четырех часов утра 28 апреля грохот внезапно стих. На город упала зловещая тишина. Мы поняли, что наступил конец. Сопротивление Национальной гвардии, оборонявшей президентский дворец от бешеных атак мятежников, было, наконец, подавлено. Героические солдаты гвардии сражались под постоянным танковым и воздушным обстрелом и погибли почти все до одного. Заговорщики добили уцелевших и ворвались во внутренние помещения дворца. Мохаммед Дауд просил министров и сотрудников своего секретариата сдаться, чтобы избежать ненужных жертв. Все, кроме Абдуллы и Кадира Нуристани, покинули его. Было около шести часов утра, когда толпа ворвалась в комнату, где находился Дауд, его семья и два министра. Один из мятежников крикнул Дауду, чтобы он сдался. Говорят,

Дауд ответил: "Кучке чужаков-безбожников я не сдамся", после чего президент, его брат Мохаммед Наим, их семьи (почти полностью, не исключая и маленьких детей) и оба министра были убиты. В тот же день была провозглашена Демократическая Республика Афганистан. После падения дворца были арестованы все министры. В течение недели после переворота коммунистическое правительство казнило Вафиуллу Самийя и Вахида Абдуллу. Остальные были брошены в тюрьмы.

*

Почему режим Дауда, столь, казалось бы, прочно утвердившийся, пал с такой легкостью и быстротой? Готового ответа на это, конечно, нет. Очевидно одно — внезапное падение режима не было вызвано или ускорено уличными демонстрациями, недостатком продуктов или студенческими волнениями, на что намекают некоторые западные обозреватели. Любой житель Кабула мог бы засвидетельствовать, что ни уличных демонстраций (кроме той единственной траурной процессии на похоронах Хайбера, о которой я говорил), ни дефицита продуктов, ни студенческих волнений не было ни до переворота, ни в тот день, когда он начался. Не менее очевидно и другое — победе небольшой группы офицеров-коммунистов более всего помогла советская помощь в планировании всей операции. С помощью тщательно разработанного плана коммунисты очень быстро подчинили себе армию и эффективно ее использовали.

Афганистан сам по себе не представлял для СССР никакой ценности, кроме того единственного обстоятельства, что он находится на южном фланге Советского Союза и потому считается ключом к индийскому субконтиненту.

После того, как британские войска были выведены с индийского субконтинента и из района к югу от Суэца, многие думали, что образовавшийся вакуум заполнят Соединенные Штаты. Однако после ряда неудачных экспериментов с различными военными пактами стало ясно, что по ряду причин США не могут заменить английского влияния в Азии. А после вьетнамской трагедии Соединенные Штаты еще больше ушли в себя. В довершение всего их влияние было ослаблено всеобщим благодушием, вызванным разрядкой. Что же до Китая, который Соединенные Штаты постоянно поощряли занять более активную позицию в целях сдерживания экспансионистских устремлений Советского Союза, то он и сегодня, видимо, преследует лишь свои собственные интересы, балансируя между двумя сверхдержавами.

Полное отсутствие интереса Соединенных Штатов к судьбе Афганистана было поистине замечательным. Американские вершители судеб явно посчитали, что им будет проще всего защищать интересы Запада за пределами Афганистана. К этому можно добавить и другие соображения. США решили, что их активное участие в делах Афганистана может оказаться для последнего роковым, ибо возросшая роль Соединенных Штатов в этой стране могла бы дать повод СССР считать себя под угрозой. Непоследовательность решения американцев оставить Афганистан, чтобы не провоцировать Москву, была прекрасно подмечена одним американским обозревателем: "По непонятным причинам страх спровоцировать Москву не распространился на такие граничащие с СССР страны, как Турция и Иран, или на Пакистан".

Прекрасно понимая невозможность экспансии в Европе, советские лидеры пришли к выводу, что назрели благоприятные условия для осторожного продвижения в Азию. На этой новой стадии азиатской экспансии, после почти столетнего перерыва, присоединение Афганистана к СССР должно было стать, по логике вещей, первым шагом. Одним из важных факторов, способствовавших тому, что Советский Союз решил двинуться на юг, было состояние готовности его вооруженных сил. Со временем кубинского кризиса в 1962 г. Советский Союз методически наращивал свою военную мощь, и к началу 70-х гг. Москва была, по-видимому, довольна достигнутыми результатами. В 1975 г. Н.Подгорный сказал Мохаммеду Дауду, что

советские вооруженные силы готовы отразить любую агрессию объединенных сил Запада. Другие побудительные мотивы, придавшие окончательную форму советскому решению, были связаны с самим Афганистаном, который Н.Хрущев в разговоре с Даудом как-то назвал "единственным окном, еще открытым на юг, через которое Советский Союз может дышать".

Советский Союз стремился как можно прочнее обосноваться в Афганистане и к началу 70-х годов считал, что уже добился этой цели. Но в 1975 г. его постигло разочарование. Наступление Дауда на местных коммунистов; помощь, полученная Афганистаном из разных источников и, соответственно, уменьшение афганской зависимости от Советского Союза; улучшение отношений Афганистана с Пакистаном и, как следствие этого, невозможность для советских руководителей манипулировать этими отношениями по собственному усмотрению; вероятность того, что может возникнуть прозападная ось Тегеран-Кабул-Исламабад — все эти обстоятельства заставили СССР понять, что Афганистан быстро отдаляется от него. И все это, конечно, говорило в пользу спешного захвата Афганистана.

После столкновений между Даудом и Брежневым весной 1977 г. советские руководители, должно быть, окончательно убедились в том, что Дауд не тот человек, который будет менять свою политику им в угоду. Вероятно, именно после этой встречи они решили как можно скорее покончить с Даудом и Афганской республикой.

Кроме того, к тому времени отношения между Соединенными Штатами и Пакистаном заметно охладились, особенно из-за разногласий по поводу ядерной политики Пакистана. Постепенное отдаление США от Пакистана и эволюция последнего в сторону неприсоединения тоже должны были рассматриваться Москвой как благоприятное развитие событий. За несколько месяцев до апрельского переворота посол Пузанов сказал мне, что ослабление американского влияния в Пакистане и выход Пакистана из военных пактов, руководимых Соединенными Штатами, заставят, конечно, пакистанское руководство глубже осознать особые и законные интересы Советского Союза в этом регионе. Пузанов заметил, что Советский Союз тоже азиатское государство и как таковое имеет свои особые интересы. Растущая уязвимость Пакистана радовала Москву, которая видела в этом помимо всего прочего удар по американской мощи и американским интересам в Азии. На основании всех этих соображений Москва, видимо, решила, что американцы не проявят сколько-нибудь решительной реакции на ее действия в Афганистане.

Убийство Мир Акбар Хайбера тоже, скорее всего, форсировало ход событий. Афганское коммунистическое руководство внушило советским лидерам, что убийство Хайбера воодушевило массы и вряд ли такие благоприятные условия для переворота снова представляются в ближайшем будущем. Более того, говорят, что Хафизулла Амин сообщил русским, что Дауд решил ликвидировать всю коммунистическую партию в Афганистане. Этого Москва никак не могла допустить. Нельзя было позволить, чтобы дело дошло до открытого и беспристрастного суда над руководителями партии (чего, как известно, хотел Дауд), ибо на суде выяснились бы истинные масштабы подрывной деятельности Советского Союза в Афганистане.

Тем не менее есть свидетельства того, что советское руководство сомневалось, стоит ли переносить дату переворота на более ранний срок, так как не было уверено в прочности недавно созданного союза между фракциями Парчам и Халк. Прежде чем отдать приказ о свержении Дауда и создании коммунистического правительства в Афганистане, оно считало необходимым убедиться в том, что фракции действительно полностью слились в единую и сильную НДПА. Чтобы контролировать страну и управлять ею, нужны были гражданские кадры НДПА и коммунистическое правительство, состоящее из людей, тесно связанных с Советским Союзом.

По-видимому, руководство НДПА все-таки сумело убедить советских лидеров пойти на то, чтобы переворот начался раньше намеченного. Есть сведения, что

патологически честолюбивый Амин более чем кто-либо способствовал тому, чтобы они изменили свое первоначальное решение. Он сказал им, что союз Парчам и Халк — содружество реальное и прочное, а не просто слепленная на скорую руку организация, готовая развалиться под грузом государственных забот. Он убеждал их, что коммунистическое руководство, вышедшее из народа, полностью отвечает народным чаяниям и желаниям. Он еще раз заверил их, что знает наверняка, что народ примет коммунистов с распростертыми объятиями, поскольку считает их истинными представителями бедных и угнетенных. Он намекнул также, что нет оснований беспокоиться по поводу управления страной, потому что руководители НДПА, годами наблюдавшие за работой монархического правительства и правительства Дауда и анализировавшие их промахи и удачи, теперь полностью в курсе всех аспектов управления.

Не прошло и нескольких недель после падения республики Афганистан, как выяснилось, что все, о чем поведал Амин советским руководителям, было ложью с первого до последнего слова. Ненадежный союз между Парчам и Халк моментально распался, и раздоры между ними приобрели еще более враждебный характер, причем каждая из сторон стремилась уничтожить другую. Быстро выяснилось, что коммунистические лидеры ничего не знают ни о традициях, ни о надеждах, ни о проблемах афганцев. Что касается управления и руководства страной, то обе фракции оказались совершенно не готовыми к этому — до такой степени, что Советскому Союзу пришлось отправить в страну тысячи советников, чтобы те взвели на себя эту задачу.

Коммунистический переворот, жестокость Тараки и Амина и их полное непонимание обычаем и чаяний афганцев побудили население в разных частях Афганистана восстать с оружием в руках против новых владык. Восстание афганских националистов против чуждого им режима началось почти сразу же после того, как коммунисты захватили власть. Тогда же потянулся в Пакистан и Иран поток беженцев, спасавшихся от преследований и бедствий. Амин, убивший Тараки и смеявшийся его на посту главы коммунистического правительства, пытался подавить восстание прискорбно неумело, несмотря на мощную советскую поддержку. Коммунистический режим разваливался на части под бешеным натиском афганского сопротивления.

Советский Союз, чувствуя, что легкая победа, доставшаяся ему благодаря подрывной деятельности, может вскоре обернуться постыдным поражением, чтобы спасти положение, прибег к военной интервенции. Нет сомнения, что советская оккупация Афганистана в декабре 1979 г. была в значительной степени продиктована стремлением укрепить там коммунистический режим. В результате к произволу и зверствам афганских коммунистов прибавились ужасы советского военного "умиротворения". Очень вскоре после того, как советские войска оккупировали Кабул и Бабрак Кармаль был поставлен во главе афганского правительства, Амина казнили — среди прочего, может быть, и за ту ложь и тот пагубный совет, который он дал.

Апрельский коммунистический переворот обычно считается, особенно на Западе, событием менее значительным, чем оккупация Афганистана советскими войсками в декабре 1979 г. Психологический эффект военной агрессии оказался гораздо сильнее, чем эффект переворота, который одно время считали внутренним делом Афганистана, не затрагивающим интересов Запада. Был в этом и элемент шока: только когда Запад увидел советских солдат на Хайберском перевале, он вдруг очнулся и понял опасность советского присутствия в Афганистане. Тогда-то Запад и бросился организовывать что-то вроде сопротивления советской интервенции. Но было уже поздно.

Карл ПОППЕР

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕГО ВРАГАХ

Первая написанная по-английски книга крупнейшего современного философа Карла Поппера была принята к публикации в Лондоне, когда на город падали нацистские бомбы. Она вышла в свет в 1945 г. под названием "Открытое общество и его враги". Книга эта была очень хорошо встречена, однако, как полагает сам сэр Карл, не была вполне понята. В публикуемой статье, написанной в прошлом году, К.Поппер пытается еще раз в сжатой и ясной форме разъяснить свою теорию демократии (которую он вовсе не характеризует как "власть народа").

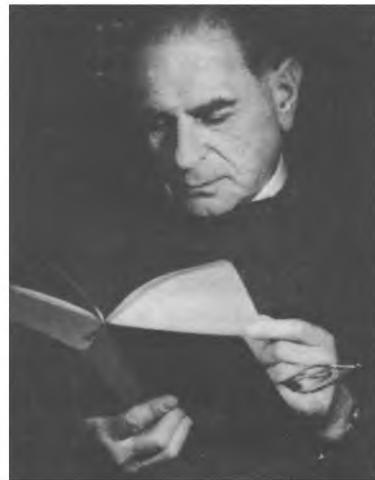
Политические воззрения К.Поппера снискали ему неблагосклонность советской официальной философии. БСЭ раздраженно излагает их следующим образом: "П. является апологетом бурж. демократии, рассматривая ее как "открытое", гуманное общество и противопоставляя "тоталитарным", "закрытым" обществам, к к-рым он с антикоммунистич. позиций причисляет социалистич. общество."

Том энциклопедии на букву "П", где напечатаны эти строки, вышел в свет в 1975 г., но похоже, что отношение к К.Попперу с тех пор мало изменилось. На XVIII Всемирном конгрессе философов в Брайтоне (Англия) в августе 1988 г. советская делегация (включая официальных переводчиков) демонстративно бойкотировала лекцию сэра Карла о свободе воли и детерминизме, которая явилась центральным событием конгресса. Английская пресса весьма ядовито комментировала блистательное отсутствие советских философов. Правда, в беседе с редактором "Страны и мира" один из членов советской философской делегации пояснил, что советский демарш вовсе не имел политической направленности: "Просто конгресс заканчивался, и это была последняя возможность отовариться, пока магазины не закрылись". Нам почему-то кажется, однако, что это объяснение, даже если оно верно с фактической стороны, мало что меняет по существу.

Вероятно, далеко не все согласятся со многими из высказываний сэра Карла. Это естественно. Тем не менее даже несогласные прочтут его статью с пользой для себя. Статья настолько актуальна, что кажется прямым откликом на происходящие сейчас у нас в стране напряженные дискуссии о путях будущего политического развития советского общества.

Моя теория демократии очень проста и легко понятна каждому. Однако в своей основе она совершенно отлична от веками утверждавшейся теории демократии, которую все воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Это отличие, по-видимому, не было уловлено именно вследствие простоты моей теории. Она избегает высокопарных слов и абстрактных понятий, таких, как "свобода" и "разум". Я верю в свободу и разум, но не думаю, что в этих терминах можно построить простую, практическую и плодотворную теорию. Они слишком абстрактны, и ими легко злоупотребить; и, конечно, определения их ровным счетом ничего не дают.

Я разделил мою статью на три части. В первой части вкратце описано то, что можно назвать классической теорией демократии: теория народовластия. Вторая часть представляет собой краткий очерк моей, более реалистической, теории. В третьей главным образом излагаются практические приложения моей теории. Это ответ на вопрос: "Какая, собственно, практическая польза от новой теории?"

Классическая теория

Классическая теория, говоря коротко, состоит в том, что демократия – это правление народа и что народ имеет право управлять. В обоснование того, что народ обладает этим правом, были приведены многочисленные и весьма разнообразные доводы; здесь мне, однако, нет нужды входить в их обсуждение. Вместо этого я вкратце рассмотрю исторический фон, на котором возникла эта теория, а также ее терминологию.

Платон был первым теоретиком, который привел в систему различия между главными, по его мнению, формами городов-государств. Он разделил их на следующие типы: 1. Монархия, или правление одного хорошего человека, и тирания – искаженная форма монархии; 2. Аристократия, или правление нескольких хороших людей, и олигархия – ее искаженная форма; 3. Демократия, или правление многих, всего народа. У демократии он не выделил двух форм. Ибо многие всегда образуют толпу, так что демократия сама по себе есть искаженная форма правления.

Если присмотреться внимательнее к этой классификации и спросить себя, что, собственно, имел в виду Платон, занимаясь своими построениями, то обнаружится нечто общее между теорией Платона и теориями всех других авторов. От Платона до Карла Маркса и тех, кто пришел за ним, основным вопросом всегда был следующий: кто должен править государством? (Замечу здесь, что один из моих основных тезисов как раз и состоит в том, что этот вопрос должен быть заменен совершенно другим.) Ответ Платона был прост и наивен: править должны "лучшие". Если возможно – один, "самый лучший". Если нет – несколько лучших, аристократы. Но безусловно – не многие, не толпа, не демос.

В Афинах же, задолго до рождения Платона, утвердились нечто прямо противоположное: править должен народ, демос. Все важные политические решения – такие, как вопросы войны или мира, – принимало собрание всех полноправных граждан. Сейчас это называется "прямой демократией"; однако никогда не следует забывать, что граждане составляли меньшинство населения – даже среди коренных жителей. Здесь важным для нас обстоятельством является то, что афиняне считали свою демократию альтернативой тирании – деспотическому правлению; в действительности же они хорошо знали, что народный вождь народным же голосованием может быть наделен властью тирана.

Так что им было известно, что глас народа может ошибаться даже в наиболее важных вопросах. (Это подтверждает институт остракизма: подвергшееся острокизму лицо изгонялось исключительно из предосторожности; его не судили и во все не рассматривали как виновного.) Афиняне были правы: демократически принятые решения могут быть ошибочными; ошибкой может стать и наделение правительства властью путем демократического голосования. Трудно – если не невозможно – так составить конституцию, чтобы она гарантировала от ошибок. Таков один из сильнейших доводов в пользу выведения идеи демократии из практического принципа избежания тирании, а не из божественного, или из морально оправданного, права народа на управление.

Принцип легитимации или оправдания законности (принцип, с моей точки зрения, порочный), играл в европейской истории огромную роль. Когда римские легионы были сильны, императоры основывали свою власть на простом принципе: законность правительству придает армия, которая его таковым провозглашает. Но с упадком Империи проблема легитимации приобрела особую остроту. Это вполне ощущал уже Диоклетиан, пытавшийся идеологически укрепить новую структуру Империи божественных Цезарей, опираясь на традиции и религию, присваивая себе титулы Цезаря и Августа, возводя свой род к Геркулесу и Юпитеру.

Но была, по-видимому, нужда в более авторитетной, более глубокой религиозной легитимации. В следующем поколении монотеизм в форме христианства (из

всех известных форм монотеизма эта получила наибольшее распространение) предложил себя Константину в качестве решения проблемы. С этих пор правитель властвовал милостью Божьей – единого и единственного всемирного Бога. Полный успех новой идеологии легитимации объясняет как тесные связи, так и напряженность в отношениях между духовной и светской властью, которые взаимно зависели друг от друга и, следовательно, соперничали на протяжении всего периода средневековья.

Итак, в Средние века ответ на вопрос: "Кто должен править?" был таков: правит Бог через своих законных представителей на земле. Этому принципу легитимации впервые бросила серьезный вызов Реформация, а за нею – Английская революция, которая провозгласила божественное право народа на правление. Но в ходе революции это божественное право народа было немедленно использовано для установления диктатуры Оливера Кромвеля.

После смерти диктатора произошел возврат к прежним формам легитимации. Именно нарушение протестантской легитимации Яковом II, который сам был легитимным монархом, привело к "Славной революции" 1688 г. и к развитию британской демократии путем постепенного усиления власти парламента, который провозгласил законными правителями Вильгельма III Оранского и его жену Марию. Уникальный характер этой демократии объясняется исключительно усвоенным англичанами опытом: фундаментальные теологические и идеологические распри относительно того, кто должен править, ведут только к катастрофе. Ни королевская легитимность, ни правление народа более не были надежными принципами. На практике имела место монархия несколько сомнительной легитимности, созданная по воле парламента, и неуклонно возраставшая парламентская власть. Англичане стали относиться с подозрением к абстрактным принципам. Платоновский вопрос: "Кто должен править?" в Великобритании более не поднимался всерьез.

Карл Маркс, который отнюдь не был английским политическим деятелем, все еще увлеченно занимался решением старого платоновского вопроса. Для него он стоял так: "Кто должен править – добрые или злые, рабочие или капиталисты?" И даже те, кто вообще отвергал государство во имя свободы, не могли освободиться от пут ложно понятой старой проблемы; они называли себя анархистами – противниками любой формы власти. Можно лишь сочувствовать их безуспешным попыткам избавиться от старого вопроса: "Кто должен править?"

Более реалистическая теория

В своей книге "Открытое общество и его враги" я предложил рассматривать в качестве основной проблемы национальной политической теории совершенно иной вопрос. В отличие от старого, новый вопрос можно сформулировать так: как должно быть устроено государство, чтобы от дурных правителей можно было избавиться без кровопролития, без насилия?

В противоположность старому, новый вопрос представляет собой чисто практическую, почти техническую проблему. Современные так называемые демократии являются хорошим примером практического решения этой проблемы, хотя они вовсе не были сознательно сконструированы для этой цели. Ибо все они приняли простейшее решение этого нового вопроса – принцип, согласно которому правительство может быть свергнуто большинством голосов.

В теории, однако, эти современные демократии все еще исходят из совершенно непрактичной идеологии, согласно которой именно народ – все взрослое население – является или по праву должен являться подлинным и единственным законным правителем. Но, конечно, в действительности народ нигде не правит. Управляют правительства (и, к несчастью, также бюрократы, эти "слуги народа" – или "неуслужливые хозяева", как называл их Уинстон Черчиль, – которых трудно, если не невозможно, заставить отвечать за свои действия).

Каковы следствия из этой простой практической теории правительства? Моя постановка проблемы и мое простое ее решение, конечно, не вступают в противоречие с практикой западных демократий – ни с неписаной конституцией Великобритании, ни с многочисленными писанными конституциями, которые в большей или меньшей степени берут за образец британский парламент. Моя теория пытается описать их практику, а отнюдь не идеологию. Поэтому я думаю, что вполне могу называть ее теорией "демократии", хотя, подчеркну еще раз, это вовсе не теория "народоправства", а скорее теория правления закона, который постулирует бескровный распуск правительства простым большинством голосов.

Моя теория легко избегает противоречий и трудностей старой теории – например, такого вопроса: "Что делать, если однажды народ проголосует за установление диктатуры?" Конечно, маловероятно, что это случится, если голосование свободное. Но ведь это случалось! Что делать, если это случится опять? В большинстве конституций для их дополнения или изменения нужно набрать больше чем простое большинство голосов, так что для голосования против демократии потребуется, скажем, две трети или даже три четверти голосов ("квалифицированное" большинство). Но само наличие этого требования показывает, что такое изменение в принципе возможно; в то же самое время отвергается принцип, по которому воля "неквалифицированного" большинства является первичным источником власти, то есть что народ имеет право управлять, выражая свою волю простым большинством голосов.

Всех этих теоретических трудностей можно избежать, если отказаться от вопроса: "Кто должен править?" и заменить его новой и чисто практической проблемой: как лучше всего можно избежать ситуаций, в которых дурной правитель причиняет слишком много вреда? Когда мы говорим, что лучшим известным нам решением является конституция, позволяющая большинством голосов распустить правительство, мы не говорим при этом, что большинство всегда право. Мы даже не говорим, что оно обычно право. Мы говорим лишь, что эта несовершенная процедура – лучшее из изобретенного до сих пор. Уинстон Черчилль однажды пошутил, что демократия – худшая из всех форм правления, за исключением всех остальных.

В этом и заключается суть дела: каждый, кто когда-либо жил при другой форме правления – то есть при диктатуре, устраний которую нельзя без кровопролития, – знает, что за демократию, сколь бы она ни была несовершенна, стоит сражаться, и я думаю – стоит умереть. Это, однако, лишь мое личное убеждение. Было бы неправильно пытаться убедить в этом других.

Мы можем построить всю нашу теорию на том, что нам известны лишь две альтернативы: либо диктатура, либо какая-то форма демократии. Мы основываем наш выбор не на добродетелях демократии, которые могут оказаться сомнительными, а единственно лишь на пороках диктатуры, которые несомненны. Не только потому, что диктатура неизбежно употребляет свою силу во зло, но и потому, что диктатор, даже если он добр и милостив, лишает других людей их доли ответственности, а следовательно, и их прав и обязанностей. Этого достаточно, чтобы сделать выбор в пользу демократии – то есть в пользу правления закона, который дает нам возможность избавляться от правительства. Никакое большинство, как бы велико оно ни было, не должно быть достаточно "квалифицированным", чтобы уничтожить это правление закона.

Пропорциональное представительство

Таковы теоретические различия между старой и новой теориями. Как пример практического различия между ними я предлагаю рассмотреть вопрос о пропорциональном представительстве.

Старая теория и вера в то, что правление народа, осуществляемое народом и во благо народа, составляет его естественное (или божественное) право, лежат в основе всех привычных доводов в пользу пропорционального представительства. Ибо, если народ правит через своих представителей, принимающих решения боль-

шинством голосов, то существенно важно, чтобы численное распределение мнений среди избранных представителей насколько возможно точно отражало распределение мнений среди тех, кто является реальным источником легитимной власти – то есть самого народа. Что-либо иное было бы крайне нечестно, противоречило бы всем принципам справедливости.

Этот аргумент теряет силу, если отказаться от старой теории. Тогда мы сможем взглянуть менее пристрастно и, возможно, с меньшей предвзятостью на неизбежные (и вероятно, непреднамеренные) практические следствия пропорционального представительства. А следствия эти поистине опустошительны.

Прежде всего, пропорциональное представительство предоставляет, хоть и косвенно, конституционный статус политическим партиям, которого они иным способом не смогли бы добиться. Ибо я более не могу выбирать человека, которому доверяю меня представлять: я могу выбирать лишь партию. А люди, которые могут представлять партию, выбираются лишь самой этой партией. Но если люди и их взгляды всегда заслуживают величайшего уважения, взгляды, выражаемые партиями (которые представляют собой средства достижения власти и осуществления личной карьеры, с неизбежными при этом интригами), нельзя отождествлять с обычными человеческими взглядами: это не взгляды, а идеологии.

В конституциях, которые не предусматривают пропорционального представительства, нет нужды даже упоминать о партиях. Избиратели любого избирательного округа посыпают в парламент своего собственного представителя. Будет ли он независимым или объединится с другими в партию – это его личное дело, которое он может, если нужно, объяснять и защищать перед своими избирателями.

Обязанность его состоит в том, чтобы в полную меру своих способностей защищать интересы тех людей, которых он представляет. Эти интересы в большинстве случаев будут совпадать с интересами всех граждан страны, с интересами нации. На защиту этих интересов он должен употребить все свои знания. Он лично ответствен перед теми, кто его послал в парламент.

Это единственная обязанность и единственная ответственность представителя, которые должны быть закреплены в конституции. Если он считает, что у него есть также долг перед политической партией, это может быть оправдано только тем, что, по его мнению, при помощи партии он может выполнить свою основную обязанность лучше, чем без нее. Следовательно, долг избранного представителя – покинуть партию, как только он осознает, что свою основную обязанность он может выполнить лучше без партии или, быть может, при помощи другой партии.

Все это невозможно в стране, конституция которой предусматривает пропорциональное представительство. Ибо при пропорциональном представительстве кандидат добивается избрания единственно в качестве представителя партии, независимо от того, в каких именно выражениях это описано в конституции. Если он избран, то главным образом – если не исключительно – потому, что он принадлежит к определенной партии или представляет ее. Так что он лоялен прежде всего по отношению к своей партии и к партийной идеологии, а вовсе не к людям (за исключением, возможно, лидеров своей партии).

Следовательно, он никогда не ощущает долга голосовать против партии, к которой принадлежит. Напротив, он имеет моральные обязательства перед своей партией, в качестве представителя которой он избран в парламент. Если он не может более соблюдать эти обязательства в согласии со своей совестью, его моральным долгом было бы, по моему мнению, уйти не только из партии, но и из парламента, хотя бы конституция страны и не накладывала на него такого обязательства.

Фактически система, по которой представитель был избран, лишает его личной ответственности. Она превращает его в голосующую машину, а не думающую и чувствующую личность. По-моему, это уже само по себе является достаточным аргументом против пропорционального представительства. Ибо в политике нам нужны личности, которые могут выносить свое собственное суждение и готовы нести персональную ответственность.

Таких людей трудно найти при любой партийной системе, даже и без пропорционального представительства, — а нужно признать, что мы не нашли еще способа, как вести дела вообще без партий. Но уж если мы вынуждены иметь партии, то лучше не усиливать добровольно порабощенность наших представителей партийной машиной и партийной идеологией, вводя в конституцию пропорциональное представительство.

Непосредственным результатом пропорционального представительства является тенденция к увеличению числа партий. На первый взгляд это может показаться желательным: чем больше партий, тем больше выбор, больше возможностей, больше гибкости, больше критики. Это означает также большую распределенность влияния и власти.

Однако это первое впечатление совершенно ошибочно. Существование многих партий означает, в сущности, неизбежность правительственные коалиций. Это затрудняет формирование каждого нового правительства и лишает его возможности сохранять устойчивость сколько-нибудь длительное время.

Правление меньшинства

Если пропорциональное представительство исходит из идеи, что влияние партии должно соответствовать числу голосующих за нее избирателей, то существование коалиционного правительства чаще всего означает, что малые партии пользуются непропорционально большим — и нередко решающим — влиянием на формирование или распуск правительства, а также на все его решения. Что важнее всего, это ведет к уменьшению ответственности. Ибо в коалиционном правительстве ответственность всех участников коалиции резко понижена.

Пропорциональное представительство — а его результатом как раз и является большое число партий — может, следовательно, иметь пагубное влияние в самом решающем вопросе: как избавиться от правительства путем голосования, например, на парламентских выборах. Избиратели имеют основания ожидать, что ни одна из партий все равно не получит абсолютного большинства. Поэтому они не очень озабочены тем, чтобы голосовать конкретно против какой-либо партии. В результате в день выборов ни одна из партий не ощущает себя осужденной, ни одна не является изгнанной. Следовательно, никто не ждет дня выборов как Судного дня, когда ответственное правительство дает отчет в своих делах или бездействии, в успехах или провалах, а ответственная оппозиция критикует правительство и объясняет, какие шаги оно должно было предпринять и почему.

Потерю 5–10% голосов той или иной партией избиратели не рассматривают как обвинительный приговор. С их точки зрения, это лишь временные колебания популярности. Со временем люди привыкают к мысли, что ни одна из политических партий, ни один из лидеров не могут фактически быть ответственными за свои решения, к принятию которых их принуждала необходимость образования коалиции.

С точки зрения новой теории день выборов должен стать Судным днем. Еще в 430 г. до н.э. в Афинах Перикл сказал: "Лишь немногие могут творить политику, но судить о ней могут все". Конечно, наши суждения могут быть, и часто бывают, ошибочными. Но если мы пережили период, когда партия находилась у власти и ощущали на своей шкуре последствия этого, мы по крайней мере обладаем некоторым правом выносить о ней свое суждение.

Это предполагает, что находящаяся у власти партия и ее лидеры должны быть полностью ответственны за то, что они делали, что в свою очередь предполагает правительство большинства. Но при пропорциональном представительстве, даже если одна партия составила правительство абсолютного большинства и затем была отвергнута разочарованными избирателями, ей вовсе нет нужды уходить от власти. Скорее такая партия поищет себе партнера — малую партию, достаточно сильную, чтобы в коалиции с ней можно было продолжать править.

Следовательно, лидер крупной партии, которому избиратели вынесли порицание, будет по-прежнему возглавлять правительство — в прямом противоречии с волей большинства — при помощи одной из малых партий, чья политика может быть

весьма далека от "выражения воли народа". Конечно, в новом правительстве малая партия будет представлена не очень значительно. Но власть ее будет велика, ибо в любой момент она может свергнуть правительство. Все это в огромной мере подрывает идею, лежащую в основе пропорционального представительства, — идею о том, что влияние какой-либо партии должно соответствовать количеству голосов, которое она может собрать.

Двухпартийная система

Чтобы правительство большинства стало возможным, необходимо нечто подобное двухпартийной системе, существующей в Великобритании и в Соединенных Штатах. Так как существующая практика пропорционального представительства сильно затрудняет установление такой системы, я считаю, что в интересах парламентской ответственности следует сопротивляться искуstельной идее о том, что демократия предполагает пропорциональное представительство. Вместо этого мы должны стремиться к двухпартийной системе или, по крайней мере, к какому-то приближению к ней, ибо такая система постоянно стимулирует процесс самокритики обеих партий.

Эта точка зрения, однако, нередко вызывает возражение, которое заслуживает внимания: "Двухпартийная система подавляет образование новых партий". Это правильно. Но мы знаем, что в обоих крупных партиях, будь то в Великобритании или в Соединенных Штатах, за время их существования произошли значительные изменения, так что подавление других партий не обязательно означает отсутствие политической гибкости.

Суть дела в том, что при двухпартийной системе партия, потерпевшая поражение на выборах, обязана отнести к этому серьезно. Она должна подумать о том, как изменить цели, которые она перед собою ставит, то есть как реформировать партийную идеологию. Если партия потерпела поражение два или даже три раза подряд, поиск новых идей может стать очень энергичным, а это, очевидно, явление очень здоровое. Все это скорее всего и произойдет, даже если потеря голосов была и не очень значительна.

Маловероятно, что подобное случится при многопартийной системе, в условиях коалиции. И партийные лидеры, и избиратели склонны реагировать спокойно на потерю голосов, особенно, если она невелика. Они рассматривают это как часть игры, ибо ни одна из партий не несет ясно выраженной ответственности. Демократия нуждается в гораздо более чувствительных и, если возможно, постоянно находящихся настороже партиях. Только таким путем можно заставить их быть самокритичными. Склонность к самокритике после поражения на выборах гораздо более выражена в странах с двухпартийной системой, чем там, где существует несколько партий. Вопреки первому впечатлению, двухпартийная система оказывается практически более гибкой, чем многопартийная.

Говорят: "Пропорциональное представительство дает новосозданной партии шанс вырасти. Без него этот шанс весьма невелик. А наличие третьей партии может резко улучшить деятельность двух больших партий". Вполне возможно, что это и так. Но что, если появятся пять-шесть новых партий? Как мы уже видели, даже одна малая партия может обрести совершенно непропорциональную власть, если она получит право решать, к какой из двух больших партий присоединиться, чтобы образовать правительственную коалицию.

Говорят также: "Двухпартийная система несовместима с идеей открытого общества, с открытостью для новых идей, с идеей плюрализма". Я на это отвечаю: и Великобритания, и Соединенные Штаты очень открыты для новых идей. Абсолютная же открытость была бы столь же саморазрушительной, как и абсолютная свобода. Кроме того, культурная открытость и политическая открытость — две разные вещи. И гораздо более важным, чем безграничное расширение политических споров, может стать ответственное отношение партий к предстоящему политическому Судному дню.●

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОППЕРУ

Через три года Карлу-Раймунду Попперу, заслуженному профессору логики и методологии науки Лондонского университета, члену Королевского общества, Французского института, Национальной Академии рысёглазых в Риме и десятка других ученых корпораций различных стран, одному из великих стариков Европы, — исполнится 90 лет. Хотя место Поппера в иерархии преобразователей мысли еще не вполне определилось, — некоторые сравнивают его с Коперником, другие склонны к более сдержанным оценкам, — его смело можно причислить к тем, кому мы обязаны переворотом, совершившимся в первой трети двадцатого века; этот переворот, состоящий в отказе от классических моделей мышления, равно затронул науку, философию, литературу и искусство.

Поппер, однако, видел свою задачу в решительном ограничении научного взгляда на мир от других форм духовно-познавательной деятельности, от наукообразной мифологии, от художественного созерцания, от религиозного откровения. Древний вопрос, заданный Пилатом Христу, — что следует считать истиной, — для Поппера есть прежде всего вопрос о достоверности научного знания, о том, что, собственно, мы подразумеваем под наукой и чем она отличается от не-науки. Ответ, который он дал — в век гологородительных научных достижений, — поражает своей осторожностью, тем, что сам Поппер называет скромностью (*Bescheidenheit*), видя в ней необходимое качество мыслителя и аналитика, но именно этот ответ дает ему основание предостеречь не только против науковерия, но и против дурно понятого историзма в общественной мысли и политике, историзма, буквально порабощившего миллионы людей и санкционирующего самые отвратительные режимы.

1.

Поппер был подданным австро-венгерской империи, он родился в Вене в 1902 году, и его школьные годы совпали с эпохой, когда это гротескное государство, "Какания" Роберта Музиля, одновременно переживало и свой закат, и необычайный культурный взлет. Достаточно сказать, что он был соотечественником и современником таких людей, как физик Эрнст Мах, философ Людвиг Витгенштейн, врач Зигмунд Фрейд, писатель Франц Кафка, композитор Густав Малер, поэт Райннер Мария Рильке или художник Оскар Кокошка. В год крушения монархии (1918) Поппер бросил школу, ввязался в политику; в своей автобиографии он пишет о том, что "два или три месяца" был увлечен коммунистическими идеями. Затем наступило разочарование, чему немало способствовали кровавые столкновения на венских улицах в 1919 г. "В 17 лет я уже был анти-марксистом. Я понял догматический характер марксизма и его невероятные интеллектуальные претензии". Если Маркс полагал, что религия — опиум для народа, то юный Поппер пришел к убеждению, что учение основоположника "научного коммунизма" — это тоже опиум. Позднее он отнес знакомство с марксизмом к числу самых главных событий своей жизни.

В двадцатые годы Поппер перепробовал много профессий, собираясь стать музыкантом, овладел столярным ремеслом, был педагогом в школе для трудновоспитуемых подростков. Затем его интересы сосредоточились на математике и теоретической физике, а также философии Канта; он стал участником частного семинара математиков, занимавшихся проблемами логики и теории познания. Компания собиралась по четвергам на квартире философа Морица Шлика. Постепенно обозначилась главная задача семинара — соединение опытного знания и математической логики в единое научоучение; идеал знания — единица наука с универсальным формализованным языком, мечта, увлекавшая Декарта и Лейбница; соответственно цель и задача философии — логическое прояснение процесса выработки понятий и логического смысла предложений, ибо наука, строго говоря, представляет собой не систему знаний как таковых, но систему научных предложений. Семинар, находившийся под сильным влиянием Л. Витгенштейна и Р. Карнапа, вошел в историю философии под именем Венского кружка.

Первая крупная работа Карла Поппера, "Логика исследования" ("Logik der Forschung", 1934), до сего времени остается его главной книгой: все последующие труды Поппера по теории познания лишь развивали и уточняли тезисы "Логики". Книга принесла автору международную известность, посыпались приглашения на кафедры. В 1936 году произошло личное знакомство Поппера с Бертрамом Расселом, "величайшим мыслителем после Канта". Эта характеристика, предпочтение, демонстративно отданное создателю философии логического анализа перед такими современниками, как Бергсон, Гуссерль или Хайдеггер, примечательны: они выражают глубокое недоверие Поппера к умозрительному философствованию. Стоит упомянуть и об отвращении к теологии: теоретизирование о Боге, по мнению Поппера, есть знак неверия. Весной следующего, 1937 года Поппер получил место профессора в университете города Крайстчерч (Новая Зеландия) и оставил родину — как выяснилось в скором времени, навсегда.

Спустя год Австрия была присоединена к нацистскому рейху. Затем началась Вторая мировая война. Все это время Поппер находился вдали от Европы. Его языком стал английский. В последние два года войны появились его работы "Ницца историзма" ("The Poverty of Historicism") и "Открытое общество и его враги" ("The Open Society and Enemies"). В цитированной выше автобиографии — она вышла в семидесятых годах под названием "Неоконченный поиск, жизнеописание мыслящего человека" ("Unended Quest: An Intellectual Autobiography") — Поппер называет эти книги своим вкладом в преодоление фашизма. Но не только события войны побудили автора перейти от гносеологии и анализа оснований науки к актуальной политической истории и социологии; представление о Поппере как об ученом отшельнике, сугубо кабинетном мыслителе вообще ложно. Критика квазинаучных доктрин, будь то расовая теория национал-социализма или "всепобеждающее учение", столь знакомое нам в СССР, была для него, так сказать, прикладным науковедением, а политическая ситуация в Европе между двумя мировыми войнами, кризис демократии и триумфальный марш тоталитаризма сделали эту критику настоятельно необходимой.

В 1947 году философ переселился в Лондон; с 1950 г. он живет за городом, в мелкоточке Пенн, графство Бакингемшир. Обширный трехтомный труд сэра Карла Поппера "Послесловие к логике научного открытия" ("Postscript to the Logic of Scientific Discovery", 1982—1983) — итог исследований последних лет и одновременно сочинение, подводящее черту под всей его долгой жизнью.

2.

Нам не раз приходилось слышать, что критерий достоверности научного знания — не в нем самом, а в практике: теория находит свое наглядное подтверждение в практическом использовании ее выводов. Этот взгляд, подкрепляемый цитатами из Ленина и т.п., подкупает своей простотой и кажущейся убедительностью, тем не менее его можно оспорить; можно найти сколько угодно примеров в истории науки, когда теории, впоследствии признанные ошибочными, прекрасно работали в технической, медицинской или иной практике.

Со времен Фрэнсиса Бэкона стало обычным думать, что "лишь опыт приносит надежные плоды". Девиз Лондонского Королевского общества: *nullius in verba, "ничими словами"* (представляющий собой цитату из Горация), можно было бы и в наши дни начертать над входом в любое научно-исследовательское учреждение. Ничей авторитет не обладает правом решающего голоса; никакую догму не следует принимать на веру; лишь наблюдение и эксперимент могут стать источником положительного знания. Индукция, обобщение опытных данных — вот царский путь исследования. Напомним еще один важный тезис классической методологии естественных наук — четвертое "правило философствования", прибавленное Ньютона во втором издании "Математических Начал" (1713 г.): "В экспериментальной науке выводы, сделанные из наблюдений, следует считать достоверными или почти достоверными... до тех пор, пока не будут обнаружены другие явления, на основании которых эти выводы будут либо подкреплены и уточнены, либо отброшены."

Здесь содержится зерно проблематики, которая составила главный предмет сомнений и поисков Карла Поппера. На чем, собственно говоря, основана наша уверенность в том, что знания, добываемые наукой, подлинны и достоверны? Где вообще проходит граница, отделяющая трезвую науку от метафизической спекуляции? Этот вопрос казался Попперу тем более актуальным, что мифы и мистика, историософия и идеология, наукоподобные пророчества и замаскированные суеверия ныне определяют, по мнению философа, дух времени. Установление критерия достоверности было и основным пунктом расхождений Поппера с Венским кружком.

Теоретики Венского кружка выдвинули критерий "верифицируемости" (Verifizierbarkeit, verifiability principle). Предложение, или высказывание, является осмысленным ("научным"), если оно может быть проверено в воспроизведимом опыте или если оно тавтологично, то есть повторяет в иной формулировке само себя ("понедельник — один из дней недели"). Принцип верифицируемости заставляет квалифицировать как ненаучные все высказывания иного рода, например, тезисы теоретической философии, постулаты этики и морали, эстетические нормы и правила, всевозможные вероучения и так далее. Поппер согласен с этим. С чем он не согласен, так это с самим критерием верифицируемости, который представляет собой не что иное, как возврат к священному принципу индукции. Все, что можно проверить опытным путем, подтвердить в опыте, воспроизвести в опыте, есть несомненная истина, прочее — произвольные гипотезы. Гипотез же, сказал Ньютон, я не измышляю.

На самом деле, возразил Поппер, всякая наука, если она не желает довольствоваться простым коллекционированием эмпирических фактов, — не только не обходится без гипотез, но и не может быть ничем иным, как гипотетическим построением. Все научные теории рассматриваются с позиций критического рационализма (обычное наименование философии Поппера) как чистые гипотезы, как формы предположительного знания или рабочие модели; никто не может ручаться за их безупречное соответствие истине. Любая теория — это "конъектура" действительности, наподобие тех конъектур — предположительных реконструкций трудночитаемого текста, которые предлагает филолог или дешифровщик, когда он имеет дело с плохо сохранившимся манускриптом. "Решающий пункт, а именно, признание гипотетичности всех без исключения научных теорий, — пишет Поппер в автобиографии "Неоконченный поиск", — был, как я думаю, прямым следствием эйнштейновской революции, показавшей, что даже такое, казалось бы, с величайшим триумфом выдержанное проверку сооружение, как теория Ньютона, было не более чем гипотезой".

Но как же быть с достоверностью? Что считать критерием науки? Взамен принципа верифицируемости философ предлагает принцип "фальсифицируемости" (Falsifizierbarkeit). Здесь нужно иметь в виду, что латинское слово *falsus* и его западноевропейские дериваты не вполне соответствуют смыслу таких русских слов, как "фальшивый" или "фальсификация". Под фальсифицируемостью подразумевается возможность установить ошибочность того или иного высказывания — возможность опровержения. Именно она делает науку наукой.

Всякая теория притязает на логическое объяснение некоторой совокупности фактов. Факты, которые входят в компетенцию той или иной теории, могут согласоваться с ней, могут и не согласоваться. Теория представляет собой резюмирующее высказывание (или систему высказываний), которое в свою очередь может быть переформулировано в отрицательное высказывание. Вот пример самого Поппера (из книги "Логика исследования") : теория утверждает, что белая окраска лебедя — существенно важный признак этих птиц. Высказывание "Все лебеди — белого цвета" можно сформулировать иначе: "Лебедей другого цвета не бывает". Предположим, что некто наблюдал черного лебедя. На этом основании он формулирует новое предложение: "Бывают лебеди не белого цвета". Гипотеза о том, что лебедям присущ исключительно белый цвет, оказывается несостоятельной. Она фальсифицируется новым наблюдением. Именно это обстоятельство — что она была и остается открытой для опытной проверки — делает теорию научной.

Чем больше следует фальсифицируемых выводов из теории, тем она содержательней в научном отношении. Теория должна быть в принципе опровергимой — только

тогда она принадлежит науке; система высказываний, которую нельзя подвергнуть решающему испытанию опытом, неопровергимая теория — ненаучна. Таков парадоксальный вывод Поппера.

Мы не требуем, говорит он, чтобы система могла быть раз и навсегда оценена в положительном смысле, но мы требуем, чтобы логическая форма системы допускала возможность отрицательной оценки на основе методической проверки. Никакая научно-эмпирическая система в принципе не защищена от краха. "Защищенность", напротив, — признак неосмыслинности в том смысле, в каком Поппер употребляет это слово: ненаучности.

Утверждение "Бога нет" ненаучно, ибо его нельзя опровергнуть. Но и обратный тезис научно недоказуем, ибо неопровергим. Фраза "Материя первична, сознание вторично" с научно-методической точки зрения бессмыслена, так как ее невозможно дискутировать путем опыта. Учение о том, что капиталистическая формация неизбежно должна смениться социалистической (Маркс); теория, согласно которой культуры суть замкнутые в себе организмы и рано или поздно вянут и умирают, что фаустовская культура Западной Европы, "фаустовская душа", родившаяся около 1000 года, ныне приблизилась к закату (Шпенглер); философия мировой воли — темной безначальной стихии, лежащей в основе вещей (Шопенгауэр); философия интуитивного знания (Бергсон); концепция коллективного бессознательного (Юнг) — все эти построения, оставившие глубокий след в истории мысли, в строгом смысле ненаучны, ибо невозможно придумать опыт, который мог бы их фальсифицировать.

3.

Встает вопрос о научном прогрессе. Является ли он действительным или иллюзорным? Главный упрек, который предъявляют критическому рационализму советские теоретики науки, — тот, что эта философия отрицает возможность постижения истины вообще. Между тем Поппер далек от научного нигилизма. Вот одно из его высказываний: "Только в науке существует нечто вроде прогресса; только здесь мы можем сказать, что в такой-то момент знаем больше, чем знали до этого".

Из многочисленных попыток оспорить концепцию Поппера можно упомянуть критический анализ Томаса Куна. Книга Куна "Структура научных революций" хорошо известна в СССР. Ее центральная идея следующая: развитие науки совершается не эволюционным путем, а через смену парадигм. Кун полагает, что изучение истории науки, а не наличный фонд готовых достижений дает возможность понять, как именно растет наука. Считается само собой разумеющимся, что история науки сводится к постепенному накоплению положительных знаний. На самом деле это относится лишь к так называемой нормальной (традиционной, существующей в рамках принятых парадигм) науке. Со временем, однако, новые факты все меньше согласуются с общепринятыми воззрениями, с самим стилем узаконенного научного мышления. Появляется преобразователь, и здание науки потрясает революционный взрыв. Современники склонны его игнорировать. Но следующее поколение ученых усваивает новую парадигму и отказывается от старой. Так астрономия Птолемея была опрокинута гелиоцентрической системой Коперника; на смену физике Аристотеля пришла механика Галилея; теория флогистона рухнула после появления революционного труда Лавуазье и т.д.

Критика, которой Кун подверг Поппера, сводится к одному-единственному тезису, но этот тезис, если с ним согласиться, "фальсифицирует" всю концепцию фальсифицируемости. В истории конкретных наук, утверждает Т.Кун, невозможно указать ни на один исследовательский процесс, в ходе или в результате которого переход от одного воззрения к другому совершился бы по схеме Поппера. Роль фальсификации в реальной научной практике выполняет аномальный опыт, то есть такой опыт, который приводит к кризису старой теории и открывает дорогу для новой. Тем не менее аномальный опыт нельзя отождествлять с фальсифицирующим опытом. "Я даже сомневаюсь, существует ли вообще фальсифицирующий опыт", — пишет Кун. Ни одна теория никогда не разрешает всех загадок, ни одно решение не является безупречным. Нормальная наука вынуждена с этим мириться. Если бы несоответствие теории и действительности было осно-

ванием для опровержения теории, то от науки ничего бы не осталось: все теории можно было бы опровергнуть в любой момент. Накопление научных знаний происходит, по Куну, скорее путем верификации (эмпирического подтверждения) принятых теорий — до тех пор, пока не появится новая парадигма.

Поппер ответил Куну в работе 1969 г. "Нормальная наука и опасности, грозящие ей" ("Normal Science and Its Dangers"). Это был не столько ответ, сколько ответное нападение. То, что Кун называет нормальной наукой, отнюдь не норма и уж во всяком случае — не подлинная наука. Что такое "нормальный ученый", каким его рисует Кун? Унылый бездарь, занятый деятельностью, цель которой — подтвердить уже известную истину. Почитатель авторитетов, начетчик и рутинер, который не смеет выйти за рамки дозволенного. Что-то вроде Вагнера при бесстрашном искателе истины — Фаусте. Это верно, что ученый чаще всего руководствуется в своих исследованиях определенной теорией, но ничто не мешает ему ревизовать теорию, более того, сомнение в общепринятых взглядах как раз и является постоянным стимулом для науки.

Зашитив столь решительно свою теорию критицизма, который, как это ни покажется странным, служит единственным залогом надежности всего, что мы знаем о мире и о самих себе, Поппер совершил неожиданный вираж. В 1977 г. вышла в свет работа "Человеческое Я и его мозг" ("The Self and Its Brain"), написанная совместно с нейрофизиологом Джоном Экклзом, старым другом Поппера с новозеландских времен. Книга стала сенсацией, доказавшейся, помнится, и до Советского Союза; многим тогда показалось, что Поппер пошел на попятный и чуть ли не готов отдать естествознание на откуп спекулятивной психологии, если не парapsихологии. Здесь заново ставится старый вопрос: как соотносятся духовная деятельность и материальный субстрат мысли? Да, отвечают авторы, все говорит за то, что сознание подчинено нейрофизиологическим процессам, какими их описывает опытная наука. Но это не последнее, что мы можем сказать о природе мышления. Как компьютер не в состоянии программировать сам себя, так головной мозг, по-видимому, не может руководить самим собой и нуждается в организаторе. Эту функцию выполняет "я", нечто внеположное мозговым структурам как таковым. "Я" программирует работу мозга.

Все это, впрочем, не так уж противоречит философии Карла Поппера, как может показаться. Мы живем в многосоставной вселенной. Рядом с миром материальных объектов существуют мир восприятия и сознания и мир наших теорий. Все три мира в большой мере обуславливают друг друга, но не сводимы к одному. Что во что "вставлено" — вопрос точки зрения.

4.

Там, где кончается сфера досягаемости рациональной критики, начинается царство иррационализма. Там заявляет о своих правах вера, утверждается догма и авторитет, там правит бал предрассудок и взрыхляется почва для фанатизма и ослепления. Таков в самой общей форме конечный вывод этой философии, ее дух и пафос, сближающий Поппера с мыслителями эпохи Просвещения. В отличие от них Поппер отдает себе отчет в том, что опровергнуть иррационализм невозможно: он находится вне логики. Достаточно будет, если мы укажем на него, назовем его по имени и разоблачим иррационализм там, где он этого меньше всего ожидает: там, где его прячут под личиной науки.

Выше была упомянута книга "Ниццета историзма". Она снабжена многозначительным посвящением: "Памяти неисчислимого множества женщин, мужчин и детей, людей всех стран, национальностей и убеждений — жертв националистической и коммунистической веры в непреложные законы всемирно-исторического процесса".

Этому сочинению, выпущенному в пятидесятых годах, предшествовал доклад, который был прочитан Поппером в узком кругу слушателей в Брюсселе незадолго до начала Второй мировой войны; раньше многих из его коллег он почувствовал необходимость предостеречь против мнимой научности глобальных историософских учений, которые будто бы освещают путь в будущее. Название книги пародирует заголовок известной работы Маркса "Ниццета философии".

Уже из сказанного понятно, что подразумевалось под термином *historicism*. Подобно тому как собственная философия (эпистемология) Поппера была направлена против некритического подхода к науке, так критика историзма предостерегала против легковерия в истории и политике, против соблазна уверовать в некую универсальную формулу мирового исторического развития, против политической активности, избирающей себе эту формулу в качестве "путеводной звезды". Демократия в понимании Поппера — это и есть умонастроение критического реализма, перенесенное из сферы мысли в общественную жизнь: демократия, которая воспитывает иммунитет к любым формам исторического фатализма и недоверие к его адептам.

Согласно Попперу, историзм может носить натуралистический или антинатуралистический характер. "Пронатуралистическая доктрина" апеллирует к естественным наукам, с которыми, так сказать, заведомо все в порядке; учение об обществе преподносится как прямое продолжение естествознания. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно вспомнить книгу Адольфа Гитлера "Моя борьба", где подобранные со стола науки объедки дарванизма и учения о биологической наследственности служат "обоснованием" расовой доктрины. Другой пример — Шпенглер. Разумеется, Поппер далек от того, чтобы ставить бездарный опус нацистского фюрера на одну доску с "Закатом Европы"; однако и культурфилософия Шпенглера находится в русле того же натуралистического историзма: она представляет собой грандиозную метафору, заимствованную из биологии.

Что касается антинатуралистического историзма, то он опирается на авторитет философии. Общность "законов природы и общества" якобы вытекает из высших теоретических принципов. Исторический материализм Маркса, Энгельса и Ленина рассматривает себя как адаптацию единого верховного учения —ialectического материализма.

Обе разновидности историзма имеют общий знаменатель — "союз с утопией". С точки зрения автора "Нищеты историзма" не так уж важно, предсказывает ли та или иная доктрина конец света или светлое царство, каким цветом она окрашена, черным или красным, каким настроением дышит миф: пессимистическим (тут, в одном ряду с "Закатом Европы", Поппер упоминает трактат Макиавелли "Государь" и "Государство" Платона) или оптимистическим ("Система синтетической философии" Герберта Спенсера, "Коммунистический манифест" К.Маркса и Фр.Энгельса). И там, и здесь союз историзма с утопией покоится на холистической установке: история обозревается как единый процесс, общество берется *en bloc* — как единое целое. "Но холисты не только намерены объяснить природу общества с помощью нереального метода, они хотят поставить общество в целом под контроль и полны решимости отстраивать его заново". Знаменитый одиннадцатый пункт "Тезисов о Фейербахе" Карла Маркса ("Философы по-разному объясняли мир, а дело идет о том, чтобы его изменить") — своеобразная декларация этой жажды немедленно взяться за революционное переустройство общества. Плоды — у нас перед глазами. Второй том книги Поппера "Открытое общество и его враги", снабженный подзаголовком "Ложные пророки" (подзаголовок первого тома — "Чары Платона"), посвящен главным образом "чарам" марксизма, его методологии, этике и отчасти "практике".

Философ выражает надежду, что с развенчанием мифологических учений и "неумолимых законов" разумное большинство придет к пониманию того, что реформы, отказ от принципа "все или ничего" принесут человечеству больше пользы, чем революции и войны. Мы не будем здесь пересказывать его концепцию открытого общества: она изложена в статье Карла Поппера, публикуемой в этом номере.

Борис Хазанов

Майкл НОВАК (Нью-Йорк)

СОЦИАЛИЗМ КАК "ДУМ ВЫСОКОЕ СТРЕМЛЕНИЕ"

Идущие в Советском Союзе социальные процессы остро поставили вопрос о выборе дальнейшего пути. "Больше социализма!" – это стало почти официальным лозунгом перестройки. Но что есть социализм? В это слово разные люди вкладывают самое разное содержание, что, соответственно, накладывает отпечаток на их образ действий. Публикуемая ниже статья американского социолога и писателя Майкла Новака из его получившей широкую известность книги "Дух демократического капитализма" (1982 г.) кажется написанной сегодня, специально для дискуссии о смысле и направлениях перестройки.

Сто лет назад мы были счастливы. Нам было известно, что существуют эксплуататоры и эксплуатируемые, богатые и бедные, и мы точно знали, как избавиться от несправедливости: нужно лишь экспроприировать экспроприаторов и обратить их богатство на общую пользу. Мы экспроприровали экспроприаторов и создали одну из самых чудовищных и деспотических общественных систем в мировой истории. И мы продолжаем повторять: "В принципе все было правильно, только некоторые досадные обстоятельства слегка подпортили хорошую идею. Давайте начнем заново..."

Лешек Колаковский. Социалистическая идея.

Почему так вышло?

Несколько лет назад группа умудренных жизнью социалистов собралась в Англии с целью заново определить социалистическую идею. Исторический путь реального социализма не отвечал ожиданиям их молодости. В чем же ошибка? – спрашивали они. – В практике социализма, которую можно исправить? Или же ошибочна сама основополагающая идея? Результаты конференции можно подытожить следующим образом: социализм – это не политические и экономические программы; это набор политических и экономических идеалов. В прошлом мы ошибочно отождествляли его с неработающими программами, с упрощенным толкованием добра и зла, с кое-как сформулированными и недостаточно реалистичными идеалами. Мы должны начать заново. Высказывание одного из участников конференции, Лешека Колаковского, мы привели в эпиграфе. Другой – британский философ Стюарт Хэмпшир – писал:

"Для меня социализм есть не столько теория, сколько ряд нравственных предписаний, которые представляются мне очевидно верными и разумно оправданными: во-первых, уничтожение бедности должно быть первой после обеспечения обороны заботой правительства; во-вторых, значительное материальное неравенство отдельных социальных групп ведет к неравенству власти и свободы действий, что несправедливо и должно быть исправлено действиями правительства; в-третьих, избранные демократическим путем правительства должны обеспечить в рамках экономической системы приоритет основных, первоочередных человеческих потребностей, даже если это и повлечет за собой некоторое сокращение совокупности товаров и услуг, которые в противном случае были бы произведены".

Итак, современную социалистическую мысль отличают две примечательные черты. Во-первых, социалисты, видимо, отступают как от теории, так и от программы. Новым любимым словом стало "недоктринерский", что можно рассматривать как

разочарование в доктрине. Во-вторых, социалисты, по-видимому, перешли на более безопасные позиции моральных идеалов: они говорят о бедности, неравенстве, первостепенном значении удовлетворения человеческих нужд демократическим путем. Можно подумать, что социалисты — достойные восхищения люди, которые всего лишь провозглашают идеалы, вполне согласующиеся с демократическим капитализмом. Почему бы не отдать им должное как идеалистам, в которых так нуждается любое человеческое общество?

Правда куда сложнее. В студенческие годы на меня произвел впечатление социализм французского католического поэта Шарля Пеги, который видел в нем не столько доктрину, сколько образ жизни. Мои тогдашние взгляды можно охарактеризовать словами американского социалиста Юджина Дебса:

“Если бы социалистическая партия не имела более высокого политического идеала, чем победа одного класса над другим, она не заслуживала бы никакой поддержки со стороны разумно мыслящих людей. Для партии было бы невозможно добиться сколь-нибудь значительной силы или престижа. Но именно великая моральная ценность идеалов партии находит ей приверженцев даже в рядах класса капиталистов и заставляет их хранить верность движению с энтузиазмом, приводящим на память ранних христиан”.

Считая социализм своего рода политической религией или, точнее говоря, политико-экономическим выражением иудео-христианских идеалов, я готов был доверять социалистам за их чистый идеализм. Капитализм можно оправдать, поскольку он лучше работает, но — я готов был с этим согласиться — он представляет собой более низменный идеал.

Однако мысль о том, что неработающий идеал оказывается морально приемлемым, тревожила меня: если идеал неосуществим, не является ли это свидетельством того, что он не в ладу с реальностью? Не значит ли это, что идеал — ложен?

В этом отношении социализм непохож на иудаизм и христианство. Для иудеев и христиан наш мир — это мир греха. Говоря о “царствии Божием”, они вполне сознают его трансцендентный характер, принимают его как мечту и не ожидают его воплощения на земле. Для социализма же такой реализм неприемлем. Однако, как только к оценке социализма подходят с реалистическими критериями, он утрачивает печать идеализма. Он становится всего лишь одним из конкурирующих направлений политической экономии, которое следует оценивать эмпирически, по его делам. Если социализм — это всего лишь одна из политических и экономических теорий, у него нет оснований считаться секулярной религией.

Но именно аргументами религиозного характера социалисты чаще всего оправдывают свои убеждения. Редко можно услышать от них, что преимущества социализма заключаются в его делах, в конкретных результатах. Почти всегда речь идет о мечте. “Мы за равенство, — пишет Колаковский, — мы за экономическую демократию”. “Для меня, — пишет Хэмпшир, — социализм есть не столько теория, сколько набор нравственных предписаний.” И далее: “Именно великкая моральная ценность его идеалов привлекает приверженцев”. Обычно социалисты готовы признать, что демократический капитализм более производителен, более эффективен и на практике куда менее порочен, чем можно ожидать по социалистической теории; короче говоря — он работает лучше. Преимущество же социализма они видят в его предполагаемом моральном превосходстве над демократическим капитализмом.

Поскольку почти все считают, что логика демократического капитализма по своей сути менее нравственна, чем логика социализма, честного человека такой парадокс тревожит. “Демократический капитализм, — думает он, — не может приносить нравственных плодов; однако он их приносит”. Этот “парадокс” захватил и Жака Маритена:

“Индустриальная цивилизация, с которой я познакомился в Европе, предстала предо мной здесь, в США, одновременно развитой до гигантских размеров (как и

многое другое, перенесенное из Европы) и превращенной в своего рода священный ритуал в честь какого-то чужеземного божества. Ее внутренняя логика, какой я ее знал, первоначально основанная на принципе плодоносности денег и абсолютном главенстве частной прибыли, повсюду в этом мире считалась негуманной и материалистической.

Но по странному парадоксу, людям, жившим и работавшим в поте лица своего в условиях этой структуры, или ритуала цивилизации, удавалось сберечь свои души. По крайней мере в том, что касается главного, их души и жизненная энергия, мечты, повседневные заботы, идеализм и щедрость шли вразрез с внутренней логикой структуры. Они были свободолюбивы и человечны, оставались верными этическим принципам, беспокоились о спасении этого мира; это был наиболее гуманный и наименее материалистический из современных народов, достигших индустриальной стадии развития".

Аналогичные наблюдения делает и Жан-Франсуа Ревель.

Суть этого так называемого парадокса кроется в социалистической интерпретации действительности. Если исходить из посылок демократического капитализма, то счастливого исхода, о котором пишут Маритен и Ревель, следовало ожидать. В конце концов этот исход был предсказан устроителями эксперимента. Только для того, кто исходит из посылок социализма, это кажется удивительным. Более того, в те дни, когда я думал, что социализм представляет собой моральный идеал, это не требовало от меня особого нравственного героизма. Я не намеревался стать экономистом-практиком. У меня были большие амбиции, но не в области бизнеса, изобретательства или иной деловой карьеры. Я приписывал социализму высокий нравственный идеализм, но основную цену за мои взгляды платили бы прежде всего богатые и экономически активные. Лично меня это не затронуло бы. Если бы социализм не стал работать так, как ожидалось, бедняки и рабочие платили бы за экономический застой более высокую цену, чем я. Это была нравственная позиция, которая мне ничего не стоила. Более того – в литературе, религии и журналистике социалистическая идеология обеспечивает ее носителю особый статус и почет. Позиция противника американской системы представляется всегда героической, мессианской, чистой, тогда как признание достоинств этой системы рассматривается как "продажность", "склонность к компромиссам" и "примиренчество с врагом". Этому способствует разница между литературой и массовой культурой. В Соединенных Штатах широкая публика не проявляет особого уважения ни к социалистам, ни к их теориям. Однако среди высокообразованных людей, в литературных кругах социалисты обладают моральным престижем даже в глазах тех, кто достаточно реалистичен, чтобы не разделять их взгляды в целом.

В соответствии с социалистической моралью враг был известен: крупные корпорации, военно-промышленный комплекс (не в Японии, Германии, СССР, на Кубе или в Никарагуа – только в США!). Во внимание принимались лишь те факты, которые доказывали уже известное. Чтобы хранить чистоту своих риз, достаточно было быть в курсе последних достижений "передовой социалистической мысли" – по вопросам десегрегации школ, преступности, гражданских инициатив, секса и другим актуальным проблемам. Для формирования радикального единомыслия нужно было только умение прилагать социалистические приемы к текущим делам. Лидерство в социализме легко приходило к тем, кто был логическим ригористом.

С точки зрения стиля уже один намек на социализм делает произведение писателя или публициста более значительным. Поскольку будущее, как сказано, принадлежит социализму, а тот, кто идет в авангарде, находится в привилегированном положении, то воспользоваться социализмом как "критической платформой" оказывается делом весьма выгодным. Реалисты, склонные увязать в трясине фактов, не представляются столь идеологически надежными и нравственно чистыми, как идеалисты. Мир социалиста – это литературный мир. Куда проще организовать

слова на бумаге, чем разработать осуществимую на практике программу. Социализм, таким образом, создавал для меня немалые преимущества.

После долгих размышлений я все же окончательно понял, что предпочитаю идеалы демократического капитализма и не могу быть демократическим социалистом. Толчком к этому был ответ на вопрос, какая из двух систем работает на практике. Меня отталкивала также та уверенность в своем моральном превосходстве, которую социализм демонстрировал. И, наконец, я начал размышлять о недостатках социализма не только на практике, но и в теории. Я стал антисоциалистом прежде, чем впервые начал серьезно интересоваться идеалами демократического капитализма.

Очевидно, такой поворот мысли можно объяснить следующим. Ничто не мешает и капитализму следовать "моральным предписаниям" Хэмпшира, которые мы привели выше. В условиях демократического капитализма отдельные граждане, партии, общественные институты могут эффективно действовать, дабы облегчить страдания бедных; могут пытаться уменьшить неравенство в достатке и власти путем установления принципа взаимозависимости и взаимограницения законодательной, исполнительной и судебной властей, путем введения различных схем перераспределения и правовых реформ; могут обеспечить приоритет удовлетворения основных человеческих потребностей перед экономическим ростом и товарным производством. Демократический капиталист может, в рамках системы, работать в этом направлении и даже добиться осуществления поставленных целей. Но и тот, кто имеет другие приоритеты, также свободен в выборе своих целей.

Социализм же, напротив, обладает врожденной склонностью навязывать всем и каждому свой набор нравственных предписаний – даже в ущерб нравственным ценностям других. Для большей верности социалистическая мысль провозглашает гармонию своих целей с общечеловеческими интересами, что дает ей возможность не рассматривать себя как нечто, навязываемое принудительно. Своих же противников она склонна обвинять в жадности, эгоистичности, деспотизме и враждебности к бедным. Это морализаторство и питает историческую склонность социализма к принудительному навязыванию своих идей и сектантской нетерпимости.

Кроме того, поскольку социалистический идеал представляется как идеал интернациональный, претензии которого выходят далеко за пределы сегодняшнего дня, он побуждает отдельные личности относиться с презрением к обществу, в котором они живут. Его питает дух враждебности; у него много общего с "враждебной культурой" литературного модернизма. Часто он настроен против западных институтов и симпатизирует социалистическим движениям, где бы они ни возникали. Большинство западных социалистов, включая социал-демократов и демократических социалистов, безоговорочно не приемлют сталинизма и советской модели социализма; некоторые из них являются его наиболее сильными и способными оппонентами. Но для социалистов характерно подходить к оценке демократического капитализма со строжайшими мерками и одновременно проявлять необычайную симпатию к малейшим намекам на социалистическую революцию, где бы они ни появились. Когда Бернар-Анри Леви обвинял французских левых в "пятидесяти годах лжи" об архипелаге ГУЛаг, он имел в виду именно этот присущий им двойной стандарт.

Определение по контрасту

Стюарт Хэмпшир, как мы видели, сводит социализм к трем "нравственным предписаниям": 1) уничтожение бедности должно быть первой после обеспечения обороны страны заботой правительства; 2) значительное материальное неравенство ведет к неравенству свободы действий и должно быть исправлено правительством; 3) правительство должно обеспечить приоритет удовлетворению основных потребностей человека, даже если это и повлечет за собой некоторое сокращение сово-

купности товаров и услуг, которые в противном случае были бы произведены. Внешне эти предписания кажутся "нравственными". В действительности они представляют собой концентрированную теорию правительства и экономики. Они влекут за собою повышение благосостояния для бедных и понижение его для богатых. Их целью является установление никоего единого среднего дохода. Правительство рассматривается в них как инструмент, с помощью которого можно силой навязать желаемое равенство.

В этих трех предписаниях таятся очевидные опасности. Во-первых, есть опасность одностороннего их применения, что приведет к созданию чудовищно разросшегося правительства, особенно если ограничению власти правительства не будет придано равного морального значения. Во-вторых, "некоторое" сокращение количества товаров и услуг может принять такие размеры, что приведет к экономическому застою и упадку. Поскольку доведенная до бедности страна располагает весьма малыми возможностями облегчить участь своих безработных, своих инвалидов и бедняков, это может поставить под вопрос легитимацию, оправданность демократического правления как такового, ибо недовольство граждан, чье будущее не обещает ничего лучшего, резко возрастет. В-третьих, опасность заключается в том, что попытки облегчить положение бедных посредством прямого, пусть даже предположительно разумного, планового вмешательства может привести к опасному искажению представлений об источниках богатства нации.

Нравственные предписания Хэмпшира, мягко говоря, пристрастны и играют на руку государству. Они, по-видимому, игнорируют также источники экономического динамизма.

Демократический капитализм подходит совершенно по-иному к пониманию и достижению поставленных Хэмпширом целей. Его политическая система позволяет совмещать действия правительства, направленные на борьбу с бедностью, расширение свобод каждого гражданина и удовлетворение основных потребностей человека. Общество внимательно следит за тем, чтобы правительство не выходило за поставленные ему рамки и само не превратилось в большую опасность для общества, чем те беды, которые оно должно устранить. Конечно, на практике ограничения, которые следует наложить на деятельность правительства, бывает трудно определить заранее. Но угроза установления тиарии великана, особенно если разрастание правительства оправдывается нравственными принципами.

Угроза свободе действий, по мнению Хэмпшира, возникает прежде всего из-за "значительного материального неравенства различных социальных групп". Но по меньшей мере такая же угроза возникает в результате создания продажного, самонадеянного и неконтролируемого правительства. Кроме того, принцип равенства социальных групп по степени власти и свободы действий нельзя реализовать путем усиления правительства, если только оно не сформировано из ангелов. Ибо наделение правительства всеми правами, необходимыми для установления равенства, уже дает его членам большую власть, чем другим. Кто будет управлять самим правительством? Утверждать, что избранные демократическим путем лица будут контролировать бюрократов, значит игнорировать реальность, не понимать самую суть бюрократии. Возлагать же надежды на способность бюрократов судить и решать касательно экономической моши отдельных групп граждан, значит полагаться на бюрократов больше, чем позволяет здравый смысл.

К тому же выдвигаемый Хэмпширом принцип равенства свободы действий для всех противоречит законам природы. Не могут иметь равные права в области музыки музыкант и тот, кто не обладает музыкальным слухом, как не может добиться равенства на факультете философии тот, кто не в ладу с элементарной логикой. В сфере экономики люди также наделены неравными талантами. Вряд ли тот, кому недостает определенных качеств (будь то ум, инстинкт или энергия), сможет достичь равной с другими экономической моши и добиться равной свободы экономической деятельности. Принцип равенства, выдвинутый Хэмпширом, заведомо не-

применим вне экономики. Какие же у нас основания применять его в этой области?

Демократические капиталисты, напротив, считают, что *каждое лицо, обладающее талантом* — музыкальным, философским или экономическим, — должно иметь все возможности для проявления и развития своего таланта. Кроме того, они считают, что природное или созданное неравенство идет всем на пользу. Общество без артистических и интеллектуальных гениев становится от этого беднее и в других областях. Это верно и для обществ, лишенных экономических гениев. В традиционных обществах, где отсутствуют как равные возможности, так и социальная подвижность, неравенство в степени достатка, положении в обществе и месте в социальной иерархии мешает появлению новых и ярких талантов. С точки зрения демократического капитализма, и традиционное, и социалистическое общества грешат против общего блага.

Именно поэтому демократические социалисты и демократические капиталисты совершенно по-разному смотрят на материальное неравенство. Демократический социалист желает быстрейшего устранения такого неравенства, как преступления против природы и нравственности. Демократический капиталист считает это неравенство присущим природе, но судит о его нравственности по приносимой им пользе (в том числе считая пользу и отсутствие принуждения) для общего блага. Уверенность в силе таланта дает демократическому капиталисту основания ожидать, что в условиях равных возможностей и открытой социальной подвижности (условия, столь часто нарушаемые, например, в Латинской Америке) семьи, получающие богатство, будут или по-умному им распоряжаться, или же потеряют его. Есть также основания ожидать, что элита будет обновляться по мере того, как новые богатеющие семьи будут замещать старую элиту. "Концентрация экономической власти", с одной стороны, ограничена. С другой же, она подвержена растворению с течением времени под воздействием динамики экономических перемен.

Кроме того, быть богатым безопасно в свободном и развивающемся обществе и рискованно — в обществе разлагающемся. Поэтому богатые неизменно заинтересованы в экономическом, политическом и социальном здоровье своего общества. В условиях демократического капитализма богатые склонны к заботе об интересах общества, к филантропии, проникнуты чувством гражданского долга. Это характерно не только для Карнеги, Меллонов, Рокфеллеров и Фордов с их библиотеками, художественными галереями, финансовыми фондами. И менее известные богатые семьи также материально поддерживают больницы, студенческие общежития, городские оркестры и т.п. Не в их интересах узко пользоваться своим богатством. Если же они этого не понимают, то свободное общество с помощью многочисленных имеющихся у него инструментов их поправляет. Не только богатые семьи, но и крупные корпорации и целые отрасли промышленности достигали высот и уходили в прошлое (китайский промысел, железные дороги, даже ядерная энергетика) в довольно естественном ритме — ритме, определяемом степенью их проницательности и социального предвидения. Неумелое распоряжение богатством легко обличается наказанием. На Бога надейся, да сам не плошай.

Западная цивилизация оказалась возможной, поскольку она восторжествовала над завистью. И достигла она этого в значительной мере благодаря изобретению рынка. Рыночный обмен требует взаимного доверия, уверенности в будущем общества, в стабильности валюты, в предоставленном кредите и полученном товаре. Ему также необходима информация о потребностях другой стороны, ибо каждая сделка — это в равной мере учет интересов и партнера, и своих собственных. Там, где существует рынок, обмен информацией прям и прост. Там, где рынок отсутствует, далекие власти гадают о потребностях и выстраивают их по степени важности. Отношения обмена куда более гуманны, нежели отношения зависимости. По этой причине рынок исходит из принципа равенства как чего-то само собою разумеющегося (и способствует его укреплению), а там, где равенства нет, по-

степенно создает его. Социалисты, указывая на то, что равенство устанавливается медленно, делают вывод, что рынок должен быть ограничен в пользу правительенного вмешательства. В принципе демократические капиталисты не возражают против такого вмешательства, но судят о нем по тому, к чему оно приводит: к установлению равенства, приводящему на рынок новых участников, или к установлению отношений зависимости. В первом случае укрепляется добровольность отношений, второй путь опасен и безнравствен.

Теперь коротко остановимся на скрытых корнях социалистического "идеализма". Несколько веков назад ученые установили, что человечество может обрести огромную мощь и добиться больших преимуществ от организации сил природы. Отсюда легко было сделать вывод, что не меньшую мощь и не меньшие преимущества можно извлечь и из организации общества. Поскольку четкий и умело воплощенный план приносит успех в укрощении природы, то такой же план может помочь и в укрощении общества. Это и объясняет сильный крен в сторону если не "научного социализма", то каких-то форм общественного планирования. Порядок, понятный планирующему и осуществленный властью, по-видимому, заслуживает в глазах многих более высокого интеллектуального статуса, чем порядок, возникающий как равнодействующая свободных воль.

Социализм всегда был прежде всего движением идей. "Социализм, — пишет Хайек, — никогда не был прежде всего движением рабочего класса. Ни в кой мере не был он и панацеей от всех бед, в которой нуждается этот класс. Это всего лишь теоретическая конструкция, производная некоторых тенденций абстрактного мышления, с которой длительное время были знакомы только интеллектуалы..."

Кроме того, социализм как идея имеет риторическое превосходство над либерализмом, по крайней мере — в уже свободных обществах. Пока либеральные мыслители боятся над практическими вопросами, социалистические мыслители наслаждаются превосходством абстрактных идей. Социализм, переходя из страны в страну, укоренялся сначала главным образом среди представителей абстрактного мышления, которых привлекали лишь идеи общего характера, проблемы идеального будущего. В современных свободных обществах социализм противостоит не идеалам демократического капитализма, а существующему порядку. Таким образом, для очень большой группы лиц, поднаторевших в продаже новых идей своим клиентам, — священников, министров, ректоров университетов, глав благотворительных фондов, репортеров, журналистов, консультантов и советников всех мастей — социализм это всего лишь удобная позиция, с которой они могут заявить о своей оригинальности и критичной позиции. С одной стороны, зависимость социализма от идей представляет собой поразительное опровержение его же собственной материалистической интерпретации истории. С другой — он превращает идеи в источник общественной силы и, таким образом, в эквивалент материальных интересов.

"Дум высокое стремленье" социалистических интеллектуалов имеет свою экономическую сторону, а общественные деятели этого толка защищают свои групповые интересы. Носители социалистического образа мыслей пользуются репутацией людей с широким взглядом на будущее, по сравнению с которыми либеральные идеи кажутся бледными.

Социализм, таким образом, обладает интеллектуальным престижем, недосягаемым для идей демократического капитализма. Он вбирает в себя почти все сферы абстрактного мышления за пределами узкоспециальных проблем, так что каждый, кто не хочет отстать от современной мысли, должен, по необходимости, думать в социалистических категориях. Те же, кто пользуется идеями демократического капитализма, несут бремя ответственности за существующее зло, конфликты и осложнения и легко оказываются в положении обороны ющегося.

От экономики к политике

Мы за равенство, но мы понимаем, что экономическая система не может быть основана на равенстве заработной платы; что механизм культурной отсталости может функционировать вечно и никакие институциональные перемены не смогут быстро разрушить его; что некоторое неравенство объяснимо генетическими факторами и слишком мало известно об их влиянии на общественный процесс и т.д. Мы за экономическую демократию, но мы не знаем, как согласовать ее с компетентной организацией производства.

Лешек Колаковский. Социалистическая идея.

Собственные неудачи заставили социализм как идею перекочевать из области экономики в возвышенную область нравственности. Эта перемена особенно заметна в кругах демократических социалистов в США, главным органом которых является журнал "Dissent". Его издатель Ирвинг Хоу — литературный критик, чьи взгляды пронизаны принципами американской традиции. Во многих отношениях его работы можно рассматривать как работы демократического капиталиста, чей личный моральный кодекс оказался социалистическим. Но его политические взгляды требуют от американского общества изменений в направлении, приближающем к социалистическому идеалу.

Хоу совершенно однозначно отводит демократии центральное место в социализме: "Социализм должен без оговорок заявить о своей приверженности к демократии — да, той самой, порочной и недостаточной демократии, которую мы сегодня имеем, — чтобы он смог привнести высокое демократическое содержание во все сферы жизни: политическую, экономическую, социальную, культурную. Не может быть социализма без демократии, никаких компромиссов с апологетами диктатуры и авторитаризма в любом виде или форме!"

Кроме того, Хоу не отождествляет социализм ни с уничтожением бедности, ни с национализацией промышленности. Эти серьезные акты ревизионизма он пытается замаскировать с помощью идеологически насыщенной лексики:

"Социализм следует определить по-новому: как общество, где средства производства — до предела, который не нужно строго устанавливать заранее, — находятся в коллективной собственности и под демократическим контролем; как общество, требующее сохранения и расширения демократии как абсолютной предпосылки своего существования". Нетрудно заметить жест в сторону эмпиризма: "не нужно строго устанавливать заранее". Но железные двери уже захлопнулись в той же фразе: "в коллективной собственности". Итак, урок, извлеченный Хоу из сталинизма, сводится к следующему: проблема не в "коллективной собственности", а в "демократическом контроле". Таким образом, в обновленном социализме все будет зависеть от "абсолютной предпосылки" — сохранения и расширения "демократии".

Хоу не показывает, каким образом будет сохранена демократия в условиях коллективной собственности. Поскольку ключевым элементом американских конституционных принципов является защита меньшинств от демократического большинства, это упущение весьма опасно. Как в условиях социализма можно будет защитить плюрализм меньшинств, инакомыслие, расходящиеся интересы, если вся коллективная собственность будет контролироваться большинством голосов? Хоу, вроде бы, нравится "порочная и недостаточная демократия, которую мы сегодня имеем". Но он, по-видимому, неглядел, сколь глубоко она коренится в реальных интересах, включая интересы собственности, и реальных стимулах личностей. Он куда

менее проницателен в этом вопросе, чем Медисон в своих статьях в "Федералисте"¹.

Если основы демократии заключаются в правах, которые она предоставляет индивидууму, в стимулах, которые она создает для экономической активности (и, следовательно, экономического роста), и в строгих ограничениях, которые она налагает на власть политической системы, то трудно представить себе, как социализм, по Хоу, сможет сохранить и расширить демократию. Скептик усомнится в том, что человек может получать удовольствие от жизни в обществе, отягощенном бюрократической машиной и не дающем экономического вознаграждения за личную инициативу. Трудно представить себе старательных, конкурирующих, энергичных предпринимателей и политиков, оригинальных мыслителей, наслаждающихся счастливой жизнью под солнцем коллективизации.

Причины, по которым мне трудно согласиться с Хоу и другими демократическими социалистами, считающими "демократию коллективных действий" панацеей от всех мировых болезней, можно сформулировать следующим образом. Во-первых, это негодное средство для принятия решений в морально-культурной сфере, будь то религия, нравственность, искусство или литература. Здесь существуют свои специфические нормы. Во-вторых, это негодное средство для принятия решений в области экономики. Технический прогресс и управление производством, личная ответственность за труд и выбор в области потребления – ни по одному из этих вопросов нельзя принять решение путем голосования.

В-третьих, "демократия коллективных действий" требует слишком большого числа собраний, митингов и обсуждений, что противоречит интересам большинства граждан и целям свободного общества. Кому-то, может быть, и нравится "участвовать в принятии всех жизненно важных решений". Но большинство людей хочет как можно меньше заниматься политикой. Право стремиться к счастью означает для них право время от времени критически посматривать на принимающих решения политиков, которых они избрали, а основную часть времени отдавать решению своих жизненных проблем. Навязанная "демократия коллективных действий" для большинства была бы столь же непривлекательна, как и обязательное посещение церкви. Это, вероятно, разочарует тех, кто верит в "сознание гражданского долга", или, другими словами, исповедует политическую религию.

Вряд ли было в истории человечества другое общество, в котором существовало бы такое большое число всевозможных ассоциаций, комитетов, "групп действия", как общество демократического капитализма в США. Социализм, как видно, намерен заниматься всего лишь улучшением уже существующего. Если он сделает это, он будет лишь далее развивать демократический капитализм. Но если он начнет укреплять административную власть, он повернет в сторону этатизма. Если он упразднит частную собственность и промышленные корпорации, он оставит граждан беззащитными перед лицом экономической власти бюрократического государства. Встревоженный чрезмерной властью большого бизнеса, социализм на деле обращает против граждан чрезмерную власть государства.

Наконец, демократический социализм спекулирует на представлении о том, что все "частное" – бизнес и рынки, например, – эгоистично, алчно, продажно, при этом даже не удосуживаясь взглянуться в историю эгоизма, алчности и продажности бюрократий (будь то церковь или государство), которые и в прошлом, и в настоящем претендовали на то, чтобы говорить от имени общества. Либерализм возник как защитная реакция индивидуумов на всевластие церкви и государства. Утверждая, что он идет дальше либерализма, социализм на деле создал самый большой административный аппарат в человеческой истории. Социалисты игнориро-

¹ Джеймс Медисон (1751–1836) – четвертый президент США, отец конституции США и Билля о правах, один из ведущих идеологов американской революции. – Ред.

вали опасность тотальной коррупции, которую создает тотальная зависимость от государства.

Демократия оправдана не тем, что она обеспечивает всем равенство в достижении результатов, а тем, что даже наименее обеспеченные могут рассчитывать на то, что их положение улучшится. Демократия оправдана экономическим ростом и общественным оптимизмом, который он вызывает. Отведя экономическому росту незначительное место в системе приоритетов, социализм значительно способствовал превращению демократий в трудно управляемые структуры и разрушению легитимности демократий.

Таким образом, социализм – это не только романтическая иллюзия. Он разрушает именно то, что намеревается сохранить. После Второй мировой войны социализм, особенно в Европе, сумел потеснить все другие существовавшие до него идеи. Но к концу XX века становится очевидной та высокая цена, которую приходится за это платить.

Демократию делает законной не социалистическая солидарность, а индивидуальные экономические возможности. Один румынский диссидент писал:

“Народ в Румынии хочет прежде всего либерализации экономики, которая обеспечивала бы личную материальную заинтересованность... Социализм доказал, что не может дать человечеству ни одного ценного решения и всегда приходит в столкновение со свободой, демократией и справедливостью. Социализм потерпел неудачу и в Восточной Европе, и на Кубе, и в Китае.”

Причины этих неудач не случайны. Они заключаются в самом моральном и политическом идеале социализма, пусть даже – демократического социализма. Этот идеал порочен. ●

Борис ПАРАМОНОВ

СМЕРТЬ ЧАПЕКА, ИЛИ О ДЕМОКРАТИИ

Если бы в искусстве существовало понятие прогресса, то на художественной эволюционной лестнице Чапек стоял бы выше, скажем, Шекспира. Прогресс – функция времени: “Мы лучше, потому что новее”; это не только похвальба Пети Верховенского, но логически корректная дедукция из “привременного” (выражение К.Аксакова) понимания прогресса. Далее, критерием прогресса, взятого как “развитие”, считается структурная усложненность, дифференцированность; действительно, что писал Шекспир? Пьесы да разве еще сонеты. А Чапек писал все – кроме, может быть, сонетов (да и это, наверное, в юности пробовал). А в этом смысле прогресс в искусстве и впрямь существует: в технике ремесла, в движении его форм и жанров. Да разве и чисто количественное накопление человеческих запасов – пока не случится какой-нибудь “монастырь” Омар 4-й – не может быть названо прогрессом? Например, изобилие продуктов питания и товаров широкого потребления в Чехословакии Масарика вполне прогрессивно по сравнению с нехваткой таковых в коммунистической России как раз того же времени (1918–1937). Но как же в этом случае быть с таким обстоятельством, как появление в русской литературе Андрея Платонова, возведшего в перл создания эту самую нехватку? “Чевенгур” не написать в пражском кафе, ни даже в пражской пивной, это ясно всем и не занимающимся литературой. Нельзя сказать, что у нас не было своих Чапеков; но мы их как-то очень быстро извели (Замятин) или каким-то иным образомнейтрализовали (Эренбург, Каверин). Я имею здесь в виду

тип так называемого "среднего" писателя, "не гения". В этом смысле слова Пушкина "о ничтожестве литературы русской" остаются актуальными и сто с лишним лет после Пушкина.

Моэм писал, что величие литературы определяется не столько числом гениев, сколько общим напором ее культурной массы. В Чехословакии Чапек мог бы один представлять всю эту массу — и не потому, что там кроме него талантов не было: он наиболее из всех был культурен, персонифицировал самый принцип культуры.

Дело даже не в том, что Чапек был способен писать, и хорошо писать, все: от романов и пьес до газетных фельетонов. Дело в том, что он очень умело обратил литературный труд, этот в высшей степени подозрительный промысел, в занятие культурное, когда этот труд предстал всего-навсего специализированной отраслью общечеловеческой работы. Чапека как-то очень легко подвергать к "научно-техническому прогрессу", в котором заслуги Уэлса неотделимы от заслуг Дизеля. Чапек работал в той же мастерской, что и все "культурное человечество", — как раз эта работа и стимулировала, как ничто другое, миф о прогрессе, оптимистический миф. Чапек — поэт, взятый в работу, и не каким-нибудь сомнительным "социальным заказом", а собственным пониманием общекультурного значения своего дела. Это очень высокий просветитель; точнее — тип просветителя на высшей эволюционной точке этого движения.

Важно и другое. Чапек — явление демократической эпохи и не мог бы появиться в другую. Скажем резче: он не мог не появиться в демократическую эпоху. И громадное литературное дарование Чапека не развернулось в гениальность именно по этой причине. Чапек слишком был предан идеалам свободы, равенства и братства, чтобы стать гением. По-другому: он был слишком умен, культурен, благовоспитан и порядочен, слишком "хороший человек". В этих бесспорных добродетелях растворился его талант, вернее, был ими разбавлен. Питье получилось вполне доброкачественное: не водка, а карлсбадская ("карловарская") вода.

У Набокова в "Даре" мелькает персонаж, о котором сказано, что у него слишком добрые глаза для писателя. Эзра Паунд, предпочитавший Муссолини Джейферсону, говорил, что писатель должен быть сукиным сыном. Любимым мыслителем корректнейшего и респектабельнейшего Т.С.Элиота был Шарль Моррас, в послевоенной Франции севший на скамью подсудимых (а ведь Моррас не просто теоретизировал, он создал весьма энергичную организацию *Action Française*¹, бывшую не только стекла, но порой и головы); и если Элиот сам не сел на скамью подсудимых — в отличие от Гамсона, допустим, — то скорее всего потому, что ему посчастливилось не побывать на оккупированных территориях.

Чапек же — человек Джейферсона: буколический сельский хозяин, правда, знающий, что такое трактор.

В отношении Чапека иногда задаешься вопросом: а какой он, собственно, национальности? Его хочется назвать неким "среднеевропейцем". Кто-то острил в свое время, что Эренбург пишет из жизни среднеевропейско-дипломатической; тогда Чапек, можно считать, пишет из жизни среднеевропейско-буржуазной. Чех? А почему бы не голландец — "малый голландец", конечно? Если Советский Союз называли в стародавние времена отечеством мирового пролетариата, то уж Голландия действительно стоит звания отечества мировой буржуазии. Чехи, Чехия — и впрямь середина. Посредственность? О, нет. Но равнодействующая, общий знаменатель и, если угодно, итог. Культура "исполнилась" в Чехословакии Чапека. "Исполнение" значит также "наполнение". Нужно быть по крайней мере снобом или "блазированным миллионером", как называли Герцен, чтобы испугаться "китайской неподвижности" буржуазного существования — как испугался Герцен на примере, кажется, той же Голландии. И если продолжать разговор о

¹ "Французское действие", полуфашистская политическая группа, возникшая в 1898 г. под руководством Ш.Морраса и Л.Доде вокруг одноименной газеты в Париже; просуществовала до 1936 г.

"национальности" Чапека, то я и Англию даже бы вспомнил. Конечно, страна эта не "малая" и не "средняя", тем более не посредственная; но она особенно важна для Чапека вот по какой причине. Англичане умели делать свою буржуазность экспрессионистской, артистичной. А это уже формула Чапека. И еще одно "английское" качество от него неотделимо: уют. Как объяснил сам Чапек, такой связанный как раз с малостью, крошечной изящностью, точнее, с намеренным уменьшением предмета: идея английского садика при town-house или английского же каминика. В Англии никогда не будет революции, потому что там некрасивые улицы, писал Чапек; и люди спешат уйти с улиц в дома, к "очагам". "Надстройкой", реактивным образованием была империя (где она сейчас?). А Чехия изначально мала. Она по определению часть — австро-венгерской империи. Уютным было уже вот это сознание собственной "частичности", ощущение "угла" (отнюдь не медвежьего); отсюда и ностальгия по Габсбургам, хотя бы у Йозефа Рота. Это стимулировало детскость: чтобы построить собственный мир, ребенку достаточно залезть под стол, говорит Чапек. Чехи и всегда "сидели под столом", пока их оттуда насиливо не вытащили. Но тогда Чапек умер.

Еще об Англии и еще о детскости. Об англоманстве Чапека рассказывали анекдоты. Оно понятно как идентификация подростка со взрослым, родственную связь с которым он ощущает. Связь эта, как уже сказано, — установка на "уют", сознательная "игра на уменьшение", ироничная у одних, органичная у другого. Легко доказать, что Чапек — подражатель Честертона: и в мировоззрении, и в жанрах. Нужно, однако, подчеркнуть органичность такой имитации. Честертон недаром был врагом империи, защищал ирландцев и буров. Дело не в политике: у него была регрессивная установка, то есть побег в то же детство. Восторг Честертона перед элементарными реалиями бытия — это восторг ребенка, впервые увидевшего мир. Отсюда же чисто детская и, я бы сказал, демократическая доброжелательность, готовность и способность жить в мире с такими интересными людьми, как деревенский столяр или конюх. У Честертона подчеркнута коммунальная основа демократии.

Чапека, однако, не стоит помещать в детсадовскую группу. Это именно подросток, причем подросток деятельный и мастеровитый. Это для него придумана игра "конструктор" и написана книга "Занимательная химия". Он растет в эпоху научно-технического прогресса. Этапы роста: велосипед, автомобиль, аэроплан. Он увлекается фотографией. Естественно, он собирает марки (смутное предчувствие раскрывающегося мира). Коллекционирует кактусы и ковры. Даже в этом последнем, вполне буржуазном занятии мы вправе видеть элементы той же подростковой психологии: способность быть увлеченным, забыть про обед, гоняя мяч во дворе.

В том-то и дело, что чехи про обед никогда не забывали. Это, если можно так сказать, солидные подростки, единственное назначение которых — выйти во взрослые люди. Странно, что у Чапека не заметно следов увлечения кулинарией. Он не был толстым, каким вроде бы положено быть чеху, даже на знаменитом пиве не раздобрел. И тут опять — некая червоточина, знак "избранности", следовательно, обреченности. Снова возникает тема ранней смерти. Вспомним, что даже в тридцатые годы не было культа поджарости, и полнота, а не худоба считалась признаком здоровья. "Как вы поправились!" — это был комплимент.

"Он был похож на мальчика-толстяка", — пишет Олеша об Андрее Бабичеве. Именно так: не Кавалеров, но Андрей Бабичев, не поэт, а "творец добрых дел". В отличие от Белинкова, я не стану терять пломбы от последнего определения: такие большевики в свое время были; тогда это называлось конструктивизмом и было впрямую связано с Западом. Западнический уклон в большевизме, несомненно, существовал: Бухарин со "Злыми заметками". Пьянке отказывали не только в моральной санкции, но даже и в поэтичности. Мариэтта Шагинян, примикивавшая к этим самым конструктивистам, учила радоваться жизни при виде хорошо

наицценных башмаков. Из всего этого, действительно, мог бы выйти со временем какой-нибудь вполне пристойный социализм. Увы, Россия не Чехословакия. Есенин "гениальное" Чапека. Хорошо это или плохо? Что нужнее человечеству: великая литература или пристойная жизнь? И кто решится однозначно ответить на этот отнюдь не риторический вопрос?

У Эренбурга, в ранних изданиях "Визы времени", в очерках о Польше, есть еретическая по нынешним временам мысль: о том, что великое искусство возможно только в большом ("великом") государстве, в сущности – имперском. Краков красивей Лодзи или даже Варшавы именно по этой причине. Возражение появляется мгновенно: а Норвегия с Ибсеном, Григом и Гамсуном? Тут можно, однако, сказать если не о величии государственности, то об экстремальности природы, о пресловутых фьордах ("Скандинавский альманах!"); да и не вспомнить ли о фашизме в связи с Гамсуном – не как о программе, а как о показателе неумеренности, неблагопристойности гения? Даже и чеха вспомнить можно: Гашека; при всей несделанности "Швейка" вещь эта несет на себе печать гениальности – потому что Гашек, в отличие от Чапека, хам, алкоголик и хулиган, а не корректный гражданин корректного демократического государства, не поклонник президента Масарика, а коммунист.

Швейк, в основе, такой же здравомыслящий чех, как и писатель Карел Чапек; но это национальное качество доведено в нем до абсурда, до юродства, до провокации. Швейк выделен и подчеркнут, заострен и гиперболизирован, поэтому он уже не "характер", а миф. А Чапек мифов делать не умел и, следовательно, не желал (это вот и есть возведение нужды в добродетель). У него есть цикл под названием "Апокрифы". Название это обманчивое. С апокрифами мы связываем представление о ереси, а с ересью – гениальность; у Чапека все наоборот. Он здесь переосмысливает великие мифы, пытаясь в сказке обнаружить реалистическое зерно, "психологию", в поэзии ищет прозу, и когда ему удается это – торжествует победу. Главными героями в апокрифах Чапека оказываются не Христос, а Пилат, не Мария, а Марфа. И в этой установке на "прозу" чувствуется даже что-то дерзкое. Во всяком случае, она вызывает уважение.

О циклах Чапека вообще. У него все было "собрано" еще при жизни; а то, что еще не издавалось отдельно, лежало в аккуратных папках с соответствующей надписью. Работа душеприказчикам оставалась минимальная. Тысячи газетных фельетонов были распределены по рубрикам, и каждая рубрика – книга: о погоде, об огороде, о грибах, о собаках, о людях, о вещах... Все это написано чрезвычайно – другого слова здесь не найти – мило, а еще более мило собрано в пачки и перевязано ленточками. Читая Чапека, вы улыбаетесь, и в то же время вам хочется разбить что-нибудь стеклянное. И не за дурацкую страну Россию обидно, – вот, дескать, живут же где-то люди, – а за человека, за венец создания: неужели эти аккуратные газетные вырезки – все, что принесли с собой так называемые культура и прогресс?

Конечно, возможна и другая точка зрения, и ее как раз выбрал Чапек: ироническое умиление, "игра с котенком"; самого себя осознать как вот такого культурного котенка. Но это – априорное смирение, радостно принимаемая второразрядность, готовность примириться с судьбой маргиналии и детали. Скажем так – культурная провинция. Для русских это в некотором роде *contradictio in adjecto*¹ и в то же время недостижимый идеал: понятна мечта жителя великодержавного Череповца о чешском пиве; но если этого пива – залейся, то неужели можно на том и успокоиться?

У нас ведь тоже, если поискать, были певцы этой обыденности и провинциальности: Розанов, конечно. Но в том-то и дело, что провинцию он любил и восхвалял как раз "некультурную", с грязцой и домостроем. Удивляясь, почему в

¹ Противоречие между определяемым и определением (лат.).

России все аптекари — немцы (еще не евреи!), Розанов тут же находил объяснение: где надо капнуть, там русский плеснет. А чехи преподавали латынь и греческий, и "классики" всех Череповцов и Таганровов почесывали поротые задницы. Культура внедрялась — по Лескову — *бойлом*. Уверен, что Чапек с удовольствием изучал ту же латынь. А Чехов над ней справил все-таки издевательский триумф: *de gustibus aut bene aut nihil*.¹

Одна из характернейших вещей Чапека уже своим названием являет некий манифест: "Обыкновенная жизнь" (в сущности, это чешский вариант "Смерти чиновника"). Как и положено добротному провинциальному, Чапек воспроизвел очередную столичную новинку (на этот раз — унанизм), но есть здесь и нечто органическое: апофеоз обыденности, малости, тупиковости. Сделано это опять-таки чрезвычайно культурно: конечно же, Чапек обнаружил в добропорядочной жизни анонимного чиновника второй и третий, и десятый план. Не обошлось без Фрейда: в детстве герой предается тому, что в психоанализе называется "сексуальные исследования". А потом испытывает желание задушить собственную жену. В одном месте даже говорится, что в жизни ему не хватало вшей. Но как все это примирено, какой всему этому дан "синтез"! Примирено тем, что все люди такие — с двойным и тройным дном. Конечно, это "мудро". Жить с таким сознанием удобно. Но книга, воспевающая посредственность, и сама получилась какой-то воинствующе посредственной. Получилась — самопародия.

Никто не будет отрицать у Чапека ни таланта, ни остроты видения. Раздражает в нем — и одновременно умиляет — оптимизм. Это он, можно сказать, придумал выражение "все к лучшему в этом лучшем из миров". Короче говоря, он верит в прогресс: необходимое слагаемое демократического мировоззрения. Однажды Чапеку удалось написать вещь действительно острую — "Из жизни насекомых". Но он не был бы самим собой, если бы не снабдил пьесу вариантом оптимистического финала. Возьмем известнейшее и, конечно же, лучшее произведение Чапека "Война с саламандрами". Это, можно сказать, выставка его достоинств: книга чрезвычайно изобретательна в композиции и жанре, лучше сказать, она демонстрирует сразу все жанры, в которых умел работать Чапек; разноголосица остроумно мотивирована позицией архивиста, собирающего материалы по интересующему нас делу. Недостаток книги, коренной, органический, генетический, — в ее, странно сказать, достоинстве: легкости, явно неуместной в момент ее написания. Всей этой культурной идиллии оставалось два-три года, а Чапек очень мило острял и улыбался при виде механизированных варваров. Каким-то образом, говоря о фашизме, Чапек этого фашизма не замечал; по-другому сказать, он гнал от себя (заклинал?) трагедию как таковую, как жанр бытия. Он умер в декабре 1938 года, не дожив до самых худших времен; и вот возникает совсем уже странное ощущение: а не была ли эта смерть (сорокавосьмилетнего человека) неким комфорtnым выбором?

Вселенная, умершая вместе с Чапеком, оставалась все еще достаточно благоустроенной вселенной.

Конечно, швейковское есть и в Чапеке: провокативная покорность. Здравомыслие — в том, чтобы не кидаться под танки, но и не наделять эти танки значением фатума. Малому народу и нечего противопоставить имперским мессиям, кроме готовности их пережить, сохраняя при этом подобающее достоинство, а при возможности — и удобства. С чехами все ясно. Но говоря о Чапеке, я не столько чехов имею в виду, сколько вот эту самую "среднюю Европу", то есть, строго говоря, Европу как таковую: в сегодняшнем мире это и есть середина, причем именно золотая. Трудно не согласиться с Кундерой, и наоборот, хочется спорить с Бродским, дезавуирующими оседлость. В конце концов оседлость и создает культуру. Но вопрос жгучий (в стиле Бердяева): последнее ли это дело, культура?

¹ Пародийное смешение двух латинских пословиц: *de gustibus non est disputandum* и *de mortuis aut bene aut nihil*.

Предел ли человеческих возможностей? Это и имел в виду Бродский, для которого слово "номад" синонимично слову "гений". Но вправе ли мы укорять писателя за негениальность?

Итак, культура – "срединное царство" (тот же Бердяев) и дело преимущественно европейское. Ей нужны мирные гарантии со стороны какой-нибудь "Лиги Наций" – чтобы музы не замолчали. Ничто не может дать культуре гарантий более прочных, чем демократия. Это неверно, что демократия ("власть народа") враждебна культуре. Так называемая "великая литература", способная расцветать на любом навозе, даже (и преимущественно!) на кладбище, удобренном трупами ГУЛАГа, – это еще не культура. К двоице синонимов "культура – оседлость" можно добавить третий, демократию. Демократия гарантирует ту же оседлость под названием *Habeas Corpus Act*. А культура, можно сказать, по определению всегда охватывает всех, толщу, массу, целостность народа, она именно народна – как национальная физиономия, склад и стиль жизни. Культура, следовательно, необходимо "провинциальна", локальна. "Мировая культура" – абстракция, мавзолей, музей с гипсовыми слепками по стенам (Гете и другие). Культура должна быть, так сказать, "маленькой", чтобы ощущаться. Но то же должно сказать и о демократии. Вечная ее форма, "идея", – полис, где все знают всех, что и есть провинция. Это доказали "всемирно-исторические" (на самом деле сугубо локальные) греки, а потом понял Шпенглер. Нигилисты в петербургском салоне В.П. Ставрогиной обсуждали проект расчленения России; об этом много писал в "Современнике" тамошний публицист Елисеев: демократия должна быть прямой, а не представительной. Что бы мы ни говорили о нигилистах, но России задуматься об этом еще раз придется. Поэтому сказать об Америке, что она демократия, значит не сказать почти ничего, – как о России, что там континентальный климат. Это определение необходимое, но не достаточное. Современная Америка – мутант, а генетическая ее основа – communities, местечковая добродетель. Самое стильное, что я видел в Америке, – это мебель и кухонная утварь шейкеров. Нынешняя Америка отошла от кустарничества, она тиражирует культуру, и это создает совершенно особую атмосферу, когда культура середняком не создается, а потребляется. Важно и то, что здесь существует кульп звезд – ни в коем случае не демократический институт, а то ли реликт, то ли проект аристократии. Люди, интимно знающие Америку, в один голос говорят, что это страна для outstanding people¹; просто здесь середнякам перепадает больше крох, и крохи эти жирнее. Ergo: демократия в Америке (не в смысле системы управления, а как компактная масса, порождающая образ жизни) утратила свою культуротворческую энергию. Очевидно, это и имел в виду Хемингуэй, скавший: "Это была хорошая страна, но мы ее изгадили". Есть одно простое объяснение вышеочерченному, и к этому я и веду. Америка – страна большая (и потому сильная, а не по той причине, что там существует "всеобщая подача голосов"). На такой территории невозможно сохранить ту "живую теплоту родственной связи", которую наши славянофилы усмотрели в крестьянской общине и которая есть, по существу, лучшая формула для демократии. Но коли так, то демократия должна быть небольшой: "Чехо-Словакия" уже для нее много, просто "Чехия" лучше. Чапек – писатель демократический по самой своей стилевой установке: локально-местечковый, кустарный, "небольшой". Это его качество: хроникер местных будней (отсюда газета), мастер своего дела, "цеховой". Цехи и были демократическим включением в космос средневековья. Певец мирного живота и беспечальной кончины. Чартисты писали в своей петиции: "Мы мирные люди и хотим заниматься своим ремеслом"; вот подлинно демократический лозунг. А мирный человек может быть мастером, но не может быть гением. Он сумеет сделать красивый стул, но чуда он не сотворит. Гений – сверхкультурное

¹ Незаурядных людей (англ.).

явление. Чапек решительно не любил чудес, более того, высмеивал их. У него есть рассказ о том, как человек обнаружил в себе способность летать, а инструктор физкультуры лишил его этой способности; подтекст и ирония здесь в том, что Чапек тайно держит сторону инструктора. Другой рассказ: как сотрудники судебно-медицинской лаборатории, проводя экспертизу, научились печь булочки. Третий: о поэзии бухгалтерского труда, о счастливом миге сведения баланса.

Вот тут и обнаруживается у Чапека элемент самопародии, обесценивающий его незаурядное мастерство. Средневековый кустарь (а из вышеизложенного, надеюсь, ясно, что это комплимент), он работает на современном материале, не требующем мастерства: на конвейере, в газете. Серебряный кубок, которым забивают гвозди. Чапек анахроничен, как римский папа, летающий на самолете; самолет называется "Пастырь-3". Философия, которую Чапек строил в газете, была "карманной" (название сборников газетной эссеистики Арнольда Беннета).

В понятии "современная демократия" содержится если не идейное, то стилевое противоречие. Как стилевой принцип демократия противоречит современному индустриальному обществу. Мы сейчас не говорим о политических экспликациях этой несовместимости, ограничиваясь чисто культурным, даже уже – эстетическим измерением. И Маяковский, и Пикассо – художники эры тоталитаризма, независимо от того, в каких отношениях состоял тот или другой с тоталитарным строем. Конструктивизм в целом – тоталитарный стиль, стиль эпохи тоталитаризма (см. "А все-таки она вертится!" Эренбурга). Швейцарская уездность демократии сюда явно не идет: не кантоны, а Кантон (три миллиона жителей!). Массовое общество закономерно порождает тоталитаризм (Ханна Арендт). Художник, противостоящий этой тенденции, эстетически реакционен, или, скажем мягче, анахроничен. Этот анахронизм можно, однако, удерживать как моральную позицию, как некую благородную "старомодность" (желающие могут при этом говорить о "вечных истинах"). Но эта позиция ведет к уходу из живого искусства: случай Чапека и (конечно же, в более сложном варианте) Томаса Манна. Отсюда начинается путь к пародии (Т.Манн: пародия – это игра с формами, из которых ушла жизнь). Эстетическая значительность в XX веке потребовала "злодейства". Гений – не только талант, но и характер. Там, где характер подменяется благородством (под маской "иронии"), – там и начинается пародия: игра с мертвыми формами. Знаменательно, что оба – и Т.Манн, и Чапек – дезавуировали музыку. Демократическая добродетель (у Манна не органичная, а спровоцированная рядом немаловажных обстоятельств биографического порядка) не дала обоим обрести подлинную гениальность. Для этого они были слишком культурны.

При этом трудно воздержаться от восклицания: долой искусство, если для его взлетов требуется трагедия – трагедия, порождающая музыку. На вопрос, что предпочтительней: книга "Архипелаг ГУЛаг" или общество, не знающее лагерей, – невозможно дать два ответа.

Но Карел Чапек нашел третий: он умер. Смерть Чапека по-своему гениальна, как уход Льва Толстого или смерть Блока. Он не мог "продолжать играть в мяч" – позиция, требуемая культурой. Об этой смерти тоже можно сказать: жил как человек, умер как поэт. И больше: он умер и за других, за Чехов, за нацию жизнеспособных Швейков. Искупительная жертва, персонификация трагедии народа, не желающего примириться с трагедией, артикулировать ее. Смерть Чапека подняла его и над демократией, и над культурой. Это была дань, наконец-то выплаченная им большому миру и жестокому веку.

“ДВОЙНОЙ-МАЛЕНЬКИЙ” ДЛЯ АНДЕРГРАУНДА

Наш журнал уже неоднократно обращался к проблеме так называемой “молодежной культуры” (№ 4 и 6 за 1987 г.). Проблема эта, конечно, затрагивает не только, и даже не столько, культуру, но и самые основы сегодняшнего бытия нашего общества. Молодежь лишь реагирует на них наиболее резко и неприкрыто. И оказывается, что основы эти — болезненные.

В № 12 журнала “Юность” за прошлый год в “20-й комнате” помещен “манифест” ленинградки Ольги Хрусталевой. Он мог бы служить предисловием к публикуемому ниже “Физиологическому очерку” о знаменитом ленинградском “Сайгоне”, давно уже вошедшем в историю ленинградской “второй культуры”:

“Мы — другие. Мы не кричим, не беремся за руки. А за это нас не считают поколением, не считают (уже) молодежью, не считают ничем. Что-то не устраивает в поколении, родившемся в 50-х годах, сформировавшемся в 70-х и теперь, в конце 80-х, выходящем на литературную арену. Может, пугает отсутствие социальных самозабвений, слишком рано развившаяся трезвость, осмысленность взгляда, которые очень часто трактуются как “безверие, безыdealность, цинизм”. Оно настолько не похоже, настолько отлично (а ведь Вам хочется, чтобы не было отлично и было похоже), что даже поверить в его существование нет никакой возможности...

“Дети тишины”, “граждане ночи” — дети ночи, мы действительно жили ночью в прямом и переносном смысле. Время “государственных сумерек” обратило наши взгляды от солнечной социальности (!) 60-х вглубь, внутрь потемок собственной души. Отрицая серую сутолоку сумеречной дневной жизни, мы обретали себя ночью под слепящим светом сознания, рефлексии, мысли. Жизнь превращалась в радостно улыбающуюся, застывшую маску. Трагический оборот этой маски знали все (или почти все), но особенно остро ощущали мы, поставленные перед необходимостью определять себя, свои идеалы и жизненные устремления. Повода верить в реальность социальной жизни не было...

Бы вынуждены принуждать себя к пониманию, потому что все еще бежите в социальной эйфории по жизни (умея “тroe суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете”, но забывая, что шагать и не спать следует не ради строчек), не имея возможности ни остановиться, ни оглянуться. Потому что оглядываться вглубь, внутрь себя Вы, похоже, не умеете, поскольку все твердите, как заклинание, “чтоб не пропасть поодиночке”...

Отрекшись от социального успеха, сосредоточившись в ночной тиши, мое поколение пишет о внутреннем тру правду, которая была выстрадана десятью-пятнадцатью годами в одиночной камере собственной души, когда уловить можно было только на себя и силу внутреннего дара. Мое поколение знает, что поодиночке не пропадет.

Поэтому так уважает мое поколение чужое отличие, чужое проявление, чужую индивидуальность. Уважает тем более, чем ярче проступает несходство...

Может быть, поколение, поставившее себе точный диагноз, сумеет найти и лекарство? В любом случае — больше некому.

Невский проспект, как названия книг в восемнадцатом веке: с лёта не схватишь, а добрался до точки — узнал почти все, дальше можно и не читать. Пройдись от Адмиралтейства до каменного штыка, серым фаллосом проткнувшего площадь перед Московским вокзалом, и дело в шляпе: дух Северной Пальмиры снизойдет на тебя, откроется тебе ее сокровенный смысл. Потом можно сколько угодно сворачивать в сторону, бродить по набережным и проспектам — все будет лишь уточнением.

Дороги мира вели в Рим, а питерские пути неизбежно приводят на Невский. Так было во времена Гоголя, так остается и по сей день. В Москве можно годами не испытывать радости случайной встречи со знакомым на улице, в Ленинграде

стоит выйти на Невский проспект, и радость уже не покинет тебя. Для коренных петербуржцев эта забитая до отказа, как авоська приезжего, улица – центр вселенной.

Есть в центре и самое центровое местечко. Сайгон (кафетерий от ресторана "Московский"). "Если ты один – здесь найдешь друзей и компанию, если у тебя нет капусты на поддержание бренного существования – здесь ты всегда раздобудешь пару рваных, если у тебя заморочка на авангардной культуре – здесь ты узнаешь обо всем, если ты оттягиваешься на крепком кофе – здесь варят самый крепкий и ароматный кофе во всем городе", – примерно так выглядел бы текст рекламного буклета, составленного сайгоновским завсегдатаем в благостном расположении духа, если бы когда-нибудь вздумал (точнее – разрешил) выпустить такой буклет.

– Это их дела. Меня они не касаются. Вся эта публика варится в собственном соку, как в пробирке, и ради Бога... – так обычно реагирует на вопрос о Сайгоне просвещенный петербуржец, не вкусивший полной мерой сайгоновской жизни. Он при этом обязательно обмолвится, что раньше Сайгон был действительно средоточием культурной жизни, мол, раньше там бывали достойные люди, а сейчас это просто удобное место для встреч.

– Не тот стал Сайгон, не тот... – сетуют "олдовые" из "благополучных" (Гребенщиков, Курехин, Драгомощенко, да и Бродский из своего заокеанского далека, со своего нобелевского Олимпа, наверное, поминает иногда эту питерскую забегаловку добрым словом).

– Не тот стал Сайгон, не тот... – вздыхают "олдовые" из "сгоревших", встречаясь друг с другом, вспоминая былое, расспрашивая о старых знакомых ("иных уж нет, а те далече", теперь другие времена), поглядывая с неодобрением на "пионерчиков", мотыльками кружавшихся вокруг ярко освещенных сайгонских окон.

Особая, размеренная толчая у дверей привлекает к себе внимание многочисленных прохожих. Парни и девушки с "кайфовым хайром" и совсем без него, увешанные кто "фенечками", кто крестами, кто бантиками, кто цветочками, в латаных-перелатанных джинсах, в старых солдатских галифе, в невероятных блузонах из старых мешков – короче, кто в чем, кто во что горазд, стоят, неторопливо курят, еще неторопливее говорят между собой, "тусуются", одним словом. Зайдешь внутрь, на первый взгляд – ничего особенного. Забегаловка, каких много. Народу невпроворот. Да где сейчас без сутолоки и очереди обходится? Освоившись немножко, заметишь: почти все просят буфетчицу сделать "двойной-маленький". Не удержишься – закажешь такой же. О да! Кофе отменный. Нечасто и дома такой приготовить удается. Если попадет сюда непривычный и случайный человек, постоит за стояком с сероватой мраморной крышкой минут пять (ровно столько, сколько нужно, чтобы выпить горячую густую жидкость из фарфорового бокальчика без ручки), увидит только, что толкутся внутри и снаружи нищие типы, расслышит долетающие иногда из той или иной компании тарабарские, на его взгляд, слова: креза, флет, стебаться, стремно, план, белый кайф. Покоробит его с непривычки, сделает наш случайный посетитель последний глоток и отвалит побыстрее, постаравшись за первым же углом выбросить из головы воспоминания "об этом притоне".

Но задержи он свое внимание, пробудь здесь еще немножко, как нахлынуло бы ощущение какой-то неведомой, непонятной, странной до изумления жизни, которая течет где-то в огромном старинном городе, пахнуло бы темным холодом неизвестности, а все происходящее в кафетерии показалось бы верхушкой айсберга, будто читаешь Хемингуэя, будто эти люди ведают что-то такое, что не дано знать ни тем, кто стоит в очередях в Гостином дворе, ни тем, кто сидит в корторах, ни тем, кто едет на троллейбусе, с любопытством заглядывая в окна Сайгона. Каждый жест, каждое слово означают здесь больше, чем просто жест и

просто слово. Они — знаки, символы, иероглифы. Что скрыто за ними? Что за люди собрались здесь? Как получилось так, что прямо в центре города общаются на своем маловразумительном для "нормального человека" языке, живут своей непонятной, пугающей обывателя жизнью?

Началось это не так чтобы очень давно — лет двадцать-тридцать назад. Правда, сейчас даже участникам событий кажется, что происходило все это где-то далеко в мифическом прошлом. Тогда метался по стране взбалмошный Сергеич, потом сменил его бровастый и почти величественный Ильич, царицу полей сначала прославляли, потом развенчивали, ребята "из-за бугра" решили взять реванш в космосе и первыми смотрелись на Луну, между делом поливая напалмом и дефолиантом индокитайские джунгли, наши парни тоже не сидели без дела: сначала преподнесли урок интернациональной дружбы и бескорыстной помощи венграм, потом и о чехах не забыли, страна неудержимо катилась в развитый социализм при полном блеске фанфар и орденов. Между тем в городе Ленинграде (а может, Ленинграде?) было всего три места, где варили черный кофе. Одно из них — кафе на Малой Садовой. Необычная здесь собиралась публика: сторожа, дворники и кочегары с дипломами о высшем образовании, называвшие себя поэтами, художниками, писателями, учеными, просто хорошими людьми. Они неплохо знали друг друга, может, поэтому говорили между собой так, что за одну фразу можно было загреметь на Колыму. Сиживали они в этой кофейне подолгу, читали друг другу стихи и рассказы, передавали свежайший самиздат (первые номера "Часов", "Поединка", "Обводного канала", машино- и ксерокопии запрещенных книг, своих и чужих). Бывали здесь многие известные потом всему миру люди: "ахматовские сироты" во главе с Бродским, представители тогдашнего литературного авангарда (Аронзон, Драгомощенко и другие, кто потом составил литературный "Клуб-81"), тогда еще совсем юные, никому не известные, а позже взлетевшие на вершину рок-движения Гребенщиков и Курехин. В общем, кафе на Малой Садовой было культурным центром питерского андерграунда (от английского *underground* — подземный, подпольный). Этот английский термин выглядел безобидным, в отличие от другого, пришедшего из "тамиздатской" публицистики: диссидентство. За честь называться диссидентом приходилось платить по самой высокой ставке: свободой, здоровьем, счастьем и покоем близких, жизнью, наконец.

Появилось у кафе и неофициальное название — Сайгон. Почему так? Есть несколько версий. Наиболее правдоподобная из них утверждает: недалеко было обежитие индокитайцев, бежавших из Южного Вьетнама, они часто заглядывали сюда. По ассоциации с внешнеполитическими событиями, по звуанию первых слов и для удобства кафе переименовали в Сайгон.

Позже, когда брежневский режим начал основательно закручивать гайки, кафе на Малой Садовой закрыли на ремонт (распространенный прием для расправы с неофициальными культур-клабами), а кофеварки переместили в буфет от ресторана "Московский". В надежде, что дополнительные трудности отпугнут любителей крепкого кофе, приправленного подпольной культурой, удобные "аристократичные" кресла и столики заменили на демократичные "стояки". Надежды властей не сбылись: вместе с кофеварками на новое место перекочевал и андерграунд, прихватив с собой привычное название. Так Сайгон родился второй раз. После неудачных манипуляций власти предержащие предпочли для искоренения инакомыслия заниматься непосредственно инакомыслящими.

Уже в наше время под эгидой "борьбы с застойными явлениями" решено было вновь переключиться с личностей на предметы неодушевленные: кофеварки отключили, кафе переименовали в чайную. Трудно сказать, почему, то ли под давлением общественности, то ли чиновникам надоело на письменные протесты сочинять разные бумаги, то ли сайгоновцы без особого труда переключились на подкрашенный кипяток, именуемый в общепите чаем, то ли ресторан лишился части своих доходов, но спустя довольно непродолжительное время кофеварки опять заработали, и

все вернулось на круги своя: сайгоновский андерграунд, как в шестидесятые-семидесятые, тусуется, с удовольствием прихлебывая крепчайший кофе.

Как в шестидесятые-семидесятые... Странное было время. В старом Сайгоне (еще на Малой Садовой) можно было увидеть за одним из столиков прилично одетого "дядю" с очень внимательными глазами. Сидел он всегда один, здоровались с ним редко, хотя знал его весь просвещенный Питер. "Дядя" заведовал отделом культуры в местном отделении "конторы глубинного бурения".

Он наблюдал, слушал, запоминал, иногда вызывал к себе в "Большой дом" то одного, то другого на беседу (бывало, что после беседы человек пропадал), время от времени составлял подробные доклады "наверх" о состоянии культуры, о борьбе с той ее частью, которая стала реальностью в годы хрущевской оттепели.

Не секрет, что скрытые формы духовной жизни существовали даже в самые лютые времена. Благо у русской интеллигенции был накоплен огромный опыт противостояния любым "железным" и "каленым" лозунгам. Даже тогда, когда многие истинно интеллигентные люди оказались за колючей проволокой концентрационных лагерей, опыт этот давал о себе знать "на уровне генов". Правда, духовное сопротивление было пассивным, молчаливым и одиночным. Носило оно, по большей части, характер обращения к прошлому, к классикам литературы и искусства, до поры не попавшим в черные списки. О непрерывности духовной и культурной традиции говорить не приходится: каждому вновь подраставшему интеллигенту приходилось самому, наощупь открывать уже давно открытое, разгребать кучи идеологического мусора, отыскивая крупицы истины. На помочь в этом деле рассчитывать не приходилось. Даже родители предпочитали молчать: одни из опасения за судьбу своего чада, другие из страха — вдруг чадо ненароком болтнет лишнее в школе, на улице, в институте. К концу сталинского правления могло показаться, что в стране не осталось иной культуры, кроме дозволенной "отцом народов", не осталось людей, способных мыслить по-человечески.

ХХ съезд, намеки на либерализацию некоторых сторон жизни, возвращение из лагерей остатков интеллигенции старого закала, московский фестиваль молодежи, выставка американского искусства, частичная реабилитация некоторых представителей русского авангарда начала века, профильтрованный, узенький ручеек переводной западной литературы — все тогда казалось бурей, невероятным пиршеством духа на фоне полного штиля последних трех десятилетий.

Пробудившееся сознание целого молодого поколения, пробудившийся от сна, порождающего чудовищ, интеллект... Множество "почему?"...

И, как правило, молчание в ответ или стандартные лозунги. Мысль ищет новых форм своего воплощения — почти все новое, нештампованные отрицается и шельмуется. При громогласности прогрессистских лозунгов хрущевский режим оставался сртодоксальным.

Контраст между декларируемым и существующим не мог не породить волны духовного сопротивления, более активного, более явного, чем прежде. Многие молодые люди уходят от привычной общественной и, по возможности, социальной жизни, создают новую, необычную среду интеллектуального существования. Появляются первые диссиденты, появляется андерграунд, подпольная богема. Возникают места постоянных тусовок, своего рода клубы. В Москве это — площадь Маяковского (первая и вторая волна выступлений), "Яма" — пивная на углу Пушкинской улицы и Столешникова переулка, позднее — "Метла", "Лира", "Синяя птица". В Питере — прочно и основательно — Сайгон.

Поначалу у андерграунда были трудности только во взаимоотношении с властями: запрещают писать, рисовать, играть, думать, собираться, за неповиновение сажают, кого высыпают на сто пятый, кого вообще за кордон вышвыривают. Борьба на первых порах сплачивает, дает ощущение единства, не позволяет взглянуть друг на друга внимательнее, увидеть различия. Долго так продолжаться не мог-

ло. В какой-то момент единая, на первый взгляд, нонконформистская культура стала расслаиваться. Одни стали искать промежуточных форм, пошли на более или менее почетный компромисс (Вознесенский, Евтушенко, Кушнер и так далее, и так далее, и так далее). Другие, чувствуя свою полную несовместимость с окружающим, невозможность хоть что-нибудь изменить к лучшему, в порыве гнева или отчаяния подались на Запад (Бродский, Галич, Аксенов, Войнович и так далее, и так далее, и так далее). Третий, оставшись, не пойдя на компромисс, продолжали борьбу, и не только с властями, но и с собой, с огромным напряжением всех душевных сил, которого требует внутренняя эмиграция, глубокое духовное подполье. Из этой борьбы они (за редчайшим исключением) не вышли победителями.

Уже на ранних этапах развития альтернативной культуры проявилась ее "шизоидность". Установка на противостояние насаждаемой норме, поиск новых форм выражения, стремление к подчеркиванию своей отделенности, исключительности – все это повышало в глазах андерграунда ценность "шизовки", небывалых состояний сознания. Духовное люмпенство, обрывочность знаний, полученных, как правило, через трети руки, порождали эклектичность мировоззрения, путаность целей, нелогичность постулатов, что тоже приводило к "шизоидности" целого. Само состояние подполья, безвыходность, бесперспективность существования, невозможность в ближайшие ..дцать лет объективно реализовать творческие потенции, состояние всегдашнего стресса, вечного "нет" по поводу "реалий сегодняшнего дня" приводили к срывам, к психическим заболеваниям. Власти, нужно отдать им должное, со своей стороны всемерно повышали престиж "шизоида" не только у андерграунда, но и вообще в интеллигентской среде. Недаром они столько лет инакомыслящих объявляли сумасшедшими и помещали в специальные психиатрические "больницы".

Алогичность, подчеркнутая метафоричность (ложка – "транспортное средство"), нарочитая неприспособленность и неприспособляемость к "нормальному быту", "святое нищенство" как одна из черт истинного интеллигента, аффектация внешней атрибутики (творчество поведения), эпатаж, становящийся повседневной нормой, эстетизация безобразного, признание за каждым права "сходить с ума по-своему" (моральный релятивизм) – вот, пожалуй, основные типологические черты шизоидной культуры.

Постепенно андерграунд обновлялся и все больше расслаивался. Сайгон перестал быть центром всей альтернативной культуры. Под влиянием хиппи, потом панков, а потом уже и новейшего поколения здесь образовалась среда, основным материалом для творчества в которой стала личная судьба каждого, а традиционные формы творчества отошли на задний, подчиненный план. Вся жизнь теперешнего сайгоновца – хэппеннинг.

Спектакли эти имеют, как правило, трагические финалы.

Если потолкаться в Сайгоне час-другой, обязательно встретишь Алину. Она сайгоновка с небольшим стажем (всего два года), но уже считается олдовой. Щупленькая, невысокая, русые волосы, лежащие свободно по плечам, на лбу схвачены "хайратником", зимой и летом потрепанный рюкзачок за спиной, на ногах стоптанные туристские башмаки. Когда говоришь с ней, ее серые глаза смотрят сквозь тебя, сквозь стенку за тобой. О чем она думает? Спросишь – очнется: "Да нет, я тебя внимательно слушаю"...

Два года назад Алина была пай-девочкой, отличницей, умницей, гордостью школы и родителей. Было ей тогда шестнадцать, думала поступать на филологический факультет Ленинградского университета. Когда впервые услышала о Сайгоне, переспросила:

– Это где? В Индокитае?

А потом...

– Когда я первый раз попала сюда, посидела, попила кофе, меня поразила простота и свобода в общении, присущая здешним обитателям. Здесь, если хва-

лят, знаешь — не льстят, а если кроют, так уж на все лады и от души. Я никогда не видела такой свободы и незаинтересованности. Человека здесь ценят за то, что он просто человек, а не за то, что он сделал и кем стал. Здесь ничего ни от кого не требуют...

Алина стала частенько захаживать в Сайгон, читала новым знакомым свои стихи, стала ходить на флеты, пробовала "катать колеса". Кончилось тем, что "какой-то мужик сдал ее в крезу". Мужику, конечно, досталось, но Алина в "универ" уже не попала. Устроилась в училище для секретарш с литературным уклоном. Она вообще бы бросила учиться, но родители настояли.

— Зачем мне это? Книги — прошлое, всегда только прошлое, даже тогда, когда написаны о фантастическом будущем. Они — абстракции. А я живу сейчас, сегодня, я тащусь от ощущения собственных витальных проявлений, от того, что скользжу по жизни, как по водной глади, и она, как вода, обтекает меня. Я вижу, как она подсвечена моим телом, слышу, как журчит, соприкасаясь с ним. Я не тщеславна. Разве смысл лишь в том, чтобы занять какое-то место под солнцем, растолкав остальных руками? А если мне нравится не стоять на месте, а вечно двигаться?

Алина во время этого откровенного разговора будто погружена в себя. Вообще отстраненность — характерная черта сайгоновцев. Говоришь ли с кем-нибудь из них о деле или просто "стебаешься", всегда чувствуешь, что собеседник лишь небольшой частью своего "я" здесь и с тобой, а остальное где-то очень далеко, как в обратной перспективе.

— Аль! Что вы на флетах делаете?

— Как что? Живем, оттягиваемся кто как может: есть любители колес, иглы или плана, есть любители выпить, есть кое-кто, кто кайф ловит от простого сна, есть и ромашки.

— Это еще что такое?

— Когда трахаются кружком и по кругу.

— Ты пробовала?

— Было пару раз. Не в кайф. У меня другие заморочки. Музыка, полуьтма, сигарета. Можно и вообще без музыки, в тишине.

Услышав, как она это произносит, и сразу представишь: десять-пятнадцать человек сидят вдоль стен в тесной замусоренной комнате, где-нибудь в глубине дома, заколоченного и оставленного до капитального ремонта. Слышно, как стучит дождь по крыше, как гулкое эхо долго не затухает в пустой, стылой утробе брошенного жилища, медленно густеют сумерки. Иногда кто-нибудь затягивается, осветив лицо и кусок стены с ободранными обоями красно-золотым. Время почти остановилось. Нет ни прошлого, ни будущего, только эта комната, эта тишина, а большего и не надо...

Сайгоновцы — знатоки Ленинграда. Правда, любителю точных дат и пыльных сведений они не смогут предложить ничего интересного. Их город — город за дворков, заколоченных окон, загаженных дворов-колодцев. Их город — преемник Петербурга Достоевского — похож на декорации фильмов "о том, что будет после конца света". Если предположить, что сайгоновец согласится провести экскурсию, то для начала он предложит вам композиции из разбитых чугунных решеток в парадных домах у Обводного канала. Потом поразит воображение длинными темными коридорами, в которых кажется, что попал в утробу удава: дранка стен с облупившейся штукатуркой — ребра, пролом в стене далеко впереди — пасть. В этом мире очень быстро теряешь ориентацию — переход от дома к дому, с улицы на улицу через дыры в заборах и проходные дворы. Когда окончательно потеряются "право" и "лево", когда мчится, что не выйти на волю из лабиринтов, сайгоновец с ухмылкой выведет вас на какую-нибудь набережную и для разнообразия покажет канализационный сброс, из которого в воду канала иногда прыгают ондатры, или познакомит с какой-нибудь набережной, живущей внутри заброшенной

баржи. На худой конец сообщает, что недалеко "парадное Гребня", и предложит сходить туда, потому что у него там "стрелка" и вся эта "заморочка" с экскурсией "в облом".

"Парадное Гребня" – в доме, где живет Борис Гребенщиков. Сюда совершают паломничества, словно в Мекку, стараясь оставить знак своего пребывания в виде надписи. Чего здесь только не прочтешь! От элементарного: "I love Аквариум" до утробно-сакрального, выведенного огромными кроваво-губно-помадными буквами: "Боря! Трахни меня! Я хочу от тебя ребенка!"

Парадные – излюбленные места обитания нынешних сайгоновцев. Они знают, где, в каком из них широкие подоконники, на которых удобно сидеть и лежать. Знают, где жители скандалят, а где – нет. Парадные удобны для них еще и тем, что во многих не один, а два выхода, и черный ход почти всегда ведет в гулкую сырую арку проходного двора. Расчет прост: если нагрянут "менты", можно будет "стремнуть". "Свингят" одного-двух, не больше.

Взаимоотношения у сайгоновского андерграунда с "органами" напряженные. Началось это еще в легендарные шестидесятые. Тогда, правда, Сайгоном больше занимался КГБ. Позже, когда изменился возрастной состав сайгоновской публики, ее идеология, ее поведение, это поле деятельности отдали милиции. И "люди в серых шинелях" стараются изо всех сил: бегают по дворам и подворотням, стригут налысо, пишут петиции в школы, в ПТУ, родителям на работу, сажают в спецприемники – вообще несут свою нелегкую, трудную и порою незаметную службу. Если спросить у кого-нибудь из рядовых блюстителей закона, понимает ли он, с кем воюет, почему возникло такое явление, в ответ услышишь: "С жиру бесится. Чего им не хватает? В армии служить не хотят, патлы поотпускали, пидары поганые! Ну ничего..." Невдомек ему, приехавшему откуда-нибудь из глухой обнищавшей деревни за "красивой" городской жизнью, что в этом скоплении домов и людей давно уже нарыают свои, не менее сложные, чем на селе, проблемы, и не ему, чужаку, влезать в них с собственным мерилом, как не лезут те же сайгоновцы в кошмар разоренного до тла сельского хозяйства. Но разве объяснишь это ему, "отличному парню", увлеченному погоней за очередным "патлатым ублюдком"? Разве может он понять, почему через несколько дней после отсидки в КПЗ он опять будет тусоваться со своими и потягивать не спеша "двойной маленький"?

У сайгоновцев есть излюбленная "феня": при появлении патруля надевать большой яркий значок с надписью: "Меня уже сегодня свинчивали". Производят значки небольшая "фирма". Главный фирмач – "крутой" сайгоновец с немалым стажем. Его знает вся милиция Ленинграда, потому что не проходит двух дней, чтобы его не забирали. Он постоянно носит с собой авоську с большим свертком в полистиленовой упаковке. В свертке – документы на все случаи жизни – от свидетельства о рождении до справки из психиатрического диспансера. Глядя на него, на то, как он несет эту авоську, как здоровается со знакомыми, как, уставившись в одну точку, слушает кого-нибудь, понимаешь – перед тобой поэт поведения, человек-театр, забывший свое настояще лицо, полностью мутрировавший в собственный имидж. Это – сайгоновец в чистом виде.

Но есть здесь и несколько иные типы, сайгоновцы в большей или меньшей степени. Вот к нашему стояку подплывает помятая, небритая личность. Это Проня. Первый раз, когда он неожиданно "причалил", Алина отрекомендовала:

– Один из здешних пинтов. Пишет много, но бездарно.

Она оказалась права. Даже при самом доброжелательном подходе пронины "тексты" поэзией назвать нельзя. Это скорее нечленораздельное мычание, кафофония, созданная еще не пробудившимся сознанием. Так должны были бы звучать заклинания самых первобытных людей. Но Проня считает их по меньшей мере гениальными и в ответ на любую критику хрюпит:

— Ты — старпер и родился старпером. Можешь меня с говном сожрать, но стихи у меня в кайф. Знаешь, сколько пиплов на них оттягивается?

Что верно, то верно. Многим сайгоновским обитателям "поэзия" Прони нравится. Но дело тут скорее в том, что она пересыпана сленгом, перенасыщена специфическим антуражем. Срабатывает "эффект присутствия". Действует не "как", а "про что". Но Проне достаточно признания своих. Основная черта его поведения в отношении "старпов" (как, впрочем, почти у всех здешних обитателей) — высокомерное презрение. Первое время никак не можешь понять, чего здесь больше — игры или искренности. Потом становится ясно, что Проня и его коллеги (таких поэтов в Сайгоне немало) промежуточная во многом фаза эволюции сайгоновского андерграунда.

Вначале, когда здесь собирались первое "поколение сторожей", когда только закладывались основы шизоидной культуры, а "шиза" была лишь средством выявления нового содержания, средством эпатажа, среди сайгонцев ценилась образованность, они могли отличить талант от имитации. По мере того, как становилось ясно, что выхода из подполья нет и не будет, что реализоваться в традиционных формах творческой деятельности невозможно, оставаясь самим собой, в Сайгоне все больше начинали ценить человека просто за то, что он свой, а в плане творчества достаточно было декларации. Не тексты, не музыка, не живопись, а поведение становилось критерием талантливости. Чем "шизовее" выходки — тем лучше. К этому времени Сайгон почти полностью захватили хиппи (система) с их отрицанием старой культуры, с их пристрастием к моторным, подсознательным проявлениям человека, с их нежеланием взрослости. Изменился и средний возраст сайгонцев. К середине—концу семидесятых он составлял двадцать лет. Эстафету подхватили панки. Они усилили эпатаж, сделали ставку на "шизу" как на основную форму бытия. К середине восьмидесятых средний возраст сайгонцев упал до 17–18 лет, а образовательный уровень не поднимается выше ПТУ или техникума. Основной чертой характера все явственней становится искусственно поддерживаемый инфантилизм.

Типичная сцена. Вечер. Осень. Сквер недалеко от Сайгона, куда выплескивается тусовка, когда в помещении и у дверей уже нет места. Две сдвинутые скамейки, между ними урна. На скамейках и вокруг расположилась куча человек в десять. Кто сидит, кто полулежит, кто старше, кто младше, но всем не больше двадцати. Изредка они с гордостью и с не очень скрываемым презрением поглядывают на окружающих. Из-за угла появляется новый персонаж. Стриженая налысо голова, неказистый, натянутый до ушей берет, болоньевый плащ, подвязанный ремнем, застегнутым на последнюю дырочку, на ногах короткие резиновые сапоги с широкими голенищами. При одном взгляде на него возникает ассоциация с пятилетним замурзанным мальчишкой, только что мерившим лужи. Приближается. Его заметили. Радостный вопль:

- Дык!
- Елы-палы!
- Тебя же в армию забрили?
- Они забрили, да я не забрался.
- Что делать будешь?
- Дык! Братушка, не горюй! О чем печаль? Посмотрим...
- Ну дело твое. Курнуть хочешь?

И общий разговор продолжается дальше.

Конечно, эта линия эволюции не была прямой. И сегодня в Сайгоне можно одновременно встретить и шестидесятников, и семидесятников, а это неизбежно накладывает свой отпечаток на "пионерчиков". Некоторые из тех, кто начал свой путь в Сайгоне, нашли свою нетореную дорогу.

Еще совсем недавно было так: после закрытия кафе почти наверняка оказываясь в обширных питерских подвалах с гулкими переходами, с мускулистыми

руками уходящих в непроглядную темень труб. Где-то в этой угробной темноте горит ноющим светом запыленная лампочка над фанерной дверью. Дверь с грохотом распахивается:

— Я-ха!!! — вылетает навстречу с теплым воздухом. В каморке с неоштукатуренными стенами на сооружении из ящиков, напоминающем то ли тахту, то ли лежанку, сидит некто в черном прорезиненном плаще, башлыке и старых автомобильных очках-консервах.

— Где Цой?

Фигура молча тычет большим пальцем в стену позади себя. В ней оказывается еще одна дверь. Вновь анфилада переходов, а за ними, словно в преисподней или кузнице Вулкана, пляшут красные отблески по закопченным стенам, в распахнутой топке бушует пламя, и в раскаленную ее пасть полуобнаженный парень с отягом зашвыривает уголь, лопату за лопатой. Это — Цой, руководитель рок-группы "Кино". Он на дежурстве в своей котельной. Только в работе кочегара, по его словам, он находит удовлетворение:

— Здесь все зависит только от моих усилий. Я кидаю уголь — людям наверху тепло. Результат сразу налицо. Без посредников. Он вытирает локтем пот со лба, бросает в сторону верхонки, а из темноты уже просят:

— Цой! Поиграй...

Он берет гитару и поет. Для него и этот подвал, и Сайгон, и обстановка подполья — антураж, материал для творчества. Уже давно, с тех пор, как взял в руки гитару, с тех пор, как написал первый текст к первой самостоятельной композиции, — Сайгон стал удаляться от него, а он от Сайгона. На первый взгляд, все как и прежде: те же друзья, те же слова, те же тусовки. Но на самом деле он уже в другом измерении. Он существует не ради существования, а ради чего-то, что можно назвать роком, музыкой или даже искусством. А те, кто его слушает по ночам в подвале, все больше и больше уходят за грань. Сегодня он еще может спеть "Мое поколение", потому что сегодня в его сознании еще сосуществуют и Сайгон, и рок-клуб, и группа "Кино" как единое целое, а завтра... Завтра поколение перестанет быть единым в чем-то существенном, расколится.

Так и произошло. Сейчас нет-нет да и услышишь от "капитанов" ленинградского рок-клуба: "Это их сайгоновские дела". А ведь знаменитый теперь на всю страну ленинградский рок всем своим своеобразием, своей напористостью, "дикостью" обязан именно сайгоновскому андерграунду, его шизоидной инокультуре, через горнило которой прошли почти все талантливые рокеры.

Если у бывших сайгоновцев отношение к тому, что происходит в кафе от ресторана "Московский" и вокруг него, неоднозначное, то у остальных и подавно. Не редкость в этом месте на Невском поздним вечером групповые драки. Это "Садовцы" (питерские люберы) и "милитеры" (афганцы, не знающие, куда излить свою обиду на общество, пославшее их умирать и убивать в неполные восемнадцать) устраивают "разборки" со всей этой "гнилой кодлой". Драки затяжные, свирепые, кровавые. Милиция, сама имеющая зуб на сайгоновцев, предпочитает "свинчивать" только их. Если же в запале и заметут Садовца или милитера, то быстренько и без шума выпускают. Да и как может быть иначе? Они ведь одного поля ягоды.

Уже в конце шестидесятых—начале семидесятых, когда началось расслоение андерграунда, потомки старой интеллигенции начали создавать свой вариант подпольного бытия. Они восстанавливали оборванные связи с традицией, стараясь овладеть как можно более широкими и глубокими гуманитарными знаниями. Общение шло в основном на квартирах во время дружеских застолий. Этот вариант духовного сопротивления в обиходе называли "культура кухонь". Между двумя разветвлениями (сайгоновским и "кухонным") не было резкого размежевания, они взаимопроникали друг в друга. Но если сайгоновцы все больше склонялись к

отрицанию, то другая часть "подпольщиков" все с большим пietетом относилась к прошлому. В их среде оправдывалось мрачное пророчество Замятиня: "Я боюсь, что у русской литературы (шире — культуры, К.С.) одно только будущее: ее прошлое". Утонченные, умеющие докопаться до сути, они все же очень похожи на начетчиков, и для них все, что выпадает из традиции или отрицает ее, — нонсенс и деградация.

— Сайгон — это трагедия, — говорит Татьяна Ковалькова, ленинградская журналистка, сделавшая на телевидении программу о судьбах "олдовых" сайгонцев.

— Вы не представляете себе, что это за упадок и запустение!

— Таня, может быть, там сейчас зарождается что-то новое, новая культура?

— Не может быть культуры вне Достоевского, Блока, Ахматовой, вне выработанных за века ценностей.

— Понимаешь, — заочно противоречит ей Валерий Никольский, руководитель Коммуны-1 (ЮФо, как его прозвали "системники"), — многие черты сегодняшнего сайгоновца — от протesta против "папиных дел", "папиного кино", "папиной литературы", "папиной идеологии", для них "нет" равнозначно "ино". Твердят, что нужно брать на себя ответственность, становиться взрослыми. Значит, не будем взрослыми, на всю жизнь останемся детьми. И здесь, кроме инфанилиза, есть и другое. Что на земле чище ребенка? И что плохого, если взрослый хоть в чем-то навсегда останется большим дитятей? А пацифизм? Он же становится кровью и плотью сайгоновца. Да, отрицание приводит, с одной стороны, к созданию культуры с нулевой степенью письма. Но, с другой стороны, сквозь Сайгон прошли и Гребень, и Курехин, и Цой, и митьки, и многие другие, кто сейчас на острие, кто созидает. У меня есть знакомый парень, который после дежурства в котельной поднимается на крышу полуразрушенного дома, законсервированного для капитального ремонта, и поливает там лебеду и маленькую береску, выросшие прямо на остатках крыши. Что это? Я думаю, рождение новой эстетики, нового сознания. Сознания послекатастрофической эпохи. Крах, о котором сегодня так много говорят, на самом деле уже произошел. Потерпел полное фиаско старый гуманизм. Нужен какой-то новый его тип. И он рождается, рождается в муках отрицания, в муках забвения всех незыблемых, казалось, норм. В этом смысле опять "пепел Клааса стучит в мое сердце". Сайгон — лишь попытка, лишь путь, может и туниковый. Но об этом узнают лишь тогда, когда он будет пройден до конца. Мне иногда кажется, что сайгоновцам сегодня повезло чуть больше, чем остальным. Очередная оттепель повыманила многих из тех ниш, которые создавались долгие годы, но, судя по всему, все как было, так и останется по-прежнему, а лучше, как в поговорке: по-Брежневу. И тех, кто вышел на свет Божий, поверил, тех ждут ломки, забвение идеалов, слезы и муки в очередной раз обманутых надежд. Этого, я думаю, избегнут сайгоновцы. Они никуда не выходили, ничему не верили, а шли и идут своим, пусть и окольным, путем — путем изгоев. ●

“И ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ...”

По „страницам “Молодой гвардии”
и “Нашего современника”

*Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелики,
Как мюмзики в мове.*

Льюис Кэрролл.
“Алиса в стране чудес”

Года три с лишним тому назад, когда так хороши и свежи были розы, журнал “Страна и мир” выходил каждый месяц, а слова “перестройка” и “гласность” еще не были освоены западным обывателем, так вот, в те времена на этих самых страницах я рискнула заявить, что чтение советских толстых журналов – занятие скучное. И подкрепила свое заявление отрывком из романа Николая Сизова, опубликованного журналом “Молодая гвардия”.

Признаваться в собственных ошибках хоть и малоприятно, зато весьма почтенно, да и модно нынче. И хотя мое утверждение было верно для того периода, получившего ретроспективно определение “застойного”, теперь оно, как говорится, опровергнуто самой жизнью. Жить стало интереснее, читать журналы – тоже. Не осталась позади прогресса и “Молодая гвардия”. Дерзко расширилась тематика, оживился язык, выпускнее проглянули задачи и цели, стало лучше видно, кто есть кто, кто с кем, кто – кого. Как справедливо заметил один из критиков, гласность каждому проявить себя позволяет.

“Гляди, что делается в мире...”
О самом главном

Итак, раздвинулись горизонты. Романы о колхозной страде потеснились, уступив место произведениям “о самом главном”, и “Молодая гвардия” вышла на передовой край развернувшейся борьбы с масонами.

Герой Сергея Воронина (“Напиши, сынок, повесть...”) – писатель средних лет Брызгалин, человек не без способностей, но конъюнктурщик и конформист, смакующий циничный лозунг “выйдет романчик, получим гонорарчик”, легко сочиняющий бросовые романы о рабочем классе и точно знающий, что такая актуальная тема, как сделать книгу проходной и как выжать из нее максимальную деньгу. Да и помимо литературы автор наделяет Брызгалина выразительным набором неприглядных свойств: “заядлый урбанист”, любитель сладкой жизни, обширные связи – в комиссиях и антикварных магазинах, в гастрономах и ресторанах, владелец уютной квартиры, “жигуленка”, венгерской стенки с хрусталем, ковров “натуральной шерсти”, бара “кое с чем” и новомодной заграничной техники, включая “видик”, по которому “можно посмотреть фильмик, такой, чтобы разжечь чувственность...”

А начиная этот герой, между прочим, не так уж плохо: в первой своей “острой” повести проявил себя “настоящим художником слова”. Многозначи-

тельная деталь: повесть Брызгалина называлась "Весенние сугробы" – явный намек на то, что ее автор вступил в литературу в период первой оттепели и относится к тому племени шестидесятников, из которого вышло столько ненавистных для "Молодой гвардии" имен, – тех, кто, как замечает член редколлегии журнала Михаил Лобанов, "ныне задает тон на радиостанциях "Свобода" и "Свободная Европа"."

Впрочем, герой С.Воронина в диссиденты не подался: ему волей автора уготована другая судьба. В один прекрасный день – собственно, повесть и представляет собой описание этого самого дня – бездарный писатель Эдгар Соскин предлагает Брызгалину вступить в Группу Захвата. "Дело серьезное, – объясняет Соскин. – Как говорится: быть или не быть. Гляди, что делается в мире: масоны, мафия... Весь мир опутан сетью... Поэтому я и решил создать свою Группу Захвата. Нас уже пятеро. Ты будешь шестым. Это ядро. Мы будем обрасти."

Брызгалин, не понимая поначалу серьезности положения, пытается свести все к шутке: "На предмет мафии?" Но Соскину не до шуток: "Нет, конечно, это никакая не мафия. Просто группа, сплоченная одним интересом. Будем поддерживать друг друга. Скажем, вышла у тебя книга. Я пишу на нее хвалебную рецензию. А до этого кто-то из наших выступил на собрании и положительно о ней отозвался... Кто-то из нашихшел в редакцию и тоже похвально отозвался о твоей книге. Кто-то замолвил о ней словечко в Москве". Это лишь ближайшие цели, на будущее же Группа Захвата планирует кое-что пограндиознее: прийти к руководству в Союзе писателей!

В рассуждениях новоявленного масона Соскина есть даже некое вполне рациональное зерно. Он проницательно замечает: "Те, кто сейчас нами руководят, они ничем не лучше нас... Ты погляди, кого всех больше награждают? Их же! А за что? У большинства из них книжонки-то слабые".

Не лишенныйrudиментов нравственного чутья, а также из любви к литературе наш герой сперва в Группу Захвата вступать не хочет, однако Соскин зловеще предупреждает: "Учи, тебе будет худо, даже если ты будешь Львом Толстым. Прибериши, кланяться будешь".

Намек насчет Льва Толстого тоже многозначителен. Где-то в середине повести выясняется имя-отчество Брызгалина: Лев Николаевич.

Убедившись, что другого пути нет, – все ключевые посты в редакциях, критике, секретариате Союза плотно заняты членами Группы Захвата, – герой смиленно прислушивается к внутреннему голосу: "Звони Соскину. Соглашайся. Не будь дураком!"

И хотя сам телефонный разговор происходит уже за пределами текста, у читателя не остается сомнений, что тезка Толстого вступил в группу. Отныне он человек для литературы конченый. И, конечно же, он так и не выполнит просьбу матери и не напишет повести про тетю Варю, у которой "муж был посажен как враг народа". Сама тетя была исключена из партии, "принимали только разнорабочей... сын не мог поступить в институт из-за отца". Повесть Брызгалин не напишет, зато использует историю жизни тети Вари в очередном конъюнктурном романчике о рабочем классе: актуальный сюжетик, отчего не спекульнуть... Так заодно, мимоходом, бросается тень и на лагерную тематику, которая после двадцатилетнего перерыва возрождается в советской литературе. Ежели где встретите сочинение современника "про это" – знайте: масон он, член Группы Захвата...

**"Ни одного нормального русского человека".
Насильник Окуджава**

Жила-была в древнегреческой мифологии музу истории Клио. Не какая-нибудь там легкомысленная вертихвостка, а вполне почтенная музу, ничуть не хуже

своих восьми компаньонок. И вот буквально на наших глазах произошло жуткое безобразие: старушку изнасиловали! Да не кто-нибудь, а "поэт-песенник" Булат Окуджава. Но если бы не бдительное око уже упомянутого выше Мих.Лобанова, этот гнусный поступок, чего доброго, не был бы замечен и все сошло бы "пожилому автору" с рук. Не зря М.Лобанов в статье "История и ее литературный вариант" задается вопросом: "Отчего так безнаказанно насилищает сочинитель над музой Клио?" Заметьте, кстати: "не над мифологической Клио", которая все же, как ни крути, гречанка, а над "реальной историей русского народа".

Сорвав с Окуджавы все покровы, М.Лобанов как дважды два доказывает, что замысел "сочинителя исторических романов" сводится к одному: опорочить Россию XIX века, представить ее "не мировой державой с мировой культурой", а какой-то помойкой, где царит "сплошное скотство и мрак". "Ни одного нормального русского человека, все уроды, тупицы, доносчики, пьяницы. Если и есть порядочные герои, то кто угодно — немец, полька, француженка, грузин и т.д., — только не русский", — негодует Лобанов.

Классифицировать героев на основании их анкетных данных — занятие странное. Однако тут просто ничего иного не остается, посему займемся счетом на пальцах. Да и любой читатель, знающий хотя бы последний роман Окуджавы "Свидание с Бонапартом" (удостоенный в лобановской статье особо яростного разноса), прочитав вышеприведенные строки, спросит: разве не русский — генерал Опочинин, составивший безумный план заманить Бонапарта к себе на обед, поджечь дом и ценой собственной смерти спасти Россию? А синеглазая Варвара, которая собрала из своих крепостных партизанское войско? А милейший Тимоша, друг декабристов, пустивший себе пулю в лоб после ареста и следствия? И, наконец, любимый герой Окуджавы — Свечин, в котором воплощен авторский идеал: Свечин, приверженец идей просвещения, вольнодумец и вольтерьянец. Насчет Свечина, впрочем, даже Лобанов признает, что он "по национальности русский (кстати, окончивший Сорbonну)" — то есть не без изъянчика тоже... Свечин не устраивает Лобанова и по другой причине: он "отравлен загадкой крови".

"Оказывается, для кого-то действительно страшное дело — кровь, особенно когда она становится маниакальной идеей. Она преследует рассказчика", — многозначительно замечает критик, обрушивая на читателя град цитат, где и вправду фигурирует слово "кровь", только вовсе не в том зловеще-метафизическом смысле, который вкладывают в него Лобанов, адепты общества "Память" и комментаторы "Протоколов сионских мудрецов", не в том смысле, в каком употребляли его устроители процесса Бейлиса. Речь в романе Окуджавы — о крови, которая проливается на войне, о "кровавой тирании", о "кровавых войнах". А вся "отравленность" Свечина "загадкой крови" заключается в том, что он — против насилия и стихии разрушения, против бунтов и революций. "Разрушить легко, но как быть потом? Все знают, как разрушить, как пустить кровь, как вздернуть, как захватить, как покорить... Но как сделать меня счастливым, не знает никто", — рассуждает герой, прошедший долгий путь от якобинства к убеждению в необходимости бескровного переустройства общества, от бунтаря до воспитателя великого князя, от низвергателя — до просветителя. И упрекать Окуджаву в злоупотреблении словом "кровь" здесь так же нелепо, как приписывать садистские наклонности эксперту, составляющему медицинское заключение об убийстве.

Булат Окуджава не единственный, хоть и главный, герой статьи М.Лобанова. Достается и покойному Павлу Антокольскому, позволившему себе в "Повести о москах Александра Невского" рассказать о том, как мужики, которые везли святые моски, "взяли вдруг да и перепились вдрызг, и утопили моски в реке", и Виктору Сосноре, который в своих стихах восхваляет Петра Третьего, — не оттого ли, с хитрым прищуром спрашивает критик, что поэт "и в масонстве его (Петра III) полагает особую историческую заслугу?" Или вот Геворк Эмин — хоть и

не о России, об Армении пишет, а туда же: говоря о геноциде армянского народа, "обвиняет в этом "младотурок", "пантюркистов", называет имя Талаат-паши", но умалчивает, что и те, и другие, и сам Талаат были – кто?.. правильно! Ну конечно же, масоны! И – в качестве дополнительного пикантного штриха "интересная подробность: в 1916 году Карл Радек жил на квартире Талаата в Берлине и был солидарен с ним в армянском вопросе".

**"Восхваление того самого Кафки..."
Памяти главного редактора**

Автор продолжает свои изыскания в истории литературы. Тут тоже много чего наворотили: "Привычной стала дезориентация в духовных понятиях, критериях", – сетует М.Лобанов. Пример? Пожалуйста: один известный писатель в предисловии к публикации "Ювенильного моря" Андрея Платонова помянул Достоевского и Кафку, причем первым – Кафку. "И это пишет человек, много делающий для защиты природы, – пишет Лобанов. – Выходит, борец за экологию среды есть непротивленец в экологии духа, ибо как же иначе понимать восхваление того самого Кафки, который с брезгливой немощью смотрел на человека как на мерзкое насекомое..."

Проштрафился и Юрий Трифонов. Он, оказывается, духовный родственник "пожилого поэта-песенника": "Если для Окуджавы Россия XIX века – сплошное скотство и мрак, то для Трифонова русское искусство XIX века не что иное, как только "почвенническая фанаберия".". Этот неожиданный вывод делается на основании перевранной цитаты. Впрочем, совершенно очевидна святая убежденность Лобанова, что нечего церемониться с этим Трифоновым, книги которого, как считает критик, "по литературному уровню" не превосходят творения забвенного автора "Тли" Ивана Шевцова...

Вы скажете, дорогой читатель, это все так, сотрясение воздуха, литературные споры, вернее, дрязги, не стоящие нашего просвещенного внимания. Ошибаетесь: дело куда серьезнее, нити тянутся далеко, аж за океан. И разумеется, лишь такому доке в раскрытии заговоров, как М.Лобанов, под силу установить и выявить столь неочевидные, отдаленные причинно-следственные связи:

"В конце января 1987 года по советскому телевидению выступала группа "возвращенцев"... говоривших о том, насколько сильно в массовом масштабе распространена в США русофobia. Один из выступавших даже заявил, что это больше всего угнетало его там, за океаном. Массовая информация, которая вся в руках сионистов, – об этом тоже говорили "возвращенцы", – интенсивно обрабатывает своих читателей, зрителей в духе ненависти к нашему народу, его истории. И невольный вопрос к местным нашим сочинителям всяческих "старинных водевилей" из русской истории: не добавляют ли они, мягко говоря, антипатии к русскому в глазах зарубежного обывателя?"

По удачному стечению обстоятельств случилось так, что в другой своей статье – "Послесловие", опубликованной в апрельской книжке журнала "Наш современник", М.Лобанов продемонстрировал собственное понимание истории литературы. Формально статья посвящена памяти А.Никонова, главного редактора "Молодой гвардии" в 60-е годы, однако с первых же строк становится ясно, что авторский замах и шире, и глубже. Размыщляя над сегодняшней перестроечной ситуацией в литературе, Лобанов находит, что вокруг нее "много суеты, политканства, фальсификаций... Но все на виду!" – строго грозит пальцем автор. И сколько бы ни напускалось "заволакивающего литературное пространство дыма", критик своим орлиным взором все проникает, "что было и что есть. Где подлинное, а где проституированное."

Выясняется, например, что самым прогрессивным и ведущим журналом 60-х годов был вовсе не "Новый мир", как мог бы подумать неосведомленный современ-

ник, а "Молодая гвардия". Именно она вела полемику с журналом "Юность", а вернее, с ее ведущими "пробирочными" авторами, "как Аксенов, Гладилин и др." Их, замечает Лобанов, "нетрудно было нанизать на критическую булавку (наподобие главного персонажа рассказа Кафки "Превращение")", но журнал "Молодая гвардия" делал неизмеримо больше: своими критическими статьями (за подписью "М.Лобанов") создавал "такой духовный климат, при котором невозможно стало бы их размножение".

Так что "Молодая гвардия" была, как говорится, в самом соку и при ответственном деле, меж тем как "Новый мир" хирел и чах. "Объективно было так, что "Новый мир", так сказать, в лице своей критики, задававшей тон журналу, изжил себя, исчерпал в своих либерально-прогрессистских претензиях". Лобанов всячески старается создать впечатление, будто "Новый мир" умер своей, естественной смертью, никто его не преследовал, не шельмовал, не травил. "Слова о гонении на А.Твардовского, на "Новый мир" не более чем плод пристрастного воображения. В обиду Твардовского никогда не давали — и как поэта, и как главного редактора "Нового мира"… не такой уж бедной жертвой выглядел "Новый мир" со своими идеологическими обвинениями в адрес "Молодой гвардии"!"

Впрочем, пора остановиться и задать вопрос: да было ли на самом деле знаменитое "письмо одиннадцати" (в числе которых, кстати, находился и автор разобранной нами повести С.Воронин) под многозначительным названием "Против чего выступает "Новый мир"? Не волнуйтесь, было, Лобанов этого не отрицает. Более того, приводит отрывок из воспоминаний Трифонова о том, как на писательских дачах собирали подписи против этого письма, и добавляет: "Заметьте, какая возня поднялась, какой гвалт — и все из-за одного лишь письма в поддержку журнала "Молодая гвардия"! Оказывается, вовсе не против журнала было письмо, а — за. Смена знаков, и все становится на свои места.

В подтверждение своей версии М.Лобанов даже на Запад готов бросить благосклонный взгляд: "Один влиятельный французский публицист, Робель, писал в журнале "Леттр франсэз" (декабрь 1970), что главным событием в советской литературе был уход не А.Твардовского из "Нового мира" (уже исчерпавшего себя, добавим), а А.В.Никонова из "Молодой гвардии". Время показало, что эти события оказались действительно разного значения". Тут, пожалуй, не откажешь Лобанову в правоте: действительно, разного.

"С тех пор столько времени миновало, — элегически продолжает автор, — сколько событий произошло в литературе, налицо такие необратимые духовные изменения в общественной жизни... и вдруг прежние "новомировцы" вылезли на критическую арену". Вы подумайте, нечисть какая: их истребляют, а они все лезут, лезут...

"Некоторый отрыв ряда авторов". О белых пятнах

Современники помнят крошечное извещение в "Литературной газете" о смерти "члена литфонда" Б.Пастернака. Почти через тридцать лет мы узнали о "восстановлении Б.Пастернака в Союзе писателей СССР". Оба сообщения, как бы к ним ни относиться, — знаки времени. В литературе и в историографии бушует "поздний реабилитанс", многих это злит, раздражает, а то и ставит в тупик. Одна читательница так и написала в своем письме в редакцию: что же это происходит, граждане, раньше было известно, что у нас в XX веке три великих поэта: Блок, Есенин и Маяковский. Теперь откуда-то взялись Пастернак, Ахматова, Цветаева, Мандельштам. Как к этому относиться? По какому разряду зачислить "новоизбранных" гениев? Или, как вопрошал в огоньковской статье некий провинциальный педагог, "что теперь диктовать ученикам"?

Можно похихикать над незадачливой читательницей, приученной оценивать стихи по разнарядке сверху, а можно и посочувствовать и призадуматься: откуда это взялось, отчего оказалось неистребимо в человеческих душах (а что неистребимо – о том вспомнят читательские письма, публикуемые "Огоньком", "Известиями" и "Советской культурой"). Ответ, не исчерпывающий, но внятный, я обнаружила в статье Владимира Бушина "Если знать и помнить".

Бушин, конечно, не учитель из глубинки и не дама с периферии, взыскивающие перста, который указал бы им, что любить, а к чему относиться с прохладцей. Бушину более по душе роль самого этого перста. Дидактический рефрен "необходимо знать и помнить" то и дело звучит в статье. Что же призывает нас знать и помнить поэт, прозаик и литературный критик Вл.Бушин?

Статья начинается с перечисления мероприятий, предлагаемых или запланированных уже в связи с предстоящим столетием Бориса Пастернака. Критик недоволен. "Первая причина нынешнего нагнетания страстей вокруг имени поэта" – это "некоторый отрыв ряда авторов от литературно-исторической реальности", а также "очевидное игнорирование ими как известных фактов творческой биографии, так и определенных особенностей художническо-нравственной позиции Пастернака". Какие же это особенности? А вот, например, Горький: он хотя и считал Пастернака "талантом исключительного своеобразия", но критически высказывался в его адрес. Или, скажем, Набоков, – тот и вовсе назвал "Доктор Живаго" "болезненным, бездарным и полным предрассудков". Ход с Набоковым замечателен в стратегическом отношении: В.Бушин бьет врагов их же оружием, на их территории, непонятно только, почему бы заодно не привести высказывание Набокова о "блаженном большевике Пастернаке"? Боюсь, однако, что обсуждение литературных симпатий и антипатий Набокова может завести нас весьма далеко.

Бушину нестерпимо хочется снизить ранг Пастернака до зауряд-поэта, и, видимо, поэтому в статье дважды, не без некоторой даже назойливости, возникает параллель с Константином Симоновым: тот-де тоже писал во всех жанрах, как и Пастернак, "а сверх того сочинял пьесы, киносценарии, очерки, песни, вел дневники", но почему-то никто не говорит, "что его наследие энциклопедично". Странно и бес tactно выглядит это противоестественное сравнение Пастернака с Симоновым, тем самым Симоновым – редактором "Нового мира", который отказался публиковать не только роман "Доктор Живаго", но и "Предисловие" к стихам (хотя даже сверхдательный Кривицкий, умудрившийся обнаружить антисоветчину в лирически-весеннем стихотворении "Март"¹, считал, что "Предисловие" напечатать можно!). Отказался, пояснив: "Нельзя давать трибуну Пастернаку!"

Возвращаясь в давний 1958 год, Бушин чуть ли не буквально повторяет обвинения против "Доктора Живаго", который "стал знаменем антисоветизма". Он делает вид, будто глубоко верит каждому слову печально знаменитой рецензии "Нового мира" на роман, под которой стояли имена тогдашних знаменитостей. Он только не уведомляет нас о том, почему было напечатано это письмо, не сообщает, что это был отклик советской литературы на присуждение Нобелевской премии. Так же как предпочитает не вспоминать о том, что Конст. Федин, чье имя тоже стоит под письмом, в частном разговоре признал роман, по свидетельству К.Чуковского, "гениальным".

В отличие от Галича, предлагавшего когда-то поименно вспомнить тех, "кто поднял руку" за исключение Пастернака, Бушин предлагает поименно вспомнить тех, кто поднял руку против. Тем более что вспоминать недолго: этих рук было

¹ Не могу отказать себе в удовольствии напомнить читателю это место из записок Л.К.Чуковской. После строк "И всего живитель и виновник, Пахнет свежим воздухом навоз" Кривицкий заявил: "В с е г о живитель и виновник – навоз! Тут целая антисоветская философия! Это значит, что в с е в нашей стране, в том числе и советская власть, стоит на навозе".

всего две: Твардовский и, как ни странно, Грибачев. Но если о поступке Твардовского известно, то Грибачева в этой связи никто почему-то не поминает, и Бушин упрекает Евтушенко в том, что тот "хочет предать забвению "нет" Грибачева — то, что было сказано им при исключении Пастернака". Действительно, нехорошо как-то, несправедливо. Правда, если уж и в самом деле "знать и помнить", то придется вспомнить многие другие эпизоды из биографии Н.Грибачева, например, его роль в космополитической кампании.

Более же всего В.Бушина, как он сам признается, "тревожит в этой истории то, что она подается как "один из примеров ускорения и деловой духовной перестройки в Союзе писателей", что говорят, будто именно в этом нашел выражение "тот дух перестройки, который должен пронизать наше общество", будто это как раз и есть "признак обновления, действительного поворота дел в лучшую сторону". Следуя логике автора, куда спокойнее было бы все оставить на своих местах: и решение правления ССП тридцатилетней давности, и статью "Провокационная вылазка международной реакции", да и роман пусть читают избранные, те, кому привезут из-за границы... В одном, впрочем, можно согласиться с Бушином: действительно, грустно, что во главе комиссии по литературному наследию Пастернака оказался Роберт Рождественский, а в роли душеприказчика поэта выступает Андрей Вознесенский. Грустно и смахивает на фарс. Но ведь сказал же когда-то товарищ Сталин (согласно известному преданию) секретарю Союза писателей, пришедшему с жалобой на членов Союза: "Других писателей в настоящее время мы вам предоставить не можем". Что же делать, если других — нет? Те, кто мог бы пристойно смотреться в этой роли, либо "далече", либо ни за какие пироги не согласятся возглавить комиссию Союза писателей. Попробуйте, например, представить себе на таком посту самого Пастернака...

Ну и наконец, по словам Бушина, его "тревожат опасения, как бы восторги по поводу мнимых "белых пятен" не увели нас от действительных и реальных задач перестройки в литературной жизни". Мнимое белое пятно — это творчество Бориса Пастернака. По заверениям Бушина, поэт "белым пятном" никогда не был, напротив, всегда преблагополучнейшим образом издавался: "и в 1958 году, и в 1961-м, и в 1965-м, и в 1966-м... Какое же "белое пятно", какой запрет?" Право, комментировать эти возгласы как-то даже неловко. Уж профессиональному критику следовало бы "знать и помнить", что в 1958 году книга Пастернака действительно была подготовлена к печати, даже набрана — и рассыпана после присуждения Нобелевской премии. И неужто Бушину неизвестно, что лишь в 1982 году была собрана и частично издана проза Пастернака?

"Был и остается крупнейшим..."

Старая гвардия

Вероятно, снова по закону "счастливых стяжений" со статьей Вл.Бушина соседствует статья Юрия Прокушева о Василии Федорове. Чего там только нет! Например, говорится, что Василий Федоров "был и остается крупнейшим поэтом современности, выдающимся мастером русского стиха", что эта истина становится "все очевиднее". "Поэмы и стихи Василия Федорова как память века!" — заключает автор свою апологию. И в самом деле, как не поверить критику, прочитав такие вот философские строки:

Сегодня мысль необычайная
Меня раздумью предала,
Что радости мои — случайные,
Что их ты — нехотя дала.

Или:

Что-то мучит меня, что-то гложет,
В думах ум не осилит тумана.
Моя мысль разродиться не может,
Как пигмейка, зачав великана.

Есть, есть в этих простых словах своя сермяжная правда: почитаешь их — и все оказывается на своих местах. И если, как сказал поэт, "этот нам компания, пускай стоит", то действительно — Пастернаку тут и впрямь делать нечего.

...В "Литературной газете" промелькнуло не так давно предложение переименовать журнал "Юность" в "Зрелость", а "Молодую гвардию" в "Старую гвардию". Основания для этой шутки определенно есть: затхлостью веет от страниц журнала, где подвизаются все те же ветераны борьбы и труда, образ мышления которых сложился в "сороковые роковые" и не слишком сильно изменился с тех пор. И все же — можно ли сказать, что эта старая гвардия не имеет ни малейшего отношения к молодой, к новой поросли? Сомневаюсь. Не логичнее ли предположить, что перед нами все та же "старая сказка, которой быть новой всегда суждено"? ●

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В №4 "Страны и мира" за 1988 г. опубликовано эссе М.Молостова, где в частности приводится "то ли быть, то ли байка" о том, как Берия арестовал философа Д. Лукача, а Матиас Ракоши отыграл его в покер у Берии.

На самом деле Д. Лукач в СССР, где он жил до 1945 г., не арестовывался. Но, поскольку он вошел в правительство Имре Надя в 1956 г., то после подавления венгерской революции советскими танками, он был арестован и выслан в Румынию. Впрочем, высылка длилась недолго: уже в 1957 г. Лукачу разрешили вернуться в Будапешт.

Но эпизод с игрой в покер действительно имел место, однако играли не на Лукача, а на его пасынка Ференца Яноши. Ф.Яноши (1913 г. рожд.) прибыл вместе с Лукачом в СССР в 1933 г. и был арестован в разгар войны. Лукач пробовал заступиться за него, однако Георгий Димитров уверил его, что это бесполезно. Но однажды близкий к Сталину экономист Е.Варга, узнав о беде Лукача, сказал последнему: "Это мы уладим". Варга каждую среду играл в покер с Берией. В ближайшую же среду Варга отыграл Яноши, и через 2 недели тот был освобожден, да еще и реабилитирован.

Эти подробности сообщил сам Ф.Яноши, живущий в Будапеште, датскому журналисту (газета "Informacion" от 31 октября 1985 г.)

Б. Вайль (Копенгаген)

От редакции. Пользуемся случаем сообщить, что автор эссе Михаил Молостов был в октябре 1988 г. реабилитирован. Вместе с ним реабилитированы и его товарищи Николай Солохин, Евгений Козлов и Леонтий Гаранин, арестованные одновременно с М.Молостовым в 1958 г. по ст. 58–10 старого УК РСФСР и приговоренные к срокам заключения от 4 до 7 лет. Неизвестно, играл ли кто-либо на них в покер.

*

Уважаемые господа!

Больше 15 лет я жил и работал в новосибирском Академгородке. Не могу сказать, что это время оставило только розовые воспоминания, — будь так, не были бы я сейчас в Канберре, — но что городок — лучшее в СССР место для жизни интеллигентного человека, я всегда знал твердо. Письмо Е.Фет в пятом номере журнала за этот год рисует городок зловонной клоакой, населенной голодными, больными оборванцами, которые, кутаясь в лохмотья, проводят долгие зимние вечера за кружкой самогона... Добивается она этих эффектов довольно просто: маленькие (и не очень маленькие) подтасовки, умолчания и смещение акцентов легко меняют знак на обратный, как любили говорить

в городке. Я не уверен, что она это делает сознательно: вполне возможно, что именно таким она и видит мир, но ведь авторские дефекты зрения не делают неправду правдой...

Несколько конкретных примеров. Сразу же за словами "Добро пожаловать в Академгородок" автор обещает рассказать о дырявых валенках, живых электронах и людоедстве. Чуть позже выясняется, что людоедство, если и было вообще (рассказанная история подозрительно напоминает старый анекдот), то к городку никакого отношения не имеет. С валенками тоже что-то нечисто: за 15 лет мы с женой одевали их считанное число раз — расстояния в городке небольшие, а на лыжах обычно ходили в ботинках. Кстати, климат в городке прекрасный: из-за малой влажности морозы до минус 30°С переносятся легко, а холоднее бывает не дольше одной-двух недель за зиму. В домах же топят хорошо, хотя окна заклеивать, конечно, нужно. Живые электроны в городковском фольклоре были, хотя Е.Фет и тут сумела сделать историю еще глупее, чем она была в действительности.

Рауль Нахмансон показал, что если квантовомеханическая неопределенность электронных траекторий есть результат сознательного выбора пути частицами, то должны существовать определимые экспериментально эффекты. Эти эксперименты он предложил проделать в статье, которую в печать, естественно, не приняли. По просьбе автора работу обсуждали дважды: на ученом совете его института и в клубе межнаучных контактов при Доме ученых. Найти ошибку в рассуждениях и выкладках никому не удалось, но рекомендовать работу к печати все же не рискнули.

Ю.Б.Румер скончался после долгой и тяжелой болезни, и состояние его было настолько тяжелым, что никаких конкретных причин для страха ему не требовалось. С местной медициной мне пришлось столкнуться дважды: моя мать лежала в больнице с лейкемией, а жена — с тяжелым остеохондрозом. В обоих случаях и качество лечения, и отношение персонала к больным было существенно лучше, чем в средней советской больнице.

Ремонтом квартир в городке занимается специальная контора, которая берет довольно дорого, но зато имеет все материалы и работает быстро, хотя и не очень хорошо. Для экономии жители городка часто делают ремонт сами, в этом случае материалы действительно приходится воровать на окрестных стройках, но фатальной необходимости в этом нет: доктору (и даже кандидату) наук цены ремконторы вполне по карману.

Я прочитал статью Замиры Ибрагимовой ("Литературная газета" от 17 февраля 1988 г.), которая, по вашему мнению, подтверждает "очерк нравов" Евгении Фет. Там говорится о проблемах, связанных со старением городка, о жилищном кризисе, о плохом взаимодействии науки с промышленностью, о нервных стрессах в городке и об остроте конфликтов (связанных в основном с действиями и деятельностью "Памяти"). Все эти проблемы наверняка существуют, но какое же отношение они имеют к живым электронам ибитым палками чернобурым лисицам?

Марк Малев

(Хольт, Австралия)

9 декабря 1988 г.

Только что в США прибыла еще одна семья из новосибирского Академгородка. Год назад им предложили выбор: или — в очередь на валенки, или — в очередь на детскую шубку. В две очереди сразу нельзя. Семья выбрала Америку. Ни валенок, ни шубки они не дождались.

И вот что они рассказывают. В прошедшую зиму их ребенок едва не умер от холода: согреть квартиру жалкими нагревателями было невозможно. От государственного молока ребенка тошило. Цена яблок на базаре поднялась до 8 рублей за килограмм. Это был тупик. А ведь отец семейства был не кто-нибудь, а врач, между прочим, в той самой академгородской больнице, где родственники г-на Малева получали такое хорошее лечение. И этот врач, кстати, прекрасно знает, кому в этой больнице было положено хорошее лечение, а кому не положено. И письмо г-на Малева ему очень не нравится. Есть и другие свидетели из Академгородка: у них найдется что сказать и по поводу ремонта квартир, и по делу о людоедстве.

Как и повсюду в СССР, в Академгородке работает четкая система: специальное распределение квартир, топлива, одежды, продовольствия и медицинского обслуживания. Для одних есть, для других нет. Раз в неделю у некоторых подъездов Академгородка останавливается закрытый фургончик. Два атлетических молодых человека выпрыгивают из кабин. Один вынимает из фургончика накрытую белой бумагой корзину и несет ее в подъезд. Другой остается сторожить машину. Он сторожит ее от детей. Потому что дети все время заглядывают в фургончик: там, внутри, стоят другие корзины, а в них — колбаса, конфеты, апельсины и многое другое. Потом, уже без корзины, возвращается первый молодой человек. И фургончик уезжает — к следующей докторской квартире. Я прожила в Академгородке 27 лет, но к этой картине так и не смогла привыкнуть.

Старый физик Юрий Борисович Румер тоже к ней привыкнуть не сумел. Он брал положенный ему пакет, но стыдился этого и боялся, что голодные будут его ненавидеть за это. Юрий Борисович когда-то много лет провел в лагере и хорошо помнил, какими глазами смотрит доведенный до крайности зэк на пайку в руках соседа. Задолго до своей последней болезни он откровенно говорил об этом со мной. Может быть, он просто не был столь же откровенен с г-ном Малевым?

Обидевшись за академгородскую науку, г-н Малев не нашел ничего лучшего, как вступиться за живые и сознательные электроны Рауля Нахмансона. Желающие позабавиться могут выписать себе из Института физики полупроводников СОАН СССР, г. Новосибирск, препринт Нахмансона, опубликованный этим институтом на русском и английском языках.

А связь между чернобурыми лисами и академгородскими проблемами все же имеется. Дело в том, что тот человек, который своими руками забивал насмерть лисиц, был не какой-нибудь сумасшедший. Он был старший научный сотрудник Института цитологии и генетики СОАН СССР, владелец пятикомнатной полногабаритной квартиры, один из любимых учеников и приближенных директора института академика Дмитрия Константиновича Беляева. Ему дана была власть, и он своей властью пользовался. И несчастные животные не могли от него убежать.

5 января 1989 г.

Евгения Фет
(Сан-Франциско)

С особым удовольствием прочитала то, что написала об Академгородке неизвестная мне Евгения Фет. Помимо жутковатой правды (а это ее малая часть – знаю из рассказов ленинградцев, которые туда периодически ездят), это блестяще написано, а эпизод про воспитание лисиц с помощью палки – вообще шедевр. Передайте при случае автору, что я как одна из этих лисиц с ней полностью согласна.

И.К. (Ленинград)

Марк Малев покинул Новосибирск в 1982 г. Евгения Фет – в 1988 г. Рискну высказать предположение, что в споре, возникшем на страницах журнала, правы обе стороны. Просто они отражают различные "временные разрезы" академгородковской ситуации.

То, что положение в нашей стране – и Академгородок тут не исключение – ухудшается едва ли не ежемесячно, теперь стало уже общим местом. Надо сделать над собой усилие, чтобы признать, что знакомый тебе кусочек мира уже не тот, каким он был в то время, когда ты его покинул.

В декабрьском (24-м) номере "Вестей из СССР" за 1988 г. сообщается: "1.12.1988 в Академгородке г. Новосибирска во время лекции историка Н.Покровского на сцену ворвалась группа активистов местного отделения общества "Память". Они устроили драку и вывесили плакат: "Сталинизма нет – есть иудо-масонство".

Месяц спустя, в январе этого года, журнал "Знание – сила" рассказал читателям следующее:

"Практика общения с ЭВМ на жаргонах иностранных языков (фортран и другие) – это проникновение буржуазной идеологии в наше мышление. Работать на иностранной клавиатуре – это все равно, что воевать на немецких "тиграх" и "пантерах"... Разработка АСУ... дает прямой доступ "им" к нашей экономической информации и Может быть использована против нас. А чем это грозит, мы знаем по сорок первому году". Это – из отчета газеты "Наука в Сибири" о диспуте, организованном местным обществом "Память" в Доме культуры "Академия" новосибирского Академгородка. На афише значилось: "Компьютеризация: магистрали и туники. – Кому это выгодно? – Судьбы отечественных школ. – ЭВМ и культура. – Выбор пути. – Правда и домыслы об искусственном интеллекте". Выступали многие, в том числе доктора и кандидаты различных наук. Речь шла о (вновь цитирую газету) "закабалении России через техническую политику", о том, что сегодня аналогом "спасения Руси в православном крещении" должна стать отмена школьной компьютеризации. Ораторы обличали внешних и внутренних врагов, навязывающих стране губительную для нее компьютеризацию, тем мешая ей двигаться в будущее своим, особым путем. По непостижимой для нормального ума логике вина за эту "запланированную диверсию" возлагалась, в частности, на масонов".

Еще ближе к сегодняшнему дню: "Литгазета" от 7 февраля этого года. Корреспондент газеты сообщает из Новосибирска о выходе в свет книги сотрудника Сибирского отделения АН СССР Владимира Ильича Секерина. Содержание книги вполне характеризуется заключительным выводом автора:

"...Мы должны наконец проявить гражданское мужество и назвать здесь все своими именами:

а) теория относительности является идеологической диверсией в материалистической философии, она подрывает основы марксистско-ленинского мировоззрения;

б) эта теория стала тормозом в мировой науке..."

Выпавшись из книги этот пассаж, корреспондентка горестно восклицает: "Если бы еще вчера мне кто-нибудь сказал, что появление в печати такого опуса возможно, ни за что не поверила бы. Но вот ведь... Как говорится, жизнь идет дальше самых смелых наших предположений".

Если уж и в Новосибирске глазам своим не верят, то антиподам можно только посочувствовать.

К.Любарский (Мюнхен)

ПАМЯТИ ЮЛИЯ ДАНИЭЛЯ

Смерть — всегда неожиданность, даже когда умирает измученный, тяжко и безнадежно больной человек. Эти строки пишутся под впечатлением все еще свежей потери.

Юлий Маркович Даниэль родился в 1925 году в Москве. Ему не было восемнадцати лет, когда он стал солдатом, воевал на 2-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах, в 1944 г. был тяжело ранен и остался инвалидом. После войны он окончил педагогический институт и несколько лет был школьным учителем сначала в Калуге, а затем в Москве. По примеру своего отца, еврейского писателя М.Даниэля, погибшего накануне войны в лагере, Юлий Даниэль стал литератором — поэтом, прозаиком и переводчиком: ему принадлежит свыше 40 сборников поэтических переводов с идиша, славянских, кавказских и других языков. В 1958 г. ему удалось напечатать в Москве повесть "Бегство", вскоре изъятую из всех библиотек.

В начале шестидесятых годов в советской печати стали проскальзывать упоминания о двух неизвестных писателях-“ренегатах”, живущих в СССР и публикующих свои произведения за границей. 12 сентября 1965 г. Юлий Даниэль был арестован. В феврале следующего года он и Андрей Синявский стали всемирно известны. Оба предстали перед судом по делу, последствий которого не предвидели его устроители — опозорившие себя судьи и “органы”. Процесс Даниэля и Синявского подвел черту под послесталинской оттепелью, но одновременно пробудил общественное сознание в стране. Даниэль мужественно вел себя на допросах и отказался раскаяться. Он был приговорен за “антисоветскую пропаганду” — публикацию художественной прозы за рубежом под псевдонимом Николай Аржак — к пяти годам заключения и отбыл срок наказания в Потыминском лагере. То, почему он пожертвовал свободой, карьерой, спокойной жизнью, чему служил и в чем видел единственный смысл своей жизни, называлось одним словом: литература.

До последнего времени имя Даниэля-Аржака, как и его творчество, находилось в нашей стране под сугубым запретом. Повести и рассказы “Говорит Москва”, “Руки”, “Человек из МИНАПа”, “Искупление”, изданные в других странах и переведенные на множество языков, доходили до читателя в России по тайным каналам. Лишь совсем недавно московская газета поместила короткое интервью с умирающим писателем, в журналах “Огонек”, “Новый мир” и “Юность” появились его стихи, написанные в лагере, и, наконец, “Юность” опубликовала повесть “Искупление”.

Юлий Даниэль скончался 30 декабря, накануне Нового года. Друзья, собратья по перу, товарищи по невзгодам с зажженными свечами проводили его гроб. Поклонимся и мы его праху.●

О светло светлая и красно украшенная земля Русская!

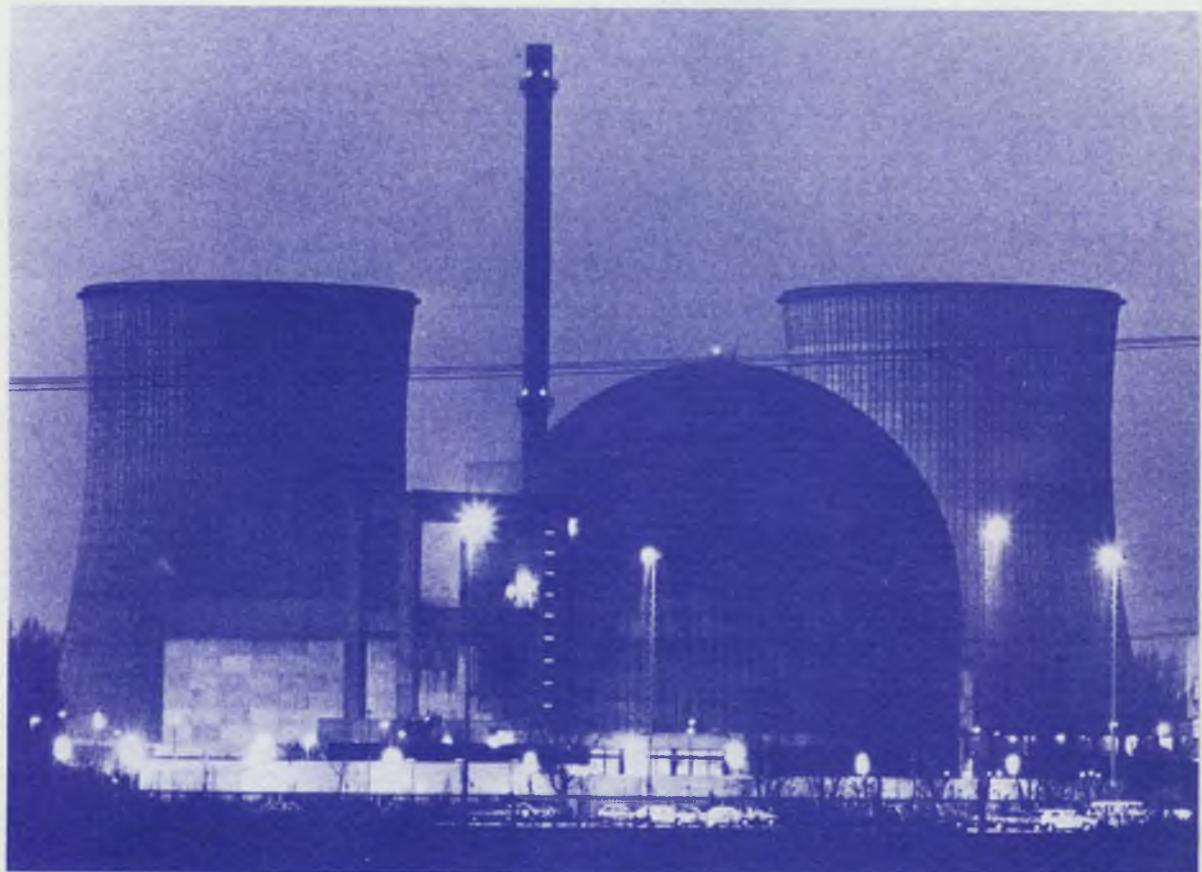
Многими красотами ты нас дивишь: дивишь озерами многими, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями чудными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами великими, селами чудными, садами монастырскими, храмами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими! Всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угор, до ляхов и чехов; от чехов до ятвягов; от ятвягов до литвы и до немцев; от немцев до корелы; от корелы до Устюга, где обитают тоймицы поганые, и за Дышучим морем; от моря до болгар; от болгар до буртас; от буртас до черемис; от черемис до мордвы, — то все покорил Бог народу христианскому, все страны — великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели, а литва из болота на свет не показывалась, а угры каменные города крепили железными воротами, чтобы на них великий Володимир не наехал...

А теперь беда приключилась христианам...

“Слово о погибели
Русской земли” (ок. 1240 г.)

СУДЬБЫ МИРНОГО АТОМА

— В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ